международный научный журнал

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

№ 1 / 2015

международный научный журнал

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

основан в 2015 году

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

Помощь в подготовке выпуска оказала И. Лобачева (Канада)

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS:

УДК 94(367)

РОКСОЛАНЫ С ОСТРОВА РЮГЕН: ХРОНИКА НИКОЛАЯ МАРШАЛКА КАК ПРИМЕР СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТРАДИЦИИ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ РЮГЕНСКИХ СЛАВЯН И РУССКИХ

А. Пауль
Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар»
(Любек, Германия)
e-mail: mail@histformat.com

Авторское резюме

Традиция отождествления рюгенских славян и русских хорошо известна по ряду письменных источников, начиная со средневековья. Причины появления и развития этой традиции остаются слабо исследованными, и их изучение может стать важным источником как для истории Рюгена, так и древней Руси. Данная статья посвящена анализу одного из примеров этой традиции в хронике Николая Маршалка.

Ключевые слова: рюгенские славяне, русские, роксоланы, Николай Маршалк

THE ROXOLANI FROM RÜGEN: NIKOLAUS MARSHALK'S CHRONICLE AS AN EXAMPLE OF MEDIEVAL TRADITION TO ASSOCIATE THE RÜGEN'S SLAVS WITH THE SLAVIC RUS

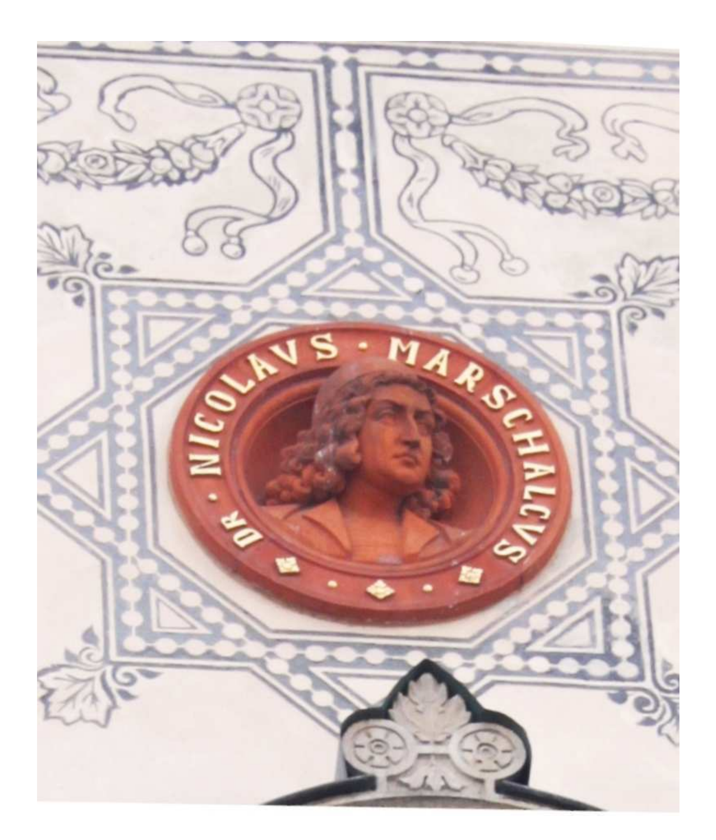
A. Paul
Public and scientific project «Russian-German Historical Seminar»
(Lübeck, Germany)
e-mail: mail@histformat.com

Abstract

The tradition to associate the Rügen's Slavs with the Slavic Rus has been well-known from a number of written sources since the Middle Ages. Reasons for emergence and development of this tradition are still poorly understood, and their study can make a significant contribution to the history of the isle of Rügen, as well as of Rus. The article is devoted to the analysis of this tradition using Nikolaus Marschalk's chronicle.

Keywords: Rügen's Slavs, Rus, Russians, the Roxolani, Nikolaus Marschalk

Николай Маршалк – яркий представителей немецкого гуманизма и один из наиболее выдающихся немецких учёных XVI века. Блестящий знаток древнегреческих текстов, преподававший право в университете города Росток и бывший советником мекленбургского герцога Генриха V, оставил значительный след в самых разных областях науки. Его перу принадлежат многочисленные научные труды, начиная от военно-политических, до естественнонаучных и исторических. Не менее широкой была и его книгопечатная деятельность: Маршалк известен как издатель большого числа книг - от нотных сборников до сборников античной поэзии, от сборников латинских эпитафий до пособий по греческому языку и иврите. Для исторической науки наибольший интерес представляют его труды по генеалогиям правящей мекленбургкой династии и её славянских предков – ободритов.

Илл.1. Николай Маршалк на фасаде Ростокского университета (фото: А.Пауль)

В Новое время исторические изыскания Маршалка не раз подвергались критике. В вину учёному ставилось «фантазёрство», а то и вовсе «нечистоплотность», «выдумывание древних корней мекленбургской династии в угоду содержавшим его правителям». Причиной такой резкой критики стало возведение Маршалком предков мекленбургских герцогов к древним вандалам, покорившим Африку и Рим. Однако, несмотря на то, что такое отождествление не принимается современной наукой, труд учёного нельзя рассматривать вне контекста исторических

представлений, бытовавших в его эпоху. На самом деле, мысль о том, что вандалы и славяне являются разными названиями одного народа, возникла задолго до Маршалка, более того – это отождествление появляется в Германии уже в раннем средневековье, с первыми описаниями немцев соседних с ними славян, и представляет собой историческую традицию, насчитывающие века.

Уже во второй половине VIII века отождествление славян и вандалов представляло из себя прочную традицию в создававшихся в Германии латинских текстах и было характерно для франкских и саксонских летописцев и авторов церковных текстов. Так, в Аламанских анналах под 790-м годом сообщается о походе Карла Великого в «землю вандалов», в то время как Большие Санкт-Галленские анналы относят «завоевание вандалов» Карлом к 795 году. В обоих случаях подразумевались славяне, жившие к востоку от Эльбы. Также и в восходящем к концу VIII века «Житие Руперта» славяне названы вандалами. В IX веке в «Глоссах Саломона» этноним Wandali был переведён как zlowene. В X веке «Ведастинский хроникон» поясняет, что вандалов, завоевавших Рим, во время автора называли венедами, а в восходящем к этому же веку «Чуде святого Удальриха» польский князь Мешко назван «князем вандалов». Августинские анналы передают о поражении, понесённом саксами от «вандалов» в 1056 году – в этом случае речь шла о вильцах. В 1070-х годах Адам Бременский сообщал в своей хронике о южнобалтийской Славии, что эта «*область славян, самая обширная провинция Германии, населена винулами, которых некогда называли вандалами*». Гельмольд во второй половине XII века перенял эту фразу дословно, добавив от себя, что одно из племён балтийских славян, гаволян, называют также герулами. На рубеже XII и XIII веков вандалов с балтийскими славянами отождествлял Саксон Грамматик, называя отделявшую данов от славян реку Эйдер «вандальским концом». В начале XIII века Гервазий Тилберийский указывал, что название Польши и её обитателей происходит от названия реки Вандал, замечая при этом, что эту информацию он получил непосредственно от жителей Польши.

Представление о тождественности славян и вандалов действительно бытовало в то время не только в Германии, но и в Польше - в XIII веке эту же историю передают польские хронисты Викентий Каддубек и Богухвал. Польский хронист Джезва в начале XIV века, основываясь на библейской традиции, считал Вандала одним из потомков Ноя, потомки которого впоследствии владели значительной частью восточной и центральной Европы и дали начало славянским народам. Работавший в универститете города Росток в XV веке Альберт Кранц посвятил истории славян обширный труд, который он назвал «Вандалия» – он не просто был уверен в тождественности обоих народов, но эта мысль красной линией идёт через весь его рассказ. Поэтому нет ничего удивительного в том, что сменивший Кранца на ростокской кафедре после его смерти Николай Маршалк также отождествлял балтийских славян с вандалами. Удивительнее было бы, если бы продолжатель наработок Кранца и знаток древних текстов придерживался бы другого мнения. В

действительности, первые сомнения в тождественности вандалов и славян выразил Давид Хитрей, также работавший в ростокском университете, но уже после Маршалка – в конце XVI века.

Во времена же Маршалка представление о тождественности вандалов и славян никем не оспаривалось и представляло из себя не только многовековую традицию, но и последнее слово немецкой науки, так что «придумывать древние корни, дабы польстить герцогу» ему в этом плане не было никакой нужды – в своих исследованиях он просто использовал доступные ему источники. Более того, труды Маршалка об истории балтийских славян представляют немалый интерес ввиду уникальности и, в некоторых случаях, большой глубины исследований. Так, только из его этнографических заметок известно, что славяне сохраняли в области Ябельхайде на юге Мекленбурга свои обычаи и язык ещё в XVI веке. Анализ изменений описаний погребального обычая ободритов в трудах Маршалка позволил выявить и куда более значительные факты из его биографии – в настоящее время принимается, что во время изучения истории ободритов по поручению мекленбургского герцога Маршалком проводились первые в Германии археологические раскопки (Schimpff 1990: 70-73). Наследие Маршалка, так яростно преданное критике и так незаслуженно – забвению, ещё предстоит оценить историкам, однако, бесспорно, что вклад его в изучение славянства в Германии был очень большим. Анализ многих уникальных сведений из трудов Маршалка в свою очередь натыкается на серьёзные трудности в плане выявления источников. На один из таких, на первый взгляд незначительных, однако, чрезвычайно интересных и важных для изучения истории юга Балтики отрывков в изданном в 1521 году труде Маршалка «Анналы герулов и вандалов» и хотелось бы обратить внимание в данной статье.

В главе 31, описывая деятельность ободритского князя Готтшалька и события, происходившие на юге Балтики после его убийства в 1066 году, Маршалк передаёт ход событий в целом в соответствии с хроникой Гельмольда и пересказом её в «Вандалии» Альберта Крантца. Однако привлекает внимание одно, отмеченное им обстоятельство:

«… inter divos relatus, qui si vivere sibi diutius licuisset, in animo habuit barbaros pro side Roxalanorum, immanesque gentes adire, & belli viribus convertere» (Westphalen 1739: 226).

«…причисленный к лику святых, он (Готтшальк – прим. А.П.), если бы ему было дано пожить дольше, собирался пойти ради веры к варварским и ужасным племенам роксоланов и обратить их силой оружия».

Планы Готтшалька о походе на исчезнувший со страниц истории за много веков до его рождения и никогда и вовсе не проживавший на Балтике народ роксоланов на первый взгляд могут показаться странными. Однако, учитывая характерность для Маршалка именовать средневековые народы именами античных (только в цитируемой главе 31 ободриты названы им вандалами и герулами, а даны –

кимврами), выяснить, кого именно он имел в виду в этом случае не составляет труда. Ответ на этот вопрос можно найти уже в первых переизданиях труда Маршалка в XVIII веке. В небезызвестном, вышедшем в 1739 году сборнике Е.Й. Вестфалена «*Monumenta inedita rerum Germanicarum praecipue Cimbricarum et Megapolensium*» текст «Анналов вандалов и герулов» приводится параллельно на латыне и в немецком переводе и также снабжён двойными комментариями: составленными Валентино Стоентино на латыни и составленными на немецком комментариями переводчика хроники Элиаса Шедия. Оба комментатора сообщают, что под «роксоланами» Маршалк подразумевает русских:

Vitugi – Roxalani, Russi (Валентино Стоэнтино) (Westphalen 1739: 340).

Roxalaner – Reussen (Элиас Шедий) (Westphalen 1739: 324).

Представление о тождественности русских и роксолан скорее всего было почёрпнуто Маршалком из труда его предшественника Альберта Крантца.

«Сначала идут русские, которых Плиний называет роксинами или роксанами, также и Страбон – именем роксанов или роксов, из чего у нас образовалось слово ройссен (старое немецкое название русских – прим. А.П.), они сидят в полуночной стороне, между реками Танаимом и Борнстеном, и держатся в открытом поле. Потому как вся находящаяся к полуночи область от Германии до узкого начала Каспийского моря, насколько мне удалось об этом прочесть, представляет большое и плохое поле. Однако живут ли дальше за русскими и другие, мне неизвестно. Роксоланы, которых Палуко Скилуро призвал на помощь, вели войну против предводителей Митридата Евпатория…» (Krantz 1575. Lib. I. Cap. 2. Перевод с немецкого автора статьи) – сообщает Альберт Крантц в самом начале своей «Вандалии», продолжая обширным повествованием о войнах роксоланов.

Таким образом, представление о том, что «роксоланы» было древним названием русских во времена, когда те ещё были язычниками и представляли из себя жестокий варварский народ, было во время Маршалка уже делом обычным, так что тут он, подобно отождествлению славян с вандалами, просто следует наработкам историков своей эпохи. Как показывают комментарии к переизданию «Анналов герулов и вандалов», это представление сохранялось и было вполне понятно в учёном мире Германии ещё в XVIII веке. Однако если источник появления термина «роксоланы» оказывается возможным установить с большой степенью вероятности, то для осмысления переданной Маршалком информации требуется детальный анализ и реконструкция событий уже самой эпохи Готтшалька, то есть XI века. На самом деле «варварские и ужасные племена» русских, к середине XI века уже достаточно давно принявшие христианство и описываемые современниками, к примеру, Адамом Бременским, и вовсе как «греки», а их столица – «лучшим украшением Греции» (2-19 (22), по: Славянские хроники 2011), представить на юге Балтики не менее сложно, чем античных роксоланов. Что же в действительности произошло в эпоху правления Готтшалька непосредственно перед его убийством, и

кто мог стать историческим прототипом «варварских и ужасных» русских язычников в хронике Маршалка?

Начало истории христианской династии ободритских князей, к которой принадлежал и Готтшальк, восходит к событиям середины X века. С начала X века длящиеся к тому времени уже более столетия попытки завоевания франками и саксами проживавших к востоку от них славянских племён начинают приносить плоды. В первой трети X века саксам удаётся подчинить сначала южные племена бывшего союза велетов, а затем распространить экспансию и на южную Балтику – северную часть бывшего велетского союза и ободритов. Славяне несут ряд сокрушительных поражений и датой первого подчинения ободритов Генрихом Птицеловом указываются уже 930-е годы. Однако в это время в славянских землях юга Балтики ещё то и дело вспыхивали восстания, так что действительной датой покорения ободритов стало решающее сражение на реке Раксе в 955 году (Видукинд Корвейский 1975. Кн. III. Гл. 53-54).

В точности место сражения неизвестно, наиболее вероятным кажется отождествление Раксы с рекой Рекниц в современной федеративной земле Мекленбург-Передняя Померания. Ободритские войска, полагавшиеся на удобную позицию в труднопроходимой местности, понесли полное поражение в немалой степени в результате того, что на стороне саксов выступили рюгенские славяне, знавшие местность и незаметно проведшие нападавших в тыл ободритов. Один из двух братьев-князей, стоявших во главе ободритов в той битве, Стойгнев, был пленён и казнён. Другой же, Након, сохранил власть, но, очевидно, вынужден был принять христианство. Во всяком случае, христианином уже был сменивший его на ободритском престоле во второй половине X века князь Мстивой, христианским именем которого было Биллунг. В результате этих саксонских завоеваний в X веке на славянских землях было создано две епархии: Гамбургская, включившая в себя подчинённые ранее Накону земли, и Гавельбергская, созданная на землях велетских или вильцских племён. Владения обоих епархий хорошо известны по источникам и упоминания их границ представляют важный источник для реконструкции границ тогдашнего христианского мира.

О повторном (первое пришлось на IX век) распространении юрисдикции Гамбургской епархии на ободритские земли говорится в грамоте папы римского Иоанна XV от 989 года, подтверждающей права гамбургских епископов на славянские земли от рек Эгидоры (современная река Eider) до реки Пены: «*...nesnon etiam in illis partibus Sclavorum, que sunt a flumine Pene usque ad fluuium Egidore*» (Klempin 1868: 7).

Бывший современником князя Готтшалька, составивший в 1070-х годах подробную историю Гамбургской епархии Адам Бременский оставил и более детальные описания славянских земель и племён, входивших в гамбургский приход:

«В длину же она, начинаясь, по-видимому, в Гамбургском приходе, тянется на восток, включая неисчислимые земли, вплоть до Баварии, Венгрии и Греции. Славянские

племена весьма многочисленны; первые среди них – ваигры, граничащие на западе с трансальбианами; город их – приморский Ольденбург. За ними следуют ободриты, которые ныне зовутся ререгами, и их город Магнополь. Далее, также по направлению к нам – полабы, и их город Ратцебург. За ними [живут] линоны и варнабы. Ещё дальше обитают хижане и черезпеняне, которых от толензев и редариев отделяет река Пена, и их город Димин. Здесь – граница Гамбургского прихода» (2-18 (21), по: Славянские хроники 2011).

Хронологически это сообщение относится к рассказу о временах создания Гамбургской епархии в X веке. Таким образом, граница Гамбургской епархии после саксонских завоеваний X века и до убийства Готтшалька проходила на востоке по реке Пене, в районе города Димин. Схолия 16(17) к тексту Адама поясняет отрывок с проходившей в районе Димина границе таким образом, что по одну сторону от реки Пены жили племена хижан и чрезпенян, по другую же – толлензев и редариев. В следующем абзаце Адам сообщает, что при этом сам город Димин населяли руны, то есть рюгенские славяне (2-19 (22), по: Славянские хроники 2011).

Илл. 2. Карта границ Гамбургской и Гавельбергской епархий в X-XI вв.

О создании Оттоном Гавельбергской епархии сообщается в грамоте 946 года, её северными границами так же указываются река Пена и «Рюгенское море»:

«*Preterea determinauimus prenominate sedis parochie decimas istarum provinciarum infra suos limites consistentium…Tholenz, Ploth, Mizerez, Brotwin, Wanzlo, Wostze. Terminum vero eidem parochie constituimus ab ortu fluvii, qui dictur Pene, ad orientem, ubi idem fluuius intrat mare,…ab aquilone mare Rugianorum*» (Klempin 1868: 5).

Из церковных и императорских грамот можно заключить, что река Пена, сливающаяся у устьем Одры в районе Щецинского залива, и оттуда впадающая в море в районе острова Рюген, была не только восточной границей Гамбургской епархии и но северной границей епархии Гавельбергской, весь с X по конец XI, а то и XII век. Адам указывает даже и точную границу обоих епархий на реке Пене – город Димин. Большинство земель к северу от реки Пены, между рекой Пеной и островом Рюген, всё это время должны были оставаться не крещёнными.

Из ряда грамот конца X века можно заключить о том, что, несмотря на то, что границы Гавельбергской епархии указываются по реке Пены, немецкие императоры предъявляли права на сбор податей с племени чрезпенян, локализуемого согласно из их названия и указанию Гельмольда, к северу от Пены. В императорской грамотах от 973/975 гг. сообщается о пожаловании Оттоном II Магдебургской церкви имений в различных славянских провинциях, среди которых указаны и чрезпеняне (Klempin 1868: 6-7). Однако скорее можно предположить, что эти дарительные императорские грамоты на сбор десятин с чрезпенян в конце X века существовали лишь на бумаге, но до реального их осуществления так и не дошло. Такая ситуация, когда немецким монастырям даровались права на сбор податей с каких-то славянских земель, в то время как сам сбор податей так никогда впоследствии и не смог быть реализован, а в самих этих славянских землях о христианстве в это время ещё и не слышали, далеко не исключительна для средневековья. В качестве близкого примера можно привести грамоту римского папы Адриана, утверждавшего Корвейскому монастырю право на сбор десятин на Рюгене в 1155 году (Klempin 1868: 22), в то время, как остров был крещён только через 13 лет, после чего вошёл в Роскильдское епископство и выплачивал подати ему, а не Корвее.

Сравнительный анализ других источников показывает, что в действительности границы Гавельбергского епископства никогда не выходили к северу за реку Пену. К примеру, грамота Конрада III подтверждает Гавельбергскому епископству в 1150 году владения в той же границе, что была указана и в 946 году – до реки Пены и Рюгенского моря (Klempin 1868: 20). Ту же информацию передают и жития Отто, отразившие первые реальные попытки христианской миссии в землях между рекой Пеной и Рюгеном. Согласно Эббо, вторая поездка Отто в Поморье началась с Гавельберга (Ebbo von Michelsberg 2012), откуда он последовал через находящийся южнее Пены район Мюрицкого озера к городу Димину. На просьбу остававшихся ещё язычниками мюричан Отто ответил отказом, объясняя это тем, что ему запрещено возводить церкви на чужой территории. Мюричанам он посоветовал обратиться с этим вопросом к Магдебургскому архиепископу Норберту (Ebbo von Michelsberg 2012), в ведомости которого находилось и Гавельбергское епископство. В

самом Гавельберге в тот момент не было епископа, так как жители города вновь обратились к язычеству, однако, из этого отрывка следует, что Отто знал границы гавельбергского епископства и не имел полномочий для постройки в нём церквей. Возведение им впоследствии церкви в находящемся всего в 3 км к северу от реки Пены городе Гюцкове (Ebbo von Michelsberg 2012), наглядно показывает, что река была действительной границей Гавельбергского епископства и земли к северу от неё в него не входили. О реке Пене, как о северной границе всех подчинявшихся Магдебургскому архиепископу епархий, включая и Гавельбергскую, Адам Бременский писал немногим позже убийства Готтшалька:

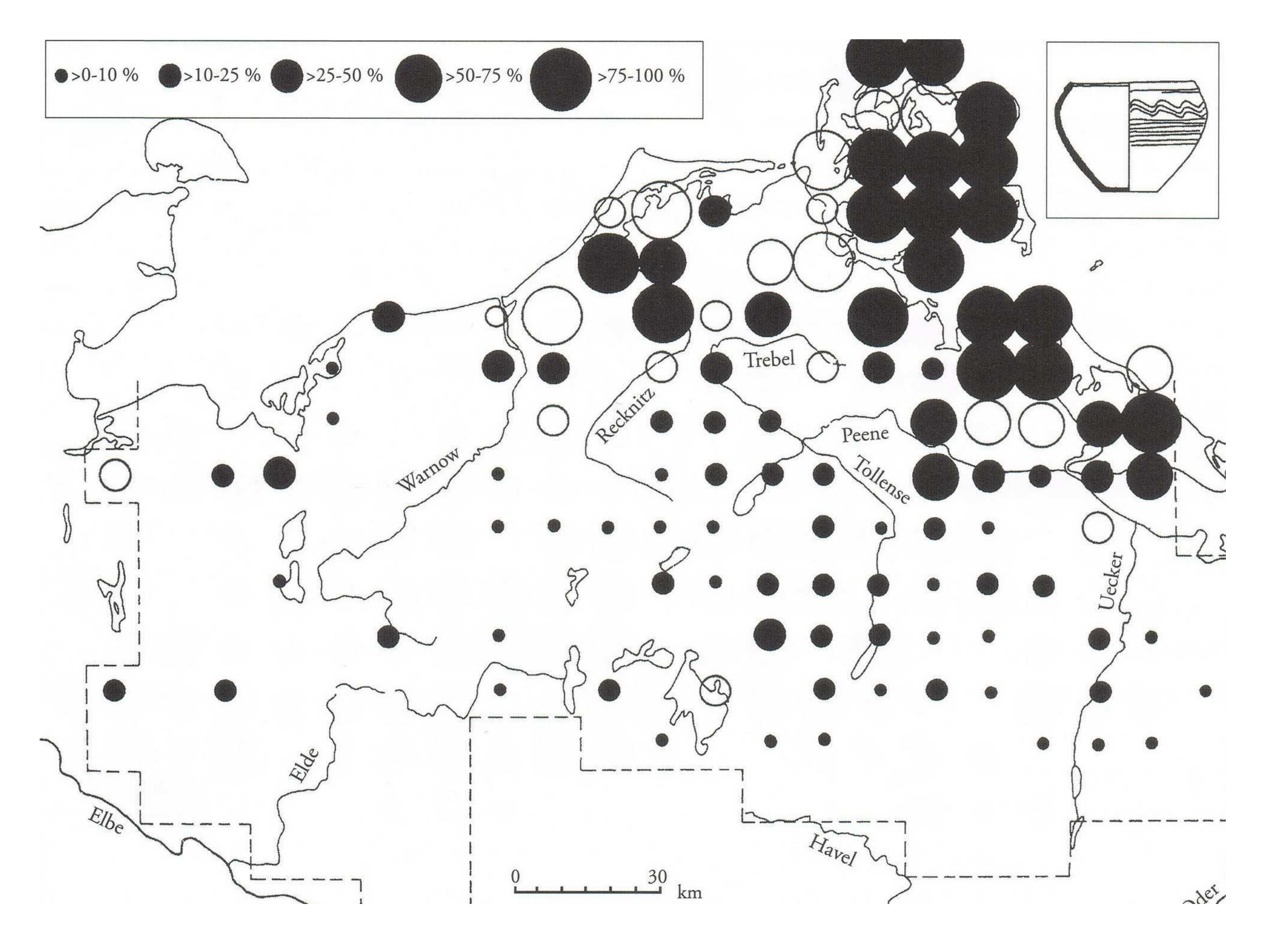
«Магдебургской епархии подчинены все земли славян вплоть до реки Пены; от неё зависят пять епархий, из которых Мерзебург и Цейц расположены на реке Заале, Мейсен – на Эльбе, а Бранденбург и Гавельберг – во внутренних районах страны» (2-16 (14), по: Славянские хроники 2011).

Ввиду всего этого, наиболее вероятным будет предположение о том, что документы 973/975 гг., подтверждающие Магдебургу десятины в землях чрезпенян, были, как и в случае подтверждения прав Корвеи на остров Рюген в 1155 году, предварительными грамотами, до реализации которых дело так и не дошло вследствии начавшегося в 983 году языческого восстания, уничтожившего все достигнутые до это успехи христианизации. Земли к северу от реки Пены, таким образом, в действительности никогда не были зависимы от немецких государств и попыток их христианизации не проводилось до времён Готтшалька.

Крайне важным указанием на события, происходившие в землях к северу Пены, является сообщение Адама Бременского о рюгенских славянах, населявших расположенный на границе христианских епархий и ещё полностью языческих земель город Деммин, и дающее основания предполагать зависимость этих земель от Рюгена. Не исключено, что право на чрезпенянские земли могло быть оставлено за рюгенскими славянами саксонскими правителями взамен за их помощь в битве на Раксе в 955 году, а, возможно, и более ранней помощи в покорении ободритских и велетских племён (границы по реке Пене упоминаются раньше битвы). Сама река Ракса, в случае если она тождественна реке Рекниц, должна была быть западной границей племени чрезпенян, отделявшей их от соседнего, более западного племени хижан.

В археологическом плане культурное влияние или даже частичное заселение или экспансия рюгенских славян на прилегающие к Рюгену земли чрезпенян к северу от реки Пены становится видна по распространению особого Фрезендорфского типа керамики, центром распространения которого был остров Рюген (там она встречается начиная с самых ранних слоёв, в отличие от континентальных земель, где более ранние слои представлены типами Суков и Фельдберг) и появление которого датируется VIII веком. Выступив на стороне саксов в противостоянии с ободритами в X веке, рюгенские славяне, по всей видимости, защищали свою, к этому времени уже «традиционную», зону политических или

экономических интересов, а само сражение на реке Раксе в таком случае произошло на границе подконтрольных ободритам и Рюгену земель, на стыке их интересов.

Илл. 3. Карта распространения фрезендорфской керамики (Brorsson 2010: 27)

Влияние и контроль над землями к северу от Пены рюгенские славяне сохраняли и впоследствии. Корвейские анналы сообщают под 1114 годом о том, как *«герцог Лотарь с войском напал на славян и, прошёл вглубь их земель, подчинил себе одну их область. Когда же те начали сомневаться в своём спасении, то сообщили, что являются данниками св. Вита, и из уважения к нему герцог сохранил им жизни».*

В дальнейшем же выясняется, что:

«Герцогу Лотарю в этом его походе на живущих во внутренних регионах славян помогал маркграф Генрих фон Штаде. Последний набрал 300 всадников из славян-чрезпенян, то есть по 100 от каждого города. Ибо у них есть всего три города с их территориями, отделёнными друг от друга и, считающимися небольшими провинциями. Когда же герцог по завершении похода посредством переводчика спросил их, какому маркграфству они подчиняются, и они откровенно и беспечно, без всяких колебаний ответили, что по закону обязаны подчиняться маркграфу, на стороне которого в настоящее время воюют. Это привело герцога в негодование, и он по своему собственному

признанию приказал бы их всех повесить, если бы не был приведён в тот момент к благоразумию мудростью знатных мужей. После того, как он, наконец, успокоился и согласился объявить о размере дани с этой земли, а также и том, кому они должны её платить, те начали по новой, заявив, что обязаны ежегодно отдавать городу Корвее, покровителем и господином которой является Святой Вит, лисью шкуру или дважды по 30 Бардовикских монет, либо похожих на них или своих монет, равных по весу Бардовикским, на крюк, который у нас называется плугом обрабатывающий одно поле. Эта маленькая провинция, как и было сказано выше, имеет всего три города и, разделённая на три части, расположена между жителями Рюгена и Гавельбергской епархией» (Annalium Corbeiensium 1989: 56-57 (1114). Перевод автора статьи).

Сообщение об уплате чрезпенянами ежегодной дани некоему Святому Виту, но которую не получали и вообще ничего о ней не знали в Корвее, вполне объяснимо, учитывая сообщения Гельмольда того же XII века о главном городе острова Рюген, Арконе, в котором находился храм верховного бога балтийских славян Свентовита, и в который посылали дань соседние племена. Как сообщал Адам:

«Раны же, у других называемые рунами, — это кровожадное племя, обитающее в сердце моря, преданное сверх всякой меры идолопоклонству. Они занимают первое место среди всех славянских народов, имеют короля и знаменитейший храм. Именно поэтому, благодаря особому почитанию этого храма, они пользуются наибольшим уважением и, на многих налагая дань, сами никакой дани не платят, будучи неприступны из-за трудностей своего месторасположения. Народы, которые они подчинили себе оружием, принуждаются ими к уплате дани их храму» (Кн.1. Гл. 36, по: Славянские хроники 2011).

Возникла ли эта путаница в результате плохого перевода, или же сообщение о дани корвейскому Святому Виту вместо дани рюгенскому Свентовиту действительно было уловкой чрезпенян, чтобы не платить двойной налог – в данном случае не важно. Созвучие имени божества, почитавшегося на Рюгене с именем одного из христианских святых породило в XII веке целую «корвейскую *легенду*», в результате чего Гельмольд и Саксон Грамматик объясняли появление храма Свентовита на Рюгене неправильным пониманием сути христианской религии рюгенскими славянами и христианского почитания Св. Вита, принесенного на остров корвейской миссией ещё в IX веке. Сам корвейский монастырь (Гельмольд, 1-6; 2-12; Gesta Danorum, 14.39.13), корвейские священники, быстро смекнув для себя возможную выгоду этой путаницы, впоследствии пытались предъявлять права на рюгенские земли на этом основании ещё на протяжении столетий. Независимое от корвейских анналов сообщение Саксонского Анналиста о том, что в ходе этого чрезпенянского похода *Лотаря* 1114 года им был побеждён князь рюгенских славян (Саксонский Анналист 2012: 493), не оставляет никакого сомнения в том, что земли чрезпенян в это время ещё находились в зависимости от Рюгена. Сам поход *Лотаря* в 1114 году, согласно Гельмольду, был его помощью ободритскому королю Генриху в его втором

походе на остров Рюген (Гельмольд, I 38). Причиной же рюгенских войн Генриха как раз и стало убийство Готтшалька и дальнейшая вражда потомков его династии с потомками Круто.

Вернувшись из датского изгнания, по всей видимости, после 1040 года, ободритский князь Готтшальк принялся за активную христианизацию подконтрольных ему земель. Адам Бременский сообщает о постройке им новых церквей в Ратцебурге, Мекленбурге, Любеке и Ленцене и даже переводах им христианских проповедей для своих подчинённых на славянский язык. Крайне ценным является сообщение Гельмольда о том, что во время христианской деятельности Готтшалька:

«даже хижане и черезпеняне и другие племена, обитающие за Пеной, приняли благодать веры. А Пена — это река, в устье которой расположен город Димин. Сюда некогда доходила граница Альденбургской епархии» (1-20, по: Славянские хроники 2011; также: Адам, 3-20 (19)).

Итак, в середине XI века христианизация славянских земель юга Балтики впервые затронула земли к северу от Пены, находившиеся до этого в зоне влияния и выплачивающие дань Рюгену. Произошло же это следующим образом. Согласно Адаму, приблизительно в 1050-х годах началась война между племенем чрезпенян с одной стороны и племенами хижан, редариев и толлензян – с другой. Эти племена имели, по всей видимости, изначально общее происхождение и составляли северную часть бывшего большого велетского союза, впоследствии известного как лютичи. Центром нового лютичского союза, согласно Адаму Бременскому и Титмару Мерзебургскому, был расположенный в землях редариев и толлензян город-храм Ретра. Приказам, принимавшимся в Ретре, обязаны были подчиняться все лютичи, противящиеся же подвергались телесным наказаниям и отбору имущества (IV, 24-25, по: Титмар Мерзебургский 2009). Гельмольд дополняет это сообщением о том, что причиной войны между лютичскими племенами стал отказ живших к северу от реки Пены племён подчиняться Ретре (1-21, по: Славянские хроники 2011). Гельмольд передаёт ход событий несколько иным образом, так что на стороне чрезпенян против редариев и толлензян выступили также и хижане. Однако, ввиду того, что, в отличие от Гельмольда, Адам был современником лютичской войны и Гельмольд во многом заимствовал его рассказ, версия Адама кажется здесь более достоверной. Возможно, Гельмольда ввело в замешательство то обстоятельство, что в рукописи Адама рассказу о лютичской войне сопутствовала схолия 16 (17), поясняющая, что *«хижане и черезпеняне живут по эту сторону реки Пены, а толлензев и редариев – по ту сторону этой реки. Эти четыре народа называют вильцами или лютичами за их храбрость»*. Географическое противопоставление хижан и чрезпенян редариям и толлезянам могло быть принято Гельмольдом за политическое, тем более, ему было известно о том, что причиной войны стал отказ подчиняться городу Ретре, расположенному и принадлежащему совместно редариям и толлензянам.

Начавшие против чрезпенян войну редарии, толлензяне и хижане действовали в рамках своих законов, согласно которым неподчинение храму каралось силой оружия. О причине отпадения от Ретры чрезпенян не сообщается, однако, можно предположить, что причины у них могли быть те же самые, что и в отказе платить налог Лотарю в 1114 году – так как эти земли уже находились в зависимости от Рюгена с X века, кроме Ретры, они обязаны были платить и Арконе и нежелание выплаты двойной дани, скорее всего, и стало истинной причиной войны.

Илл. 4. Карта расселения славянских племён на юге Балтики.

Неизвестно, принимали ли рюгенские славяне участие в лютичской войне на стороне чрезпенян, однако, ввиду того, что обитавшие к северу от Пены племена вышли из этой войны победителями над тремя, численно сильно превосходившими их, племенами, такой вариант кажется вероятным. Проиграв, редарии, толлезяне и хижане призывали на помощь Готтшалька с союзными ему данами и саксами, обязуясь содержать их войско во время войны на свои деньги. Силы чрезпенян были сломлены, сами они откупились от противников огромной суммой, но земли их, как об этом можно судить из замечания Гельмольда, должны были стать зависимыми от Готтшалька. Однако такое положение вещей продлилось не долго. Начатая Готтшальком христианизация встречала жёсткое сопротивление в славянских землях. В 1066 году Готтшальк был убит в только что созданном им новом христианском центре в Ленцене. Несмотря на то, что Гельмольд называет убийцей его зятя Блюссо (1-24, по: Славянские хроники 2011), убийство это должно было быть организовано язычниками. То, что Готтшальк был убит *«вместе с пастырем Иппо, заколотым у алтаря, и многими другими как светскими, так и духовными лицами, которые претерпели различные мучения во имя Христа»* (3-50 (49), по: Славянские

хроники 2011) и сразу после их убийства на тот свет вслед за ними был отправлен и сам Блюссо, а по всем славянским землям началось языческое восстание, явно говорит о том, что убийство Готтшалька должно было быть организовано некими, противостоящими ему язычниками. Приближённому Готтшальку Блюссо во всей этой истории, по всей видимости, была отведена лишь роль инструмента.

Кем были организовавшие убийство Готтшалька язычники? Судя по тому, что епископа Иоанна для казни из Мекленбурга доставили в Ретру, не исключено участие в этой истории редариев и толлензян. С другой стороны, именно редарии и толлензяне и были инициаторами захвата Готтшальком северно-лютичских земель, более того – сами они несколько лет назад его сюда призвали, сами же оплатили и ведение войны. Вместе с тем, есть основания подозревать и участие во всей этой истории рюгенских славян, начиная уже с лютичской междоусобицы. Захват Готтшальком чрезпенянских земель к северу от Пены и начало или планы по их христианизации (в действительности, эта христианизация, скорее всего, так и не началась, потому как об основании в этой местности церквей не сообщается) определённо должны были столкнуть его с Рюгеном, видевшем эти земли своей «зоной влияния» и собиравшем здесь налог для Арконского храма.

В этом контексте стоит снова обратить внимание на сообщение Адама Бременского о том, что город Деммин, бывший столицей чрезпенян, был в его время (в 1070-х, как раз после убийства Готтшалька, во времена правления Круто) населён рюгенскими славянами (Адам, II 22 (19)). Так как Деммин находился на реке Пене и, таким образом, на южной границе чрезпенянских земель, можно предположить, что и вся область чрезпенян, между рекой Пеной и островом Рюген, была подчинена в это время Рюгену. Причём Рюген должен был вернуть себе контроль над ними непосредственно после убийства Готтшалька, так как незадолго до этого сообщается о вхождении чрезпенян в Гамбургский приход его усилиями.

Таким образом, кажущееся на первый взгляд «поэтическим отступлением» сообщение Маршалка о планах Готтшалька по *«покорению ради христианской веры варварских и ужасных роксоланов»* вполне находит отражение в современных событиям исторических источниках, по которым убийство Готтшалька было организовано некими противостоящими ему язычниками и совпало с его планами по христианизации земель к северу от Пены.

Мнения об участии рюгенских славян в восстании 1066 года придерживался и сам Маршалк. Князя Круто, избранного язычниками на место законных христианских наследников Готтшалька, он называет выходцем с Рюгена, рюгенским славянином (ругом, в терминологии Маршалка). Круто возглавил языческое восстание и стал правителем надо всеми подчинявшимися до этого Готтшальку землями, что положило начало вражде его династии с династией Готтшалька. В 1193 году сам Круто был убит по приказу сына Готтшалька, Генриха, которому в результате нескольких победоносных войн удастся не только вернуть к рубежу XI и

XII веков контроль над всеми подвластными когда-то его отцу землями, но и подчинить новые, вплоть до Поморья.

Реакция Рюгена не заставила себя долго ждать – в начале XI века столицу Генриха, город Любицу, осадил флот рюгенских славян, однако, их армия была полностью уничтожена под стенами города. Вне контекста всего ободритско-рюгенского противостояния X-XII веков, невозможно было бы понять и то значение, которое Генрих придавал этой победе. Гельмольд сообщает, что Генрих сделал день победы над рюгенскими славянами под стенами Любицы ежегодным праздником – для него это должно было обозначать день полной мести за отца и момент распространения своей власти на все земли балтийских славян от Северного моря до Поморья, включая Рюген. Впрочем, конфликт на этом исчерпан не был. Вскоре рюгенскими славянами был убит сын Генриха Вальдемар, а в отомщение Генрих и сам предпринял поход на Рюген. Сражения на Рюгене не произошло – рюгенские славяне откупились большой суммой денег, которую, впрочем, выплатили не в полном размере. В результате им был предпринят второй, на этот раз неудачный поход на остров, после чего «*Генрих, прожив после этого еще не очень долгое время, смертью своей положил конец войне*» (1-38, по: Славянские хроники 2011). Сообщение Гельмольда о том, что во втором походе на Рюген помощь Генриху оказали саксонские войска герцога Людера позволяет предположить, что эта помощь Генриху и была известным по корвейским анналам и Саксонскому Анналисту походом герцога Лотаря (Людера) на чрезпенян 1114 года, в ходе которого был побеждён рюгенский князь.

Противостояние династий Готтшалька и Крута продолжалось при племяннике Генриха, Прибиславе. После смерти Генриха, его сыновья Кнут, Святополк и Звенике начали междоусобицу из-за наследства, в результате которой все трое были убиты. Ободритский престол остался без прямых наследников, и к власти приходит двоюродный брат Генриха по материнской линии, шлезвигский герцог Кнуд Лавард, умерший на уже третьем году своего правления ободритами. В итоге ободритское королевство было разделено между племянником Генриха Прибиславом и Никлотом, о происхождении которого точных сведений не сохранилось. Получивший в правление западную область с главными городами Старигардом и Любицей Прибислав вскоре подвергся преследованию потомков Крута, в результате чего Любица была разрушена рюгенскими славянами, а правителем в Старигарде на какое-то время стал потомок Круто Рохель.

Это разрушение Любицы также очень важно для реконструкции происходивших на юге Балтики событий, так как указывает на связь рюгенских славян и потомков Круто. Гельмольд описывает разрушение Любицы дважды в своей хронике. В первый раз он помещает это событие во времена Святополка:

«Священник Вицелин, видя, что князь славянский обращается с христианами человеколюбиво, пришел к нему и снова повторил ему намерение, на выполнение которого было получено некогда согласие его отца. Добившись у князя благосклонности, он послал в

Любицу достопочтенных пастырей, Людольфа и Фольквარда, чтобы они заботились о спасении народа. Они были милостиво приняты купцами, немалое число которых привлекли сюда вера и благочестие князя Генриха, и поселились в церкви, расположенной на холме, что напротив города, за рекой. Прошло немного времени, и вдруг на не защищенный кораблями город напали раны и разрушили его вместе с крепостью. Достойные пастыри, когда язычники ворвались в церковь через одну дверь, ускользнули через другую и, спасшись благодаря близости леса, бежали в порт Фальдеру» (1-48, по: Славянские хроники 2011).

А впоследствии переносит их уже во времена Прибислава:

«Священник же Людольф и те, которые находились с ним в Любеке, не были разогнаны этим опустошением, потому что жили в замке, под покровительством Прибислава, оставаясь в этом месте и в такое трудное и полное ужасов смерти время. Ибо кроме того, что им приходилось испытывать нужду и ежедневную опасность для жизни, они были вынуждены видеть оковы и различные мучения, причинявшиеся христианам, которых разбойничье войско обычно в разных местах захватывало. Некоторое время спустя пришел некий Раце, из рода Крута с войском, рассчитывая захватить в Любеке врага своего, Прибислава. Ибо два эти рода, Крута и Генриха, вели между собой борьбу за первенство. Но поскольку Прибислав все время находился вне Любека, то Раце со своими разрушил крепость и окрестности. Священники же, укрывшись в тростнике, нашли убежище в Фальдере» (1-55, по: Славянские хроники 2011).

Нетрудно заметить, что в обоих отрывках Гельмольд рассказывает одну и ту же историю о том, как при нападении неких язычников на Любицу находившихся там священников чуть не постигла незавидная судьба, и лишь чудом им удалось спастись. Общие в обоих отрывках не только место действия (церковь Любицы), само событие (нападение язычников и разрушение ими города), но и имена главных героев (священник Людольф), место бегства (Фальдера) и даже мелкие подробности об укрытии главных героев в тростнике. Гельмольда, самого занимавшегося при Прибиславе христианизацией Вагрии вместе с Винцелином и Людольфом, вполне естественно беспокоила, в первую очередь, судьба своих соратников, а не происхождение напавших на Любицу язычников, и именно эта история является основной линией обоих сообщений. В том, что речь в обоих случаях идёт об одном и том же событии можно убедиться и из отрывка I 49, в котором, вслед за описанием разрушения Любицы при Святополке, вдруг сообщается, как в Любицу после этого прибывает сменивший Святополка Кнуд Лавард для освящения там церкви, *построенной ещё Генрихом.* Стало быть, разрушение Любицы имело место в XII веке лишь один раз, и произошло во времена Прибислава в 1138 году. Случайное же перемещение этого события во времена Святополка (неточности в датировках были у Гельмольда и в случае смерти Генриха) даёт чрезвычайно важную информацию для понимания процессов, определявших историю славянских племён юго-запада Балтики в средние века, так как из этого следует, что потомки Крута были рюгенскими славянами. Вся вражда между династиями Круто и Готтшалька в этом свете предстаёт как противостояние двух наиболее сильных игроков региона:

языческого Рюгена и христианского ободритского королевства за влияние и контроль над соседними славянскими племенами.

Уже первые упоминания ободритов и вильцев конца VIII – начала IX вв. представляют их как давних врагов, постоянно совершающих набеги друг на друга. В это время союз вильцев был самым большим славянским политическим образованием на юге Балтики, его земли простирались от моря на севере, до реки Гаволы (район современного Берлина) на юге и, очевидно, располагал более значительными военными и человеческими ресурсами, чем только начинавшее расширяться королевство ободритов. После заключения союза с франками, ободритам с помощью войск Карла Великого и подчинённых ему германских племён фризов и саксов удалось нанести вильцам несколько значительных поражений – к примеру, в 789 и 809 гг. В 823 году в противостоянии с ободритами был убит король вильцев Люб. Далее, после разрыва ободритско-франкского союза, события, происходившие в славянских землях юга Балтики более чем на целый век выпадают из поля зрения немецких источников.

В это же время – между первой третью и концом IX века должен был произойти распад большого союза вильцев, так как Баварский Географ сообщает уже о 4 областях вильцев, то есть о хорошо известном в дальнейшем новом союзе 4 северных вильцских племён, союзе лютичей. Причины распада большого союза вильцев не ясны, однако, из того, что известно об истории региона, можно предположить, что это произошло в результате разгрома их ободритами. С другой стороны, с VIII века наблюдается усиление влияния Рюгена на прилегающие к острову земли чрезпенян и поморян, археологически отразившееся особенно отчётливо в распространении специфическо-рюгенских видов керамики – Фрезендорфского типа и рюгенских чаш. Так как «море» упоминается в конце VIII века ещё как северная граница вильцев, это влияние и связь Рюгена с землями на континенте до распада большого союза вильцев могло быть более культурным – к примеру, связанным с влиянием почитавшегося впоследствии чрезпенянами и поморянами языческого храма бога Свентовита на Арконе.

Рюгенские славяне начинают упоминаться в немецких источниках на три века позже ободритов и вильцев, когда немцы впервые заходят так далеко на северо-восток, но с первых же упоминаний предстают как сильнейшее славянское племя, налагающее дань на соседей. Возможно, подчинение Рюгеном соседних с ними чрезпенян произошла уже во второй половине IX века – после распада большого союза вильцев для этого представилась хорошая возможность. Можно предположить, что после разгрома вильцев часть их земель была подчинена соседями – в то время, как чрезпенянские земли отошли Рюгену, ободритами должны были быть подчинены хижане. В середине X века саксы встретили на реке Раксе, то есть на границе хижан и чрезпенян, уже ободритов и рюгенских славян, как политические и военные силы, участие хижан и чрезпенян или лютичей в битве 955 года при этом не упоминается и вовсе, что объяснимо как раз подчинением их в это

время ободритам и рюгенцам. После поражения ободритов Рюген должен был сохранить контроль над чрезпенянами, так как их земли не вошли ни в одно из епископств. В 983 году лютичи заключили союз с ободритами для совместного восстания против немцев, однако, союз этот был недолгим – уже в 1017 года, после отказа ободритского князя Мстислава предоставить лютичам войско для войны с Болеславом, лютичи вторгаются в ободритские земли и изгоняют Мстислава. Этот Мстислав должен был быть либо известным по другим источникам Мстивоем-Биллунгом, либо одним из его сыновей. Несмотря на то, что языческое восстание было начато Мстивоем-Биллунгом, вскоре представители его христианской династии вынуждены были отправиться в изгнание в Саксонию, откуда продолжили борьбу за власть.

К власти над ободритами на непродолжительное время пришли язычники – видимо, сын Мстивоя-Биллунга, Мечислав, а также язычники Гнев и Анатрог. Уже в первой трети IX века власть в ободритском королевстве вновь переходит к христианам – сыну Мстивоя-Биллунга Уто. После его убийства в 1028 году, правление должно было перейти к сыну Готтшальку, но саксами, на помощь которых опиралась христианская династия Мстивоя-Биллунга, он не был поддержан и отправился в изгнание в Данию. Готтшальк вернулся после смерти Ратибора, но свою власть ему пришлось устанавливать силой – источники сообщают о нескольких войнах, потребовавшихся ему для этого. Видимо тогда же были подчинены и линоны, столицу которых, Ленцен, Готтшальк попытался превратить в христианский центр. Северные земли вильцев вновь стали причиной противостояния Рюгена и ободритов, сохранявшегося вплоть до середины XII века. Лишь ненадолго правителю восточной части ободритов, Никлоту, удалось помириться с Рюгеном и даже заключить с ними союз – Саксон Грамматик сообщает об оказании военной помощи рюгенскими славянами Никлоту в 1147 и 1160 гг. Очевидно, этот союз мог состояться лишь благодаря личным усилиям Никлота, бывшим ярым язычником и противником христианства, что действительно делало его самым надёжным соратником рюгенских славян, даже несмотря на давний спор за чрезпенянские земли (которые при Никлоте были зависимы от ободритов).

Наследовавший Никлоту Прибислав был менее удачлив в войнах и уже в 1166 году вынужден был признать себя вассалом Генриха Льва и принял христианство. Ослабление ободритов после раздела их королевства и завоевания обоих его частей немцами, было использовано поморянами для закрепления в чрезпенянских землях (в 1164 году Деммин восстанавливался совместно ободритами и поморянами). В это же время потеря своего влияния на большинстве «традиционных» территорий к северу от Пены, в Поморье и ободритских землях (в середине XII века в столице Вагрии удалось закрепиться князю Рохелю из рода Круто, но с уничтожением там языческого святилища город полностью перешёл под контроль немцев и стал христианским), вынудила и самих рюгенских князей принять христианство. В 1163 году рюгенские князья упоминаются присутствующими при освящении Любекского

собора Генрихом Львом, а ещё через пять лет их князья Яромар и Тецлав без боя признали себя датскими вассалами и позволили Абсалону начать христианизацию острова. Взамен на это Рюген получил поддержку войск Вальдемара в своей борьбе за чрезпенянские земли и Поморье. Уже в 1171 году даны вместе с рюгенскими славянами вторгаются в чрезпенянские земли и наносят поражение чрезпенянскому князю Отимару. За этим последовали дальнейшие походы и войны против чрезпенян и поморян, в результате чего в 1180 гг., после ряда поражений, вассалами датского короля вынуждены были признать себя и поморские князья. За эту помощь Яромар получил от данов завоеванные совместными усилиями земли между Рюгеном и рекой Пеной. Отношения рюгенских князей и чрезпенян вновь вернулись к состоянию на начало XII века, с той только разницей, что налог с чрезпенян взымался теперь не в пользу Арконского храма, а в пользу основанных здесь Яромаром христианских церквей.

Таким образом, история славянских стран юго-запада Балтики всё средневековье предстаёт как многовековое противостояние двух сильнейших игроков – ободритского королевства и рюгенских славян за контроль и влияние над соседними племенами северных лютичей. Во второй половине XI века, кроме традиционного политического и военного, противостояние сторон приобрело и чётко выраженный религиозный подтекст – речь шла о том, будут ли балтийско-славянские племена и дальше выпалчивать налог Арконе или же этот налог будут собирать пришедшие с ободритами епископы.

За сообщением Маршалка о связи смерти Готтшалька с его планами по «*обращению ради веры варварских и свирепых роксоланов [т.е. русских]*» стоят вполне реальные исторические события – планы Готтшалька или даже начатая им христианизация подконтрольных до этого Рюгену земель чрезпенян к северу от Пены, возможно, и планы христианизации самого Рюгена. Наименование Маршалком рюгенских славян «свирепыми русскими язычниками» – роксоланами в то же время далеко не единственно в своём роде. Рюгенских славян с русскими отождествляли и современные событиям источники. Так, в написанных Эббо и Гербордом в XII веке житиях Отто Бамбергского рюгенские славяне называются *rutheni*, а сама их страна *Ruthenia*. Такой латинский термин использовался во время миссии Отто в Польше как латинская запись имени русских и известен, к примеру, по хронике Галла Анонима. Но если наименование рюгенских славян одним именем с уже давно православными русскими Киевской Руси имело место в XII веке, то ко временам Маршалка, в XVI веке, оно стало уже совершенно непонятным. Убедиться в этом можно из труда другого немецкого историка, также обучавшегося в 1526 году в университете Ростока, в котором до 1525 года преподавал Маршалк («Анналы герулов и вандалов» вышли в 1521 году) и написавшего в конце 1530-х – начале 1540-х годов обширный труд по истории Поморья и поморских славян, знаменитую «Померанскую хронику».

Илл. 5. Рюгенское княжество на рубеже XII-XIII вв.

Описывая известный по сочинению Эббо эпизод с нападением рюгенских славян на поморский Щецин в 1128 году, Кантцов сделал ошибку, назвав нападавших пруссами, по вполне очевидной причине. Кантцов, также как и

Маршалк, старался подчеркнуть тождество рюгенских славян с древними ругами и употреблял для них только форму «ругианцы», по всей видимости, не подозревая, что в источниках их называли не только *rugiani* или *rani*, но и *rutheni*. В хронике же Эббо, являющейся единственным источником информации о походе рюгенских славян на Щецин (Ebbo von Michelsberg 2012: 159-161), они были названы именно *rutheni*, что образованный, знавший латынь историк не мог прочесть иначе как «русские». В результате, Кантцов не узнал в этих *rutheni* рюгенских славян и записал их как «пруссов» по созвучию (в латинской транскрипции пруссов записывали очень похоже – *pruteni*, *prutheni*). Эта ошибка была замечена издателями «Поморской хроники», после чего в неё был внесён соответствующий комментарий («alii Rutheni, ego credo Pruthenos aut Rugianos») (Kantzow 1897: 81).

В обоих случаях явно просматривается одно и то же явление – отождествлявшие рюгенских славян с древними ругами немецкие историки XVI века не могли понять, о ком идёт речь, когда встречали в источниках другую форму их имени, отличную от rugiani и rani, а именно – «русские», или rutheni. Понимая, что описания свирепых язычников, действовавших в XI-XII веках на берегу Балтики, где-то в непосредственной близости от ободритов и поморян, не могли относиться к давно уже православным и далёким жителям Киевской Руси, они пытались переосмыслить эти источники по мере своих знаний и представлений. И если источник превратившихся в пруссов «свирепых русских язычников» у Кантцова можно определить совершенно определённо – это Эббо или более поздние пересказы его жития Оттона в немецком учёном мире XVI века, то с источником «свирепых русских язычников», превратившихся в роксоланов у Маршалка, дело обстоит сложнее.

В самом начале главы 31 *«О Готшалке, тридцать первом короле герулов и вандалов»,* в рассказе об отце Готтшалька Прибигневе, Маршалк ссылается на Саксона Грамматика:

«Кимврские анналы», написанные Саксоном Грамматиком, сообщают, что он был сыном Априбигнева, ревностного блюстителя христианской веры».

В «Деяниях данов» Саксона Грамматика действительно имеется такой отрывок. В главе X упоминается и Готтшальк, и его отец Прибигнев, ревностный христианин:

«*Eo temporis Guthscalcus Sclavicus, eximiae indolis adolescens, commilitium regis stipendia meriturus accessit. Is a Pribignevo patre, Christiani cultus amantissimo deficientemque a religione Sclaviam nequicquam revocare conante…*».

Из приведённой выше цитаты Саксона становится понятна и допущенная Маршалком в имени Прибигнева ошибка – «Is a Pribinevo» в тексте Саксона он прочитал как «Is Apribignevo». Эта ошибка могла возникуть в результате того, что имя Прибигнева как такового не было ему знакомо. Самого Готтшалька он, вслед за традицией средневековых немецких хроник Адама и Гельмольда, считал сыном Удо, а не Прибигнева (возможно, речь идёт о славянском и христианском именах одного

человека). Таким образом, источники первой части главы 31 Маршалка можно установить с большой долей вероятности – это Саксон Грамматик, а также хроника Гельмольда или передача её Альбертом Кранцем. Однако прямым источником сообщения о роксоланах «Деяния данов» быть не могли. Несмотря на то, что очень щедрый на почёрпнутые им из саг и древних текстов имена древних народов и правителей и нередко упоминающий на Балтике то гуннов, то вандалов, Саксон Грамматик упоминает славянского князя Готтшалька в своей хронике 4 раза (дважды в главе X и по одному разу в главах XI и XII), он в то же время не знает никаких роксоланов.

Вместо этого в «Деяниях данов» немало упоминаний на Балтике в средние века неких «русских», записанных как *rutheni*, тогда как для названия страны используется форма *Ruscia*, *Russia*. Саксон отличает их от рюгенских славян, которых он записывает как *Rugiani*. Несмотря на то, что в некоторых фрагментах «Деяний данов» rutheni связываются с предками короля Вальдемара, восточной Балтикой, Византией или даже называются некоторые города Киевской Руси (Палтиска), некоторые из этих сообщений о «русских» кажутся более подходящими для рюгенских славян, чем русских Восточной Европы. Rutheni появляются уже в первых главах «Деяний данов» и представляются некой противостоящей данам на море силой, начиная со времён их первых легендарных правителей. Они имеют свой флот (Gesta Danorum, 2.1.6), а в других случаях и вовсе представляются свирепыми пиратами, постоянно тревожащими датские берега. В отрывке 7.9.7. Саксон рассказывает о свирепом русском пирате, действовавшим где-то в датских землях, и имя которого сделалось в Дании нарицательным обозначением грабежа:

«Ea tempestate Røtho, Ruthenorum pirata, patriam nostram rapinae et crudelitatis iniuriis profligabat. Cuius tam insignis atrocitas erat, ut, ceteris extremae captorum nuditate parcentibus, hic etiam secretiores corporum partes tegminibus spoliare deforme non duceret. Unde graves adhuc immanesque rapinas Røthoran cognominare solemus».

«В это время Рёто, русский пират, опустошал наше отечество страшными грабежами. Его жестокость была настолько велика, что он, в то время как прочие [пираты] не допускали по крайней мере полной наготы своих пленников, он не задумываясь лишал покрова даже сокровенные части тел. Потому, до настоящего времени мы называем страшные и бесчеловечные грабежи «грабежами Рёто» (рёторанами)» (Saxo Grammaticus 1900: 376. Перевод с немецкого автора статьи).

И если связать это сообщение о пирате Рёто с русскими Киевской Руси не представляется никакой возможности, оно в то же время сильно перекликается с сообщениями современников о рюгенских славянах и их отношениях с данами в XI-XII вв. Уже Адам Бременский указывал на то, что остров Рюген был известен в Западной Европе как пристанище безжалостных пиратов:

«Другой остров расположен напротив вильцев. Им владеют раны [или руны], могучее славянское племя. По закону без учёта их мнения не принимают ни одного решения по общественным делам. Их так боятся по причине их близости к богам, вернее,

к демонам, поклонению которым они преданы более прочих. Оба острова переполнены пиратами и безжалостными разбойниками, которые не щадят никого из приезжих. Ибо всех, кого другие пираты обычно продают, эти убивают» (4-18; по: Славянские хроники 2011).

И хотя Саксон относит ставшие нарицательными грабежи пирата Рёто ещё к «легендарным» временам, исторический прототип этих событий можно увидеть скорее во времена его собственного детства, либо же в непосредственно предшествующей ему эпохе. В XI-XII веках Дания действительно не раз подвергалась опустошительным грабежам и набегам славянских пиратов с юга Балтики. Эти пираты нападали на данов не только в «нейтральных» водах, но и непосредственно у датских берегов: около 1100 года Саксон описывает нападения славянских пиратов на данов между датскими островами Зееланд и Фальстер (Saxo Grammaticus, Gesta Danorum, 12.4.1), как и нападение на Кнута между Зееландом и Фюном (Saxo Grammaticus, Gesta Danorum, 13.3.1).

Одно из таких славянских разорений Дании подробно описывает Гельмольд:

«И открылись запоры и ворота, которыми раньше было закрыто море, и оно прорвалось, стремясь, затопляя и угрожая разорением многим данским островам и приморским областям. И разбойники опять отстроили свои корабли и заняли богатые острова в земле данской…

Ибо Дания в большей части своей состоит из островов, которые окружены со всех сторон омывающим их морем, так что данам нелегко обезопасить себя от нападений морских разбойников, потому что здесь имеется много мысов, весьма удобных для устройства славянами себе убежищ. Выходя отсюда тайком, они нападают из своих засад на неосторожных, ибо славяне весьма искусны в устройстве тайных нападений. Поэтому вплоть до недавнего времени этот разбойничий обычай был так у них распространен, что, совершенно пренебрегая выгодами земледелия, они свои всегда готовые к бою руки направляли на морские вылазки, единственную свою надежду, и все свои богатства полагая в кораблях» (2-13, по: Славянские хроники 2011).

Первая часть этого замечания Гельмольда относится к разорению Дании ободритами в конце 1160-х или начале 1170-х, вторая же, относимая им к «недавнему времени» скорее подразумевала разорение Дании рюгенскими славянами, произошедшее ещё до рюгенских походов Вальдемара. В отрывке 14.15.5. Саксон сообщает о страшном разорении Дании славянскими пиратами, в результате которого все датские острова, кроме откупившегося данью Лолланда и оказавшего сопротивление Фальстера, превратились в пустыню. Все поселения восточной Ютландии были оставлены жителями, на острове Фюн оставались лишь немногие жители, а юг и восток острова Зееланд были полностью разорены. Именно эти тяжёлые разорения в значительной степени и стали причиной «рюгенской кампании» короля Вальдемара, итогом которой стало завоевание острова в 1168 году. О том, что под пиратами, названными Саксоном славянами, должны были подразумеваться именно рюгенские славяне, можно заключить из сравнительного

анализа других источников. Так, в саге о Кнютлингах, описывающей рюгенские походы Вальдемара, приводится речь рюгенского посла Дамбора, посланного для заключения мира и предостерегавшего датского епископа от войны на том основании, что война с Рюгеном только что уже обернулась для Дании сильным опустошением датских земель:

«Ты молод и не знаешь того, что было раньше; не требуй у нас заложников и не разоряй нашу страну; лучше отправляйся домой и всегда сохраняйте мир с нами, покуда ваши земли не станут столь же хорошо заселены, как наши земли сейчас; многие ваши земли лежат пусты и необитаемы; поэтому для вас лучше мир, а не война».

Также и в папской грамоте от 1169 года, подтверждающей права роскильдского епископства на остров Рюген, похвала Вальдемару за завоевание Рюгена высказывается, в том числе, и на основании того, что рюгенские славяне «*были преданы неправедной вере, а идолопоклонству и заблуждению, облагали данью окружавшие их области и беспрерывно нападали на датское королевство и всех своих соседей, принося им великое разорение и угнетая их*» (Klempin 1868: 26).

Это пристрастие рюгенских славян к пиратству и экспансии на соседние земли, отмечаемое в источниках с XI века и достигшее своего апофеоза в страшном разорении, превратившим целые провинции Дании в пустыню в середине XII века, кажется куда более вероятным историческим прототипом для появления народной легенды о страшном и безжалостном славянском пирате Рёто, не оставляющим при разорениях даже одежды, чем мирные контакты данов с купцами из Киевской Руси или не менее мирные династические связи. Таким образом, можно предположить, что и у Саксона Грамматика рюгенские славяне записывались в некоторых случаях тем же словом *rutheni*, что и жители собственно Киевской Руси.

И всё же, несмотря на то, что Маршалк использовал «Деяния данов» как один из источников, и даже имеются основания подозревать использование Саксоном Грамматиком термина *rutheni* в некоторых случаях и для обозначения рюгенских славян, подтвердить «Деяния данов» как источник информации Маршалка о планах рюгенского похода Готтшалька не удаётся. Скорее, можно предположить, что сообщения о «жестоких русских язычниках» Маршалка просто находится в рамках одной традиции записи имени рюгенских славян латинской формой *rutheni* или отождествления их с русскими, известными из текстов Эббо, Герборда и подозреваемой у Саксона Грамматика. Возможно, к этой же традиции относится и наименование рюгенских князей в папской грамоте 1304 года русскими князьями.

В то же время, стоит указать и на явное использование немецкими историками XVI века каких-то не сохранившихся или до сих пор не введённых в научный оборот источников по истории юга Балтики второй половины XII века и противостояния рюгенских славян с христианскими ободритскими князьями. Так, не совсем ясны источники Маршалка и Канцова, на основании которых они писали о рюгенском происхождении Круто, и неизвестные при этом Альберту Крантцу, на труд которого оба они во многом полагались. Источники эти должны были быть

разными, так как Томас Кантцов сообщает о Круто подробности, неизвестные Маршалку – к примеру, о том, что его жена Славина была поморской княжной. В силу всего этого можно предположить, что отрывок Маршалка о планируемом походе Готтшалька на «свирепое племя роксоланов» был почёрпнут им из некоего ещё не установленного источника, в котором в рамках бытовавшей в средние века, но неизвестной Маршалку, традиции имя рюгенских славян было записано как *rutheni* или прямо как «русские», что и привело к появлению «роксоланов» в этом месте его хроники.

ЛИТЕРАТУРА

Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М., 1975.

Саксонский Анналист. Хроника / Перевод с лат. и комм. И.В. Дьяконова; предисл. И.А. Настенко. М., 2012.

Славянские хроники. Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский / Перевод с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовский, редактор-составитель И.А. Настенко. М., 2011.

Титмар Мерзебургский. Хроника / Перевод с лат. И.В. Дьяконова. М., 2009.

Annalium Corbeiensium continuatio saeculi XII et Historia Corbeiensis Monasterii annorum MCXLV – MCXLVII cum additamentis (Chronographus Corbeiensis). Münster in Westfalen, 1989.

Brorsson T. The pottery from the early medieval trading site and cemetery at Groß Strömkendorf, Lkr. Nordwestmecklenburg. Wiesbaden, 2010.

Ebbo von Michelsberg. Der Pommernapostel Otto von Bamberg. Das Leben des Bischofs und Bekenners. Schwerin, 2012.

Kantzow Th. Chronik von Pommern in hochdeutscher Mundart. Drites Buch. Herausgegeben von Georg Gaebel, Verlag von Paul Niekammer. Stettin, 1897.

Klempin R. Regesten, Berichtigungen und Ergänzungen zu Hasselbach's und Kosegarten' s Codex Pomeraniae diplomaticus // In Commission bei Th. von der Rahmer. Stettin, 1868.

Krantz A. Wandalia. De Wandalorum vera origine, variis gentibus, crebrisepatria migrationibus, regnis item, quorum vel autores vel euersores fuerunt. 1575.

Saxo Grammaticus. Die ersten neun Bücher der dänischen Geschichte. Ubersetzt und erläutert von Herrmann Jantzen. Berlin, 1900.

Schimpff V. Der Beginn der archäologischen Forschung in Norddeutschland: Zum Wirken von Nikolaus Marschalk Thurius in Mecklenburg // Rostocker Wissenschaftshistorische Manuskripte. Rostock, 1990. 18.

Westphalen de E.J. Monumenta inedita rerum Germanicarum praecipue Cimbricarum et Megapolensium. Tomus I., 1739.

References

Видукинд Корвейский. Деяния саксов [Res gestae saxonicae], М., 1975 [in Russian].

Саксонский Анналист. Хроника [Chronicle], Перевод с лат. и комм. И.В. Дьяконова, предисл. И.А. Настенко, М., 2012 [in Russian].

Славянские хроники. Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский [Slavic chronicles. Adam of Bremen, Helmold of Bosau, Arnold of Lübeck], Перевод с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовский, редактор-составитель И.А. Настенко, М., 2011 [in Russian].

Титмар Мерзебургский. Хроника [Chronicle], Перевод с лат. И.В. Дьяконова, М., 2009 [in Russian].

Annalium Corbeiensium continuatio saeculi XII et Historia Corbeiensis Monasterii annorum MCXLV – MCXLVII cum additamentis (Chronographus Corbeiensis), Münster in Westfalen, 1989 [in Latin].

Brorsson T. The pottery from the early medieval trading site and cemetery at Groß Strömkendorf, Lkr. Nordwestmecklenburg, Wiesbaden, 2010 [in English].

Ebbo von Michelsberg. Der Pommernapostel Otto von Bamberg. Das Leben des Bischofs und Bekenners, Schwerin, 2012 [in German].

Kantzow Th. Chronik von Pommern in hochdeutscher Mundart. Drites Buch. Herausgegeben von Georg Gaebel, Verlag von Paul Niekammer, Stettin, 1897 [in German].

Klempin R. Regesten, Berichtigungen und Ergänzungen zu Hasselbach's und Kosegarten' s Codex Pomeraniae diplomaticus, In Commission bei Th. von der Rahmer, Stettin, 1868 [in German].

Krantz A. Wandalia. De Wandalorum vera origine, variis gentibus, crebrisepatria migrationibus, regnis item, quorum vel autores vel euersores fuerunt, 1575 [in Latin].

Saxo Grammaticus. Die ersten neun Bücher der dänischen Geschichte. Ubersetzt und erläutert von Herrmann Jantzen, Berlin, 1900 [in German].

Schimpff V. Der Beginn der archäologischen Forschung in Norddeutschland: Zum Wirken von Nikolaus Marschalk Thurius in Mecklenburg, Rostocker Wissenschaftshistorische Manuskripte, Rostock, 1990, 18 [in German].

Westphalen de E.J. Monumenta inedita rerum Germanicarum praecipue Cimbricarum et Megapolensium, Tomus I., 1739 [in Latin].

* * *

УДК 94(367)

О СООТНОШЕНИИ ЛЕТОПИСНЫХ «КРИВИЧЕЙ» И «ПОЛОЧАН»*

М.И. Жих
Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар»
(Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: max-mors@mail.ru
SPIN-код автора РИНЦ: 6149-3974
Scopus Author ID: 55358941500
ORCID ID: 0000-0003-2212-6416
ResearcherID: F-3154-2014

Авторское резюме

В статье рассматривается проблема соотношения летописных «кривичей» и «полочан». Одни летописные тексты «отдают» верховья Западной Двины кривичам, а другие – полочанам. Исследователи давно заметили это противоречие и попытались прояснить его. Выводы при этом у них получились не просто разные, но нередко взаимоисключающие. Рассмотрев источники и проанализировав историографию, автор приходит к выводу, что кривичи представляли собой особую этнокультурную славянскую общность, расселившуюся на огромной территории и вследствие этого, не имевшую, по-видимому, прочного политического единства. Полоцкая группа кривичей имела своё особое название, полочане, произошедшее от реки Полоты, по берегам которой они расселились. Политические объединения верхнеднепровских и двинских кривичей (полочан) жили, по имеющимся данным, своей независимой политической жизнью.

Ключевые слова: кривичи, полочане, славяне, летописи, археология

RELATIONS BETWEEN KRIVICHIANS AND POLOCHANS FROM ANNALISTIC CHRONICLES

M.I. Zhikh
Public and scientific project «Russian-German Historical Seminar»
(St. Petersburg, Russia)
e-mail: max-mors@mail.ru

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-12014

Abstract

The author focuses on the relations between the Krivichians (also known as Krivichi, Kriviches) and the Polochans using annalistic descriptions of the tribes. There is a contradiction in the annalistic texts: some of them place in the upper reaches of the Western Dvina River the Krivichians, while others – the Polochans. Researchers, studying this contradiction, interpret it differently, often mutually exclusively. Having reviewed the sources and analyzed historiography, the author concluded that the Krivichians represented a special ethnocultural tribal union of Slavs who occupied vast areas and thereof, apparently, lacked strong political unity. The Polochans was a group of the Krivichians, who settled on the banks of the Polota River that gave the name to this tribe. The Krivichians from the upper reaches of the Western Dvina and the Polochans were politically independent tribes, according to the available data.

Keywords: Krivichians, Krivichi, Polochans, Slavs, chronicles, archeology

Согласно ряду летописных известий регион верховьев Западной Двины с городом Полоцком входил составной частью в обширный ареал славянского этнополитического объединения кривичей:

– в легенде о призвании варягов в «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) сказано, что «первии наследници… въ Полотьске Кривичи» (ПСРЛ. I: 20; ПСРЛ. II: 14), а поскольку кривичи участвовали в призвании Рюрика, то он посадил в городе одного из своих мужей (ПСРЛ. I: 20; ПСРЛ. II: 14);

– под 1127 г. летописи, повествуя о походе киевского князя Мстислава Владимировича на Полоцкую землю говорят: «посла князь Мьстиславъ съ братьею своею многы [на] Кривичи четырьми путьми» (ПСРЛ. I: 297; ПСРЛ. II: 292);

– в Ипатьевской (под 1140 и 1162 гг.) и Воскресенской (под 1129 и 1162 гг.) летописях полоцкие князья названы «кривичскими» (ПСРЛ. II: 304, 521; ПСРЛ. VII: 28, 76);

В то же время, согласно другим летописным пассажам, в указанных местах проживало другое славянское «племя» – полочане. Всего в ПВЛ «полочане» упоминаются трижды.

В рассказе о расселении славян с Дуная читаем (в статье я цитирую ПВЛ по Ипатьевской летописи):

«От техъ Словенъ разидошашася по земьли и прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте. Яко пришедше седоша на реце именемъ Мораве и прозвашася Морава, а друзии Чесе нарекошася, а се ти же Словене: Хорвати Белии, Серпь, и Хутане. Волохомъ бо нашедшимъ на Словены на Дунаискые и седшимъ в нихъ и насиляющимъ имъ. Словене же ови пришедше и седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а отъ техъ Ляховъ прозвашася Поляне Ляхове. Друзии Лютице, инии Мазовшане, а нии Поморяне. Тако же и те же Словене пришедше, седоша по Днепру и наркошася Поляне, а друзии Деревляне, зане седоша в лесехъ, а друзии седоша межи Припетью и Двиною и наркошася Дреговичи, и инии седоша на Двине и нарекошася Полочане, речькы ради, еже втечеть въ Двину именемь Полота, от

сея прозвашася Полочане. Словене же седоша около озера Илмера и прозвашася своимъ именемъ и сделаша городъ и нарекоша и Новъгородъ, а друзии же седоша на Десне и по Семи и по Суле и наркошася Северо. И тако разидеся Словенескъ языкъ темже и прозвася Словеньская грамота» (ПСРЛ. I: 5-6; ПСРЛ. II: 5).

Далее же в ПВЛ говорится, что

«*по сеи братьи [после смерти Кия, Щека и Хорива – М.Ж.] почаша держати родъ ихъ княжение в Поляхъ, а въ Деревляхъ свое, а Дрьговичи свое, а Словене свое въ Новегороде, а другое на Полоте, иже и Полочане, от сихъ же и Кривичи, иже седять на верхъ Волгы и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же и городъ есть Смоленескъ, туда бо седять Кривичи, таже Северо от них*» (ПСРЛ. I: 10; ПСРЛ. II: 8).

В третий раз полочане упоминаются летописцем в следующем контексте:

«*Се бо токмо Словенеск язык в Руси: Поляне, Деревляне, Новъгородьци, Полочане, Дреговичи, Северо, Бужане, зане седять по Бугу, послеже не Волыняне*» (ПСРЛ. I: 9-10; ПСРЛ. II: 8).

Итак, одни летописные тексты «отдают» верховья Западной Двины кривичам, а другие – полочанам. Исследователи давно заметили это противоречие и попытались прояснить его. Выводы при этом у них получились не просто разные, но нередко взаимоисключающие.

П.Н. Третьяков полагал, что «многие племена «Повести временных лет» – это, несомненно, обширные племенные объединения… Но далеко не все «племена» являлись именно такими объединениями. На первых страницах «Повести временных лет» наряду с ними перечислены образования совершенно иного характера – вновь возникшие территориальные объединения, появившиеся… вследствие распада у восточных славян первобытнообщинного строя. Ярким примером в этом отношении являются полочане – на первый взгляд, одно из древнерусских племён, фактически же одно из новых территориальных объединений» (Третьяков 1941: 35; 1953: 221-222). Итак, кривичи – древнее славянское племенное объединение, в то время, как полчане – новое территориальное образование древнерусского времени, ошибочно вставленное летописцем в перечни восточнославянских «племён». Такова мысль П.Н. Третьякова.

Учёный подкрепляет её следующими соображениями (Третьяков 1941: 36; 1953: 222). Полочане не присутствуют ни в одном летописном рассказе северного происхождения. Их нет в легенде о призвании варягов (в ней названы словене, кривичи, чудь и меря), в рассказ о походе Олега на Киев в 882 г. (названы варяги, чудь, меря, кривичи) и установлении им дани с Киева в пользу северных «племён» (словен, кривичей и мери). Нет полочан и в перечнях «племён» принимавших участие в походах на Византию в 907 г. (варяги, словене, чудь, кривичи, меря, древляне, радимичи, поляне, вятичи, хорваты, северяне, дулебы, тиверцы) и в 944 г. (варяги, русь, поляне, словене, кривичи, тиверцы, печенеги).

Во всех указанных случаях в летописном повествовании фигурируют только кривичи, при этом когда византийцы после похода 907 г. согласились платить дань

Руси, в числе городов, долженствующих получать её Полоцк значится, следовательно, его жители принимали участие в походе[1].

Всё это, по мнению П.Н. Третьякова, «говорит о том, что полочан, как одного из древнерусских племён, по-видимому, никогда не существовало. В XI-XII вв. так называли жителей Полоцка и его земли, точно также, как население Новгородской земли и Новгорода Великого называли новгородцами. «Слово о полку Игореве» говорит о курянах – жителях Курска. Эти термины относятся к новому, территориальному делению русского населения, которое повсеместно стало вытеснять старое, племенное деление… очень вероятно, что именно составитель «Повести временных лет», которая создавалась в Киеве, причислил жителей Полоцка – полочан – к числу северных древнерусских племён, допустив, таким образом, существенную ошибку» (Третьяков 1941: 36; 1953: 222-223).

П.Н. Третьяков опирался также на реконструкции А.А. Шахматова, согласно которым в летописных сводах, предшествовавших ПВЛ, полочане отсутствовали. Здесь, однако, надо иметь в виду, что все известия о полочанах приходятся на этногеографическое введение к ПВЛ, которое отсутствует в Новгородской Первой летописи (далее – НПЛ), отразившей, по Шахматову, Начальный летописный свод конца XI в. Соответственно, оно осталось за бортом шахматовских реконструкций.

Однако, во-первых, вопрос о времени появления в летописях текста этногеографического введения (а начало НПЛ можно рассматривать и как выжимку из оного), а равно и о соотношении ПВЛ и НПЛ в целом, дискуссионен, а во-вторых, даже если в летописи этногеографическое введение впервые было вставлено в начале XII в. при составлении ПВЛ, то из этого никак не следует что оно было написано именно в то время. Вполне возможно, что изначально оно существовало как самостоятельный памятник, впоследствии включённый в летописи (Кузьмин 1977: 296-326).

Главные тезисы П.Н. Третьякова представляются мне неубедительными. Летописцы, вопреки мнению учёного, нигде не смешивают древние славянские «племена» с новыми территориальными общностями[2], они чётко разделены на понятийном и хронологическом уровнях: вторые на страницах летописей со

---

[1] Достоверность упоминания Полоцка в русско-византийском договоре 907 г. дискуссионна. По мнению одних исследователей перечень городов, фигурирующих в договоре, которым Византия должна была платить дань, изначально включал в себя только Киев, Чернигов и Переяславль, а упоминание Полоцка, Ростова и Любеча представляет собой позднюю вставку летописца (Греков 1953: 295; Кузьмин 1970: 127; Горский 1995: 55-56), в то время как другие оспаривают это утверждение и отстаивают достоверность всего перечня городов (Тихомиров 1956: 345; Фроянов 1996: 320-321; Алексеев 2006. Кн. 2: 4).

[2] Единственное исключение, «Новъгородьци», в приведённом выше списке «словенских языков» Руси, видимо, возникло вследствие того, что в предшествующем ему списке славянских «княжений» подчёркнуто, что столица словен – Новгород. В приведённом выше летописном известии 1127 г. «Кривичи» – не «племя», а название территории, которое какое-то время сохранялось в употреблении, когда самого «племени» уже не существовало.

временем приходят на смену первым как общности нового порядка. Полян заменяют кияне, словен – новгородцы и т.д. Более того, летописец прямо говорит, что имя *полочане* происходит от реки Полоты, а не от города Полоцка (см. вышеприведённое летописное известие), что чётко указывает на «племенной», а не территориально-политический характер этого объединения.

Этнонимы, производные от гидронимов были распространены в славянском мире: вспомним вислян, бобрян, речан и т.д. Полоцк, очевидно, также получил своё имя по реке Полоте: «Полоцк, или Полотеск, – город, стоящий на реке Полоте; словообразование, подобное Торопцу от реки Торопы, Витебску – от реки Видьбы и т.д.» (Тихомиров 1956: 362. См. также: Нерознак 1983: 139). И уже от имени города Полоцка получили своё имя полочане как территориально-политическая общность XI-XIII вв. – жители Полоцка и его волости[1].

Прямую аналогию находим на берегах Западного Буга: от имени этой реки прозвалось, согласно летописцу «племя» *бужан* (ПСРЛ. I: 11; ПСРЛ. II: 8), от него же произошло название города Бужска (Тихомиров 1956: 322; Нерознак 1983: 30-31), по имени которого, в свою очередь, назывались впоследствии жители города и его волости как нового территориально-политического объединения. Таким образом, старое «племенное» и новое территориально-политическое наименование совпали через посредство городов, названных по рекам, от которых произошли и соответствующие древние «племенные» имена. Никакой путаницы «племенных» и «территориальных» наименований, вопреки П.Н. Третьякову (Третьяков 1941: 36; 1953: 223), ни в случае с полочанами, ни в случае с бужанами в летописи нет.

Также в параллель истории этниконов полочане и бужане может быть поставлена история имени волыняне. Оно изначально было образовано подобно таким славянским этнонимам как *поляне* («жители поля»), *древляне* («жители лесов») и т.д. – от местности проживания. *Волыняне* – «жители низины/долины/равнины» от слав. *volynъ/ь – «долина/равнина/низина» (Трубачев 1994: 13-14). От местности же, видимо, произошло и название города Волынь. Правда, в отличие от Полоцка, он не стал центром волости, уступив первенство Владимиру-Волынскому, основанному князем Владимиром в качестве опорного пункта киевской власти в противовес Волыни как древнему местному центру. Соответственно, потомки волынян в XI-XIII вв. обычно именуются в летописях «владимирцами», но поскольку название земли Волынь сохранилось (ПСРЛ. I: 199), один раз её и Владимира жители обозначены в Ипатьевской летописи как «волынцы» (ПСРЛ. II: 741).

По мнению А.Н. Насонова «одно «княжение» у кривичей было на Полоте, а другое – в Смоленске; полочане – тоже кривичи. Составитель «Повести временных лет» именно так понимал дело… Также понимал дело и его киевский продолжатель» (Насонов 2002: 132). А.Н. Насонов ссылается при этом на летописное

[1] Впервые *полочане* в таком качестве упомянуты в ПВЛ под 1092 г. (ПСРЛ. I: 215).

известие о кривичах как «первых насельниках» Полоцка и именование полоцких князей кривичскими, а Полоцкой земли «Кривичами» в XII в.

Л.В. Алексеев в книге о домонгольской Полоцкой земле, приведя летописные данные о проживании в верховьях Западной Двины кривичей и полочан, констатировал, что «соотношение кривичей и полочан остаётся загадкой» (Алексеев 1966: 54), помочь разгадать которую, по мнению учёного, способно привлечение археологических данных (Алексеев 1966: 54). Учёный сопоставил курганы Полотчины и Смоленщины и констатировал значительное сходство между ними в погребальном обряде и наборе украшений, но отметил и некоторое своеобразие полоцких курганов: малое число и бедность украшений, своеобразие височных колец, отсутствия ряда характерных для Смоленщины предметов.

Это позволило учёному заключить, что «в конце I тысячелетия н.э. на территории Полотчины жило население, близкое по материальной культуре населению Смоленщины и отличавшееся от него незначительно некоторыми деталями погребального обряда и инвентаря. Это и были летописные полочане» (Алексеев 1966: 55).

Рассмотрев далее некоторые данные этнографии и языкознания, Л.В. Алексеев сделал следующий итоговый вывод: «предварительно (до целенаправленных раскопок) можно считать, что полочане – часть кривичей, обосновавшаяся первоначально на водной магистрали ответвления пути из варяг в греки и расселившаяся затем на запад, юг и северо-восток» (Алексеев 1966: 60), при этом на полочан оказал значительное влияние аборигенный балтский субстрат (Алексеев 1966: 60). В своей итоговой работе учёный повторил этот вывод: Полоцкая земля была кривичской (Алексеев 2006. Кн. 2: 4), а полочане были частью кривичей (Алексеев 2006. Кн. 1: 59). Аналогично понимает соотношение между полочанами и кривичами Г.В. Штыхов: «полочане», полоцкие кривичи, представляли собой западную часть кривичей (Штыхов 2000: 209. См. также: Штыхаў 1992).

По мнению Б.А. Рыбакова полочане были «особым небольшим племенным союзом, всегда выделяемым летописцем как самостоятельная единица» (Рыбаков 1982: 239). Согласиться с последним утверждением невозможно: ряд летописных известий не выделяет полочан и «отдаёт» их земли кривичам.

Специальную статью вопросу о «полочанах» начальной летописи посвятил А.Г. Кузьмин (Кузьмин 1970. См. также: Кузьмин 1977: 321-322). Учёный согласился с П.Н. Третьяковым в том, что этнополитического союза полочан не существовало, а его упоминания в этногеографическом введении к ПВЛ представляют собой искусственную вставку летописца (Кузьмин 1970: 125). При этом учёный поставил вопрос о времени этой вставки, а также исторических условиях, приведших к её появлению: «если употребление летописью этого этнонима (полочане – М.Ж.) не вполне оправдано, то можно поставить вопрос, к какому времени оно относится и с каким источником связано» (Кузьмин 1970: 125).

По мнению А.Г. Кузьмина, поскольку упоминание полочан отсутствует в легенде о призвании варягов, то «составитель Начальной летописи в XII в. упоминал их на основании какого-то другого источника, существовавшего независимо от варяжской легенды. А это значит, что появление в летописи «полочан» связано не с творчеством летописца начала XII в., а с одним из его предшественников» (Кузьмин 1970: 125). Что это за предшественник? А.Г. Кузьмин обратил внимание, что все три раза полочане называются летописцем в рамках перечня «племён», хотя и варьирующегося, но имеющего, тем не менее, устойчивое ядро и что все летописные пассажи, упоминающие полочан, связаны со «Сказанием о переложении книг на славянский язык» (вспомним указание на «Словеньскую грамоту» в конце первого летописного пассажа с упоминанием полочан) (Кузьмин 1970: 126).

По ряду косвенных признаков учёный приходит к следующему выводу о времени вставки «полочан» в летописный текст: «весьма вероятно, что интерес к Полоцку проявлялся тогда, когда полоцкий князь Всеслав претендовал на киевский стол. Тогда-то и могли быть вставлены в летописный текст «полочане» и другие связанные с Полоцком известия (например, вставлен «Полоцк» в статью под 907 г.). Самый рассказ о славянской грамоте сложился, возможно, намного раньше. Но в летописной обработке его замечаются следы, ведущие в эпоху Ярославичей, когда в Киеве составлялся большой летописный свод» (Кузьмин 1970: 127).

А.Г. Кузьмин, к сожалению, отталкивался от ошибочной, по моему мнению, идеи П.Н. Третьякова, согласно которой летописцы фактически придумали «племя» полочан, но его идеи о том, что «полочане» появились в тексте летописи под пером одного из летописцев, в то время как другие хронисты не использовали этого этнонима, заслуживает серьёзного внимания. Я бы только иначе расставил тут акценты: летописец не сконструировал это «племя» искусственно, а выделил одну из частей обширного кривичского массива, назвал её имя отдельно, чего не делали другие авторы, не обозначавшие отдельных «племён» в составе кривичей или других славянских этнополитических союзов. И это, действительно, могло произойти вследствие интереса этого летописца к Полоцку и его истории.

Только вот время и обстоятельства такого интереса, указанные А.Г. Кузьминым, вызывают вопросы: когда Всеслав Полоцкий претендовал на киевский стол, отношения Полоцка и Киева, Всеслава Полоцкого и Ярославичей, были враждебными, вряд ли киевские летописцы в это время стали бы проявлять повышенный интерес к истории этого города, а тем более – возвеличивать её. Логичнее полагать, что «полочане» были не вставлены в текст этногеографического введения, а присутствовали в нём с самого начала (когда бы оно ни было написано), о них писал его автор, блестяще знавший этногеографию славянского мира.

Принципиально иначе, чем А.Г. Кузьмин, и достаточно радикально подошёл к решению проблемы попадания на страницы летописей этнонимов «кривичи»/«полочане» и соотношения между ними А.А. Горский (Горский 1995). По мнению историка в исходном тексте ПВЛ упоминались только полочане, а кривичей

вставил редактор, близкий к Владимиру Мономаху, который симпатизировал Смоленску и не жаловал Полоцк (Горский 1995: 55 и сл.). «Общая тенденция редактора в вопросе об истории кривичей сводится к тому, что главным городом кривичей был Смоленск, а Полоцк являлся тоже кривичским городом, но менее значительным. Автор ПВЛ не считал нужным даже употреблять этноним «кривичи»: вместо него он использовал название «полочане»… Автор ПВЛ считал… полоцкую группировку кривичей главенствующей» (Горский 1995: 57).

При этом, по мнению А.А. Горского, история правки летописного текста отражает реальное политическое развитие кривичей: «В IX в. главным в союзе было полоцко-ушачское княжество и по нему другим, «территориальным» названием союза стало имя «полочане». Центром союза был град «Полоцк»… Смоленск… был центром одного из племенных княжеств, входивших в союз, – верхнеднепровского. Эта ситуация отразилась в авторском тексте ПВЛ, где названы только полочане – главное племенное княжество союза. В конце IX в. с объединением Киева и земли словен, сопровождавшемся подчинением Смоленска киевскому князю и расцветом пути «из варяг в греки» роль Смоленска возросла. В Смоленск стала стекаться дань, собираемая для киевских князей со всей земли кривичей, часть её, видимо, оседала в Смоленске... Смоленск стал главным центром кривичской земли» (Горский 1995: 58). Далее учёный уточняет свою мысль: «в истории кривичей догосударственного периода не было двух союзов племенных княжеств – полоцкого и смоленского», первоначально в IX в. столицей кривичей был Полоцк и они все совокупно именовались также полочанами, а затем на лидирующие позиции выдвинулся Смоленск (Горский 1995: 59).

«В тексте ПВЛ отразились две разновременные политические ситуации. Автор ПВЛ изобразил ситуацию до второй половины IX в., когда кривичский союз возглавлялся племенным княжеством полочан, а редактор – ситуацию конца IX-X вв., когда главным кривичским центром был Смоленск. Политическая ситуация этого времени соответствовала симпатии редактора и его покровителя Владимира Мономаха к Смоленску и антипатии к Полоцку и полоцким князьям» (Горский 1995: 59-60).

Все эти сложные конструкции А.А. Горского представляются мне неосновательными и не выдерживающими критики. С чего бы это политически мотивированная реалиями начала XII в. редактура летописного текста отразила реальную историю кривичей IX-X вв.? Нет оснований рассматривать под таким углом зрения летописные известия о кривичах и полочанах.

Из летописных пассажей о полочанах, вопреки мнению А.А. Горского, ясно следует, что это отнюдь не обозначение всего обширного массива кривичей, а наименование славянского этнополитического союза, жившего в компактном районе на берегах Западной Двины и Полоты: «и иниии седоша на Двине и нарекошася Полочане, речькы ради, еже втечеть въ Двину именемь Полота, от сея прозвашася Полочане»; «а другое на Полоте, иже и Полочане». Повторяю и то, что уже отмечал

раньше: летописец чётко указывает, что «древние» полочане назывались не по городу Полоцку, а по реке Полота, т.е., вопреки А.А. Горскому, это «племенное», а отнюдь не «территориальное» название.

Малоубедительной выглядит и гипотеза А.А. Горского о вторичности этнонима «кривичи» в летописном тексте. Как раз он является в нём куда более укоренённым, чем имя «полочане»: *кривичи* встречаются в летописи существенно чаще *полочан*, причём если последние наличествуют только в недатированной части ПВЛ (этногеографическое введение), то первые как в недатированной, так и в датированной, собственно летописной, части источника. Отсутствуют *полочане* и в НПЛ. Наконец, обозначение полоцкой земли как «Кривичей», а полоцких князей как «кривичских» дожило в летописях до XII в. и выходит за рамки ПВЛ. Как раз скорее можно согласиться с А.Г. Кузьминым в том, что именно этноним «полочане» нехарактерен для летописной традиции как таковой и все случаи его упоминания связаны, вероятно, с одним летописцем – автором или редактором этногеографического введения к ПВЛ или какой-то его части.

Ничем невозможно подкрепить и предположение А.А. Горского о том, что в IX в. важнейшим центром всех кривичей был Полоцк, а потом эта роль перешла к Смоленску. Сам учёный считает упоминание Полоцка в русско-византийском договоре 907 г. позднейшей вставкой (Горский 1995: 55-56), а без этого известия ***единственное*** летописное упоминание Полоцка в период до княжения в нём Рогволода (980 г.) связано с варяжской легендой. Из текста летописи можно при этом сделать вывод о политической независимости друг от друга Смоленска и Полоцка в середине IX в., а не о преобладании одного из них над другим: в Полоцке Рюрик сажает одного из своих «мужей» (ПСРЛ. I: 20; ПСРЛ. II: 14), видимо, как в одном из городов, участвовавших в призвании варягов, Смоленск же, очевидно, не был подвластен Рюрику, так как его подчиняет себе только Олег в 882 г. (ПСРЛ. I: 22-23; ПСРЛ. II: 16; ПСРЛ. 37: 18).

Византийский император Константин Багрянородный в середине X в. знает только кривичей как «пактиотов»-данников русов и Смоленск как подчинённый Киеву город (Константин Багрянородный 1991: 45, 51), но не знает полочан и Полоцка, видимо, они в это время не подчинялись Киеву и там правила местная династия, последним представителем которой был убитый Владимиром Святославичем Рогволод. Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении источники рисуют картину независимой политической жизни Полоцка и Смоленска IX-X вв. В середине IX в. первый подчинён Рюрику, а второй – нет; в середине X в. (до 980 г.) всё наоборот: Полоцк независим и управляется собственными князьями, а Смоленск – в подчинении у Киева. Это даёт основание утверждать, что, вопреки мнению А.А. Горского, у кривичей было два, по терминологии учёного, «союза племенных княжеств» с неодинаковой политической судьбой: Смоленский и Полоцкий.

В книге, посвящённой длинным курганам кривичей В.В. Седов писал, что «полочане были локальной группой кривичей, расселившихся в бассейне Западной Двины там, где в неё впадает р. Полота» (Седов 1974: 36). Впоследствии, однако, учёный изменил свою точку зрения.

В фундаментальной работе о восточных славянах VI-XIII вв. В.В. Седов положительно сослался на охарактеризованное выше мнение А.Г. Кузьмина, согласно которому «места летописи, где названы полочане, являются вставками авторов-редакторов XI в.», обусловленными «взаимоотношениями Киева и Полоцка того времени» (Седов 1982: 164). По В.В. Седову «такому решению вопроса о полочанах целиком соответствуют археологические выводы» (Седов 1982: 164), поскольку «бесспорно, что земли вокруг Полоцка были заселены кривичами. Длинные курганы Полоцкой земли идентичны таким же памятникам Смоленщины. Тождественны и круглые курганы с трупосожжениями на этих территориях. Погребальный обряд полоцких кривичей XI-XIII вв. не отличается от ритуала смоленских кривичей. Как на Смоленщине, так и в Полоцкой земле распространены одинаковые браслетообразные завязанные височные кольца. Тождественны и другие украшения в курганах этих территорий» (Седов 1982: 164-165).

Полемизируя с наблюдениями Л.В. Алексеева о некотором своеобразии археологических памятников Полотчины в сравнении с памятниками Смоленщины, В.В. Седов пишет: «иногда обращают внимание на то, что в полоцких курганах встречается меньше украшений, чем в смоленских или на то, что в курганах Полоцкого Подвинья известны височные кольца с завязанными концами малых размеров и грубо скрученные [здесь ссылка на указанную выше работу Л.В. Алексеева о Полоцкой земле – М.Ж.]. Однако эти элементы нельзя считать этнографическими. Среди височных украшений Полоцкой земли нередки и браслетообразные завязанные кольца, не отличимые от смоленских, и, наоборот, на Смоленщине встречены подобные кольца небольших размеров» (Седов 1982: 165). Также учёный со ссылкой на работу А.И. Соболевского отмечает, что «какого-либо этнографического рубежа между Смоленской и Полоцкой землями XI-XIV вв. не обнаруживается. И для смоленских кривичей, и для полочан характерен общий диалект, выявленный на основе изучения письменных памятников XIII-XV вв.» (Седов 1982: 165. Ср.: Соболевский 1886).

Всё это позволило В.В. Седову заключить: «археологический материал не даёт возможности считать полочан отдельной этнографической (племенной) группой кривичей. Очевидно, полочане летописей были такими же кривичами, как и население Смоленской земли. Назывались они полочанами исключительно по политико-географическим мотивам. Это – население, подвластное полоцким князьям, или жители Полоцкой земли» (Седов 1982: 165). Об археологически фиксируемом культурном единстве Полотчины и Смоленщины как в период культуры длинных курганов (конец VII – IX вв.), так и в древнерусское время В.В.

Седов писал и в последующих своих работах (Седов 1994: 89-100; 1995: 228-237; 1999: 140-145; 2002: 384-388).

Выводы В.В. Седова о единстве материальной культуры Полотчины и Смоленщины кривичского времени, основанные на скрупулёзном анализе археологических материалов, имеют важное научное значение, но общеисторические выводы учёного вызывают вопросы. Каким образом из единства материальной культуры кривичей следует невозможность существования внутри кривичского массива разных этнополитических группировок, в т.ч. и полочан?

Летописец называет кривичей, вятичей, радимичей, полян, древлян и прочие восточнославянские этнополитические объединения в одном ряду с лютичами, а про них по источникам хорошо известно, что они представляли собой союз ряда небольших «племён»: брежан, стодорян, чрезпенян, доленчан и т.д. Аналогична ситуация с ободритами, включавшими в себя древан, глинян, вагров и т.д. и лужицкими сербами, делившимися на сусельцев, жирмунтов, галомачей и т.д. Одним словом, там, где у нас есть источники, описывающие более детально внутреннюю жизнь славян, мы видим, что большие славянские этнополитические объединения, уровня тех, что попали на страницы древнерусских летописей, делились на ряд небольших «племён».

В «Баварском географе», анонимном памятнике, созданном в швабском монастыре Райхенау в 70-е гг. IX в. (Назаренко 2001: 51-70), перечислено множество славянских «племён», не известных по другим источникам и, соответственно, с трудом поддающихся идентификации или не поддающихся ей вовсе. По всей видимости, это именно те небольшие «племена», из которых состояли крупные славянские этнополитические союза типа вислян, мазовшан, лютичей, кривичей и т.д. (Ср.: Седов 1999: 64-65).

Имя одного такого небольшого «племени» отразилось и в древнерусских источниках. Б.А. Рыбаков обратил внимание (Рыбаков 1982: 264) на то, что в «Поучении» Владимира Мономаха дважды названы некие «семичи»:

– после одной из побед над половцами князь «а семечи и полон весь отъяхом» (ПСРЛ. I: 248);

– укрывшись от превосходящих половецких сил за городскими стенами войска Владимира почти не понесли потерь «толко семцю яша одиного живого, ти смердъ неколико» (ПСРЛ. I: 248).

Б.А. Рыбаков заключил: «"Семичи" – типичное по своей форме племенное имя. Это, очевидно, одно из племён Северянского племенного союза, размещенное на сейме: ''А друзии седоша по Десне и по Семи, и по Суле и нарекошася Север''» (Рыбаков 1982: 264)[1].

[1] Б.А. Рыбаков обратил внимание также на летописное сообщение о победе воеводы Волчьего Хвоста над радимичами в 984 г. на р. Пищане: «Потом бытовала поговорка, укорявшая радимичей: «Пищаньци волъчья хвоста бегаютъ». В этом случае хронист расценивает пищаньцев как некую органическую часть радимичей» (Рыбаков 1982: 263-264).

Внутри территорий больших восточнославянских этнополитических объединений удаётся и археологически наметить отдельные скопления памятников, соответствующие, вероятно, отдельным небольшим «племенам» (Соловьева 1956; Рыбаков 1982: 264) наподобие балтийско-славянских стодорян, доленчан, древан и т.д.

В рамках ареала смоленско-полоцких кривичей Л.В. Алексеев также выделил подобные скопления: «археологическая карта Полоцкой земли свидетельствует о том, что славяне селились… не хаотически, а группами, которых разделяли густые леса… Самых больших скоплений насчитывается десять, восемь из которых были кривичскими (Полоцко-Ушачское, Гайно-Березинское, Друцкое, Лукомльское, Оршанское, Усвятское, Витебское и Изяславльское) и два дреговичских… Примечательно, что *семь кривичских скполений более или менее равновелики, в то время как восьмое (Полоцко-Ушачское) по площади и количеству памятников превышает их вдвое или даже втрое* (курсив мой – М.Ж.)» (Алексеев 1978: 24. См. также: Алексеев 2006. Кн. 1: 29); «В Смоленской земле мы наблюдаем три крупнейших скопления древнего населения. Интенсивным заселением кривичами в IX-X вв. была зона междуречья верховьев Сожа – Днепра и Каспли, а также района верховьев Западной Двины – Торопы, у Торопецкого и Жижецкого озер. Третье большое скопление населения мы видим в южной части Смоленской земли, заселенной радимичами» (Алексеев 1978: 24. См. также: Алексеев 2006. Кн. 1: 29).

Совершенно очевидно, что такое значительное восточнославянское этнополитическое объединение как кривичи делилось на ряд более или менее обособленных структурных единиц разного уровня: от небольших «племён» до их локальных объединений. Кривичи в их совокупности занимали огромную территорию от бассейна р. Великой через верховья Днепра до Мсты, очерчиваемую по ареалу характерных для них погребальных памятников, длинных курганов[1].

По словам В.В. Седова «общий ареал длинных курганов, подразделяемый на две культурные группы, соответствует трём историческим землям Древней Руси – Псковской, Полоцкой и Смоленской, – принадлежащих кривичам» (Седов 1999: С. 143). Широта расселения кривичей с неизбежностью должна была привести к формированию локальных объединений в рамках кривичского ареала, объединяющих, вероятно, несколько небольших «племён», которым соответствуют отдельные скопления археологических памятников.

Одним из таких объединений и были летописные «полочане». Ядром их (*полочанами*, так сказать, «в узком смысле»), скорее всего, было население, оставившее Полоцко-Ушачское скопление памятников, крупнейшее на Полотчине. Вероятно, в состав объединения полочан входили ещё несколько небольших «племён», оставивших соседние скопления (сколько именно – сказать невозможно). Центром

[1] Карту распространения этих памятников см.: Седов 1982: 48-49. Карта 8.

кривичского объединения полочан был, очевидно, Городок на Полоте, предшественник Полоцка[1], видимо, носивший то же имя.

В Верхнем Поднепровье сложилось другое кривичское объединение во главе со смолянами. Существование такого кривичского «племени» реконструируется из сопоставления названия города Смоленск, *Смольньскъ* (столица смоленских кривичей начиная с гнездовского периода его истории[2]) и имени одного из славянских «племён» на Балканах, *смоляне* или *смолене* (Трубачев 2005: 96), а также западнославянских *Smeldingon* (Трубачев 2005: 97). Повторяемость одних и тех же этнонимов в разных частях славянского мира – одна из характерных черт славянской этнонимии (Трубачев 1974).

Смоленск, очевидно, был «племенным» центром смолян, по имени которых и получил своё имя (Трубачев 2005: 99-102), а уже от него, в свою очередь, «смолянами» стали называться жители Смоленска и его волости древнерусского времени. Перед нами ещё один вариант переноса «племенного» названия на новую территориально-политическую общность: имя «племени» – имя города его центра – имя нового территориально-политического образования, центром которого стал этот город. Имя *смоляне, *smolěne, *smol'ane* значило первоначально «выжигающие лес» – от древней формы и значения глагольного корня **smol-, *smoliti* (Трубачев 2005: 105). Этноним, очевидно, связан с подсечным земледелием. По словам О.Н. Трубачева «в имени смолян выражено не только отношение к лесу. В нем запечатлена, как я все же думаю, также обязательная связь с земледелием, ибо **smolěne* – это, иными словами, славяне, отвоевывающие пашню у леса» (Трубачев 2005: 105).

Особую гипотезу в дискуссии о соотношении между летописными *кривичами* и *полочанами* высказал Д.А. Мачинский. По мнению учёного, под именем «кривичей» в летописях выступают не славяне, а какая-то протославянская, балто-славянская или балтская группировка, оставшаяся на территории «лесной прародины» славян и ассимилированная «настоящими» славянами, кристаллизовавшимися при продвижении на юг, в Подунавье, а затем расселявшимися оттуда, согласно ПВЛ. Полочане же были первой славянской группой, которая пришла в кривичские земли (Мачинский 1981: 39-51). Аналогичную позицию занимает и Е.А. Шмидт (Шмидт 2012: 114-117).

Согласиться со взглядами этих учёных не представляется возможным, поскольку они прямо противоречат данным летописи (см. подробнее: Жих 2013: 8-10). Выше уже цитировался летописный рассказ о «племенных княжениях» у славян. В нём говорится, что кривичи происходят от полочан, которые согласно рассказу о расселении славян, являются потомками дунайских славян, пришедшими в Восточную Европу: «*а другое* [княжение – М.Ж.] *на Полоте, иже и Полочане, от сихъ же*

---

[1] О Городке на Полоте см.: Алексеев 2006. Кн. 1: 58-60.

[2] О гнездовском периоде в истории Смоленска см.: Алексеев 2006. Кн. 1: 53-58.

и Кривичи, иже седять на верхъ Волгы и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же и городъ есть Смоленескъ, туда бо седять Кривичи, таже Северо от них».

Мне уже приходилось акцентировать внимание на этом ключевом для понимания истории кривичей летописном известии (Жих 2013: 9), которое, к сожалению, по достоинству не оценено в науке. Иногда слова о происхождении кривичей от полочан рассматривают как некую вставку, одни делают это на основе неких общих соображений (Рыбаков 1963: 241), а другие, как например А.Г. Кузьмин и А.А. Горский, на основании своих представлений о соотношении между летописными *кривичами* и *полочанами* (Кузьмин 1970: 126; Горский 1995: 54).

Никаких оснований видеть здесь вставку нет. Происхождение одного славянского «племени» от другого – один из базовых путей славянского этногенеза согласно этногеографическому введению к ПВЛ: «*от* техъ Словенъ разидошашася по земьли и прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте» (ПСРЛ. I: 6; ПСРЛ. II: 5); «Словене же ови пришедше и седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а *отъ* техъ Ляховъ прозвашася Поляне Ляхове» (ПСРЛ. I: 6; ПСРЛ. II: 5); «Радимичи бо и Вятичи *отъ* Ляховъ. Бяста бо два брата в Лясехъ: Радимъ, а другыи Вятокъ. И пришедша, седоста Радимъ на Съжю и прозвашася Радимичи, а Вятко седе своимъ родомъ по Оце, *отъ* него прозвашася Вятичи» (ПСРЛ. I: 12; ПСРЛ. II: 9). Из приведённых примеров видно и то, что вопреки мнению Е.А. Шмидта, который полагает, будто в пассаже о происхождении кривичей от полочан предлог «от» означает лишь соседство (Шмидт 2012: 115), в летописном повествовании о расселении славян он имеет однозначное значение происхождения.

В рамках представлений летописца о дунайской прародине славян было логично полагать, что сначала славяне, продвигаясь с юго-запада, освоили берега Двины, а уже оттуда продвинулись на восток, к Верхнему Днепру и Волге. Ныне мы знаем, что расселение кривичей шло иначе: Полотчина и Смоленщина были ими освоены начиная с конца VII в. с севера и северо-запада, из ареала культуры псковских длинных курганов, представлявших собой, по всей видимости, древнейшие кривичские памятники (Седов 1960: 59-62; 1995: 229-238; 1999: 140-145; 2002: 384-388; Третьяков 1966: 281-282; Алексеев 1966: 33-34; 2006. Кн. 1: 28-30).

Многие этногенетические конструкции автора этногеографического введения к ПВЛ не нашли подтверждений современной науки, хотя и содержат в себе некоторое рациональное зерно, например, о дунайской прародине славян[1] или о происхождении радимичей и вятичей от ляхов[2], но что касается родственной связи

[1] О рациональном историческом зерне в этой летописной конструкции, связанном с инфильтрацией славян из Дунайского региона в Восточную Европу в VIII-IX вв. см.: Седов 1999: 183-204; 2007; Щеглова 2009.

[2] О радимичах, вятичах и их происхождении см.: Седов 1970: 134-143; 1982: 143-157.

полочан и смоленских кривичей, то она несомненна в свете того, что другие летописные известия «отдают» Полоцк кривичам[1].

Примечательно и то, что летописец, упомянувший *полочан* в качестве особого славянского этнополитического союза и написавший о происхождении от них кривичей, разграничил полочанскую и кривичскую территорию, ограничив последнюю верховьями Волги, Днепра и Западной Двины и указав, что город кривичей – Смоленск. Полоцк, стоявший ниже по течению Двины и его окрестности он, очевидно, в кривичскую территорию не включил, равно как и Псковскую землю, также входившую, как мы знаем по другим данным, в кривичский ареал (Седов 1974: 36 и сл.; 1981).

Этот летописец писал о кривичах в «узком» значении, понимая под ними только территорию смолян и их соседей. По всей видимости, кривичами в первую очередь называлась верхнеднепровская группа славян, а уже от неё это имя распространилось на весь славянский ареал культуры длинных курганов[2], который едва ли имел сколько-нибудь прочное политическое единство. Общность кривичей скорее носила этнокультурный характер, связанный с единством их происхождения. В политическом же смысле изборско-псковские, полоцкие и смоленские кривичи, вероятно, с раннего времени жили обособленно, что не могло не привести к формированию локальных этнонимов, покрывавших расположенные по соседству «племена».

Смоленская группировка кривичей, именовалась собственно кривичами, а также, возможно, смолянами, полоцкая – полочанами, а имя изборско-псковской группы кривичей остаётся нам неизвестно.

Большинство летописцев говорило о кривичах in corpore и только один сохранил имя полочан и сообщил важные сведения об исторической географии Кривичской земли. Характерен имеющийся в летописях оборот «все кривичи» (ПСРЛ. I: 19, 22-23; ПСРЛ. II: 13-14), не применяемый летописцами больше ни к одному из славянских этнополитических союзов. Он указывает на сложный состав общности кривичей, на наличие ряда локальных кривичских объединений.

Подведём итоги сказанного в статье:

---

[1] Слова того же летописца о происхождении северян от кривичей отражают, вероятно, представления о некоем северном их происхождении, которое отражает сам этноним *северяне*. Существует прочная гипотеза о происхождении носителей волынцевской культуры, предков летописных *северян*, от «именьковцев» (именьковская культура существовала в Среднем Поволжье в IV-VII вв.). См.: Седов 1994: 59-63; 1995: 193-194; 1999: 59-60; Приходнюк 1998: 75-76; Жих 2011: 27-28. Вероятно, ко времени составления летописей память о конкретных обстоятельствах этого переселения, равно как и о его исходном регионе, в значительной степени стёрлась, но общее представление о переселении предков северян откуда-то с севера ещё бытовало.

[2] Об истории и географии кривичей см.: Чернягин 1941; Третьяков 1941: 39-45; 1953: 233-236; 1966: 280-283; Седов 1960; 1970: 91-124; 1974; 1981; 1982: 46-58; 1995: 211-217, 229-238; 1999: 117-128, 140-145; 2002: 354-364, 372-388; Алексеев 1966: 31-61; Штыхаў 1992; Жих 2011.

1) Кривичи представляли собой особую этнокультурную славянскую общность, расселившуюся на огромной территории и вследствие этого, не имевшую, по-видимому, прочного политического единства. В кривичском ареале, который можно очертить по летописным данным и по ареалу кривичской культуры длинных курганов существовало множество небольших «племён», археологическим эквивалентом которых являются скопления памятников, объединённые, по-видимому, в три большие группировки: изборско-псковскую (по берегам реки Великой), двинскую (полоцкую) и верхнеднепровскую (смоленскую), а возможно, ещё и северо-восточную (мстинскую), представители которой были ассимилированы ильменскими словенами (в этом регионе культура длинных курганов перекрывается культурой сопок: Седов 1999: 141 (Рис. 27), 163-165). Название «кривичи», вероятно, относилось прежде всего к Смоленской группировке, а от неё распространялось на всех «длиннокурганников».

2) Полоцкая группа кривичей имела своё особое название, *полочане*, произошедшее от реки Полоты, по берегам которой они расселились. Изначально «полочанами», видимо, именовалось кривичское «племя» археологическим эквивалентом которого является Полоцко-Ушачское скопление памятников, а политико-административным центром был Городок на Полоте. По имени этого «племени» крупнейшего и сильнейшего среди них, все двинские кривичи стали именоваться «полочанами», составив, очевидно, некую политическую общность. У верхнеднепровских кривичей было при этом своё политическое объединение.

3) Политические объединения верхнеднепровских и двинских кривичей (полочан) жили, по имеющимся данным, своей независимой политической жизнью: по легендарным сведениям ПВЛ полоцкие кривичи участвовали в призвании варягов и приняли «мужа» от Рюрика, а смоленские кривичи в это время сохраняли свою независимость и были подчинены только Олегом в 882 г. По аутентичным данным Константина Багрянородного в середине X в. смоленские кривичи были «пактиотами»-данниками киевских русов, а Смоленск – городом, подчинённым Киеву. Полоцка в числе подвластных Киеву городов и полочан в числе его данников он не называет, что хорошо согласуется с данными ПВЛ о завоевании Полоцка Владимиром в 980 г. и о правлении в городе до того князя Рогволода. Очевидно, до 980 г. Полоцкая земля не была подвластна Рюриковичам. Вышла ли она в какой-то период из-под их контроля или сведения ПВЛ о подчинении Полоцка Рюрику недостоверны, сказать сложно. Ясно одно: с середины X в. по 980 г. в Полоцке правили свои князья.

4) Летописцы обычно называли «кривичами» in corpore всех представителей славянской этнокультурной общности, археологическим эквивалентом которой является культура длинных курганов, и их потомков. Только автор этногеографического введения к ПВЛ с его блестящим знанием этнической географии славянского мира и повышенным интересном к ней сообщил уникальные сведения по этногеографии кривичей: двинские кривичи имели особое имя

«полочане», а собственно «кривичами», кривичами «в узком смысле», были верхнеднепровские славяне. При этом он подчеркнул их единство, указав на происхождение вторых от первых.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Л.В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в XI-XIII вв. М.: Наука, 1966. 295 с.

Алексеев Л.В. Некоторые вопросы заселенности и развитие Западнорусских земель в IX-XIII вв. // Древняя Русь и славяне. Сборник к 70-летию академика Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1977. С. 23-30.

Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. М.: Наука, 2006. 289 с.

Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 2. М.: Наука, 2006. 165 с.

Горский А.А. Кривичи и полочане в IX-X вв. (Вопросы политической истории) // Древнейшие государства восточной Европы. 1992-1993. М.: Наука, 1995. С. 50-63.

Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 568 с.

Жих М.И. К проблеме реконструкции самоназвания носителей именьковской культуры // История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы. Пенза-Белосток-Прага, 2011. С. 15-37.

Жих М.И. К вопросу об этнической принадлежности кривичей // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия гуманитарные науки. 2013. Вып. 1 (8). С. 8-17.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991. 496 с.

Кузьмин А.Г. К вопросу о «полочанах» Начальной летописи // Древние славяне и их соседи. Сборник к 60-летию П.Н. Третьякова. М.: Наука, 1970. С. 125-127.

Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М.: Издательство МГУ, 1977. 408 с.

Мачинский Д.А. Миграция славян в I тыс. н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.: Наука, 1981. С. 31-52.

Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование // Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб.: Наука, 2002. 416 с.

Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 208 с.

Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.

Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.

Полное собрание русских летописей. Т. VII. Воскресенская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 360 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI-XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.

Приходнюк О.М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования). Воронеж: Воронежский университет, 1998. 170 с.

Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.: Издательство АН СССР, 1963. 362 с.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 598 с.

Седов В.В. Кривичи // Советская археология. 1960. № 1. С. 47-62.

Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970. 199 с.

Седов В.В. Длинные курганы кривичей. М.: Наука, 1974. 94 с.

Седов В.В. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 166. С. 5-11.

Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.

Седов В.В. Очерки по археологии славян. М.: Фонд археологии, 1994. 128 с.

Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М.: Фонд археологии, 1995. 416 с.

Седов В.В. Древнерусская народность. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.

Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.

Седов В.В. О расселении славян на Восточно-Европейской равнине из Дунайского региона // Этимология. 2003-2005. М.: Наука, 2007. С. 210-220.

Соболевский А.И. Смоленско-полоцкий говор в XIII-XV вв. Варшава, 1886. 27 с.

Соловьева Г.Ф. Славянские союзы племён по археологическим материалам VIII-XIV вв. н.э. (вятичи, радимичи, северяне) // Советская археология. 1956. Вып. XXV. С. 138-170.

Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 478 с.

Третьяков П.Н. Северные восточнославянские племена // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 6. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. С. 9-55.

Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М.: Издательство АН СССР, 1953. 312 с.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.: Наука; Л., 1966. 308 с.

Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 48-67.

Трубачев О.Н. Мысли о дохристианской религии славян в свете славянского языкознания // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 3-15.

Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М.: Наука, 2005. 286 с.

Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI-X вв.). СПб.: Издательство СПбГУ, 1996. 512 с.

Чернягин Н.Н. Длинные курганы и сопки // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 6. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. С. 93-134.

Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск, 2012. 168 с.

Штыхаў Г.В. Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў ў паўночнай Беларусі. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 191 с.

Штыхов Г.В. Формирование Полоцких Кривичей // Is baltu kulturos istorijos. Vilnius, 2000. С. 209-218.

Щеглова О.А. Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI-VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа, 2009. С. 39-65.

References

Alekseev L.V. Polockaja zemlja (ocherki istorii Severnoj Belorussii) v XI-XIII vv. [The Polotsk earth (sketches of history of Northern Belarus) in the XI-XIII centuries] M.: Nauka, 1966, 295 s. [in Russian].

Alekseev L.V. Nekotorye voprosy zaselennosti i razvitie Zapadnorusskih zemel' v IX-XIII vv. [Some questions of population and development of Zapadnorussky lands in the IX-XIII centuries], Drevnjaja Rus' i slavjane. Sbornik k 70-letiju akademika B.A. Rybakova, M.: Nauka, 1977, S. 23-30 [in Russian].

Alekseev L.V. Zapadnye zemli domongol'skoj Rusi: ocherki istorii, arheologii, kul'tury. Kn. 1 [Western lands of domongolsky Russia: sketches of history, archeology, culture. Book 1], M.: Nauka, 2006, 289 s. [in Russian].

Alekseev L.V. Zapadnye zemli domongol'skoj Rusi: ocherki istorii, arheologii, kul'tury. Kn. 2 [Western lands of domongolsky Russia: sketches of history, archeology, culture. Book 2], M.: Nauka, 2006, 165 s. [in Russian].

Gorskij A.A. Krivichi i polochane v IX-X vv. (Voprosy politicheskoj istorii) [Krivichs and the Polochans in the IX-X centuries. (Questions of political history)], Drevnejshie gosudarstva vostochnoj Evropy. 1992-1993, M.: Nauka, 1995, S. 50-63 [in Russian].

Grekov B.D. Kievskaja Rus' [Kievan Rus'], M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1953, 568 s. [in Russian].

Zhih M.I. K probleme rekonstrukcii samonazvanija nositelej imen'kovskoj kul'tury [To a problem of reconstruction of the self-name of carriers of imenkovsky culture], Istorija i kul'tura slavjanskih narodov: dostizhenija, uroki, perspektivy, Penza-Belostok-Praga, 2011, S. 15-37 [in Russian].

Zhih M.I. K voprosu ob jetnicheskoj prinadlezhnosti krivichej [To a question of an ethnic origin of Krivichs], Vestnik Lipeckogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serija gumanitarnye nauki, 2013, Vyp. 1 (8), S. 8-17 [in Russian].

Konstantin Bagrjanorodnyj. Ob upravlenii imperiej [About management of the empire], M.: Nauka, 1991, 496 s. [in Russian].

Kuz'min A.G. K voprosu o «polochanah» Nachal'noj letopisi [To a question of «Polochans» of the Initial chronicle], Drevnie slavjane i ih sosedi. Sbornik k 60-letiju P.N. Tret'jakova, M.: Nauka, 1970, S. 125-127 [in Russian].

Kuz'min A.G. Nachal'nye jetapy drevnerusskogo letopisanija [Initial stages of Old Russian annals], M.: Izdatel'stvo MGU, 1977, 408 s. [in Russian].

Machinskij D.A. Migracija slavjan v I tys. n.je. (po pis'mennym istochnikam s privlecheniem dannyh arheologii) [Migration of Slavs in I thousand AD (on written sources with attraction of data of archeology)], Formirovanie rannefeodal'nyh slavjanskih narodnostej, M.: Nauka, 1981, S. 31-52 [in Russian].

Nazarenko A.V. Drevnjaja Rus' na mezhdunarodnyh putjah: Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskih svjazej IX-XII vv. [Ancient Russia on the international ways: Interdisciplinary sketches of cultural, commercial, political connections of the IX-XII centuries], M.: Jazyki russkoj kul'tury, 2001, 784 s. [in Russian].

Nasonov A.N. «Russkaja zemlja» i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva. Istoriko-geograficheskoe issledovanie [«Russian land» and formation of the territory of the Old Russian state. Historical and geographical research], Nasonov A.N. «Russkaja zemlja» i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva. Mongoly i Rus', SPb.: Nauka, 2002, 416 s. [in Russian].

Neroznak V.P. Nazvanija drevnerusskih gorodov [Names of the Old Russian cities], M.: Nauka, 1983, 208 s. [in Russian].

Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I. Lavrent'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. I. Lavrentyevsky chronicle], M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 1997, 496 s. [in Russian].

Polnoe sobranie russkih letopisej. T. II. Ipat'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. II. Ipatyevsky chronicle], M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 1998, 648 s. [in Russian].

Polnoe sobranie russkih letopisej. T. VII. Voskresenskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. VII. Voskresensky chronicle], M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001, 360 s. [in Russian].

Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 37. Ustjuzhskie i vologodskie letopisi XVI-XVIII vv. [Complete collection of the Russian chronicles. T. 37. Veliky Ustyug and Vologda chronicles of the XVI-XVIII centuries], L.: Nauka, 1982, 228 s. [in Russian].

Prihodnjuk O.M. Pen'kovskaja kul'tura (Kul'turno-arheologicheskij aspekt issledovanija) [Penkovsky culture (Cultural and archaeological aspect of research)], Voronezh: Voronezhskij universitet, 1998, 170 s. [in Russian].

Rybakov B.A. Drevnjaja Rus'. Skazanija, byliny, letopisi [Ancient Russia. Legends, bylinas, chronicles], M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963, 362 s. [in Russian].

Rybakov B.A. Kievskaja Rus' i russkie knjazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus' and Russian principalities of the XII-XIII centuries], M.: Nauka, 1982, 598 s. [in Russian].

Sedov V.V. Krivichi [Krivichs], Sovetskaja arheologija, 1960, № 1, S. 47-62 [in Russian].

Sedov V.V. Slavjane Verhnego Podneprov'ja i Podvin'ja [Slavs of top Podneprovya and Podvinya], M.: Nauka, 1970, 199 s. [in Russian].

Sedov V.V. Dlinnye kurgany krivichej [Long barrows of Krivichs], M.: Nauka, 1974, 94 s. [in Russian].

Sedov V.V. Ob jetnicheskoj prinadlezhnosti pskovskih dlinnyh kurganov [About an ethnic origin of the Pskov long barrows], Kratkie soobshhenija Instituta arheologii, 1981, Vyp. 166, S. 5-11 [in Russian].

Sedov V.V. Vostochnye slavjane v VI-XIII vv. [East Slavs in the VI-XIII centuries], M.: Nauka, 1982, 328 s. [in Russian].

Sedov V.V. Ocherki po arheologii slavjan [Sketches on archeology of Slavs], M.: Fond arheologii, 1994, 128 s. [in Russian].

Sedov V.V. Slavjane v rannem srednevekov'e [Slavs in the early Middle Ages], M.: Fond arheologii, 1995, 416 s. [in Russian].

Sedov V.V. Drevnerusskaja narodnost' [Old Russian nationality], M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1999, 312 s. [in Russian].

Sedov V.V. Slavjane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], M.: Jazyki russkoj kul'tury, 2002, 622 s. [in Russian].

Sedov V.V. O rasselenii slavjan na Vostochno-Evropejskoj ravnine iz Dunajskogo regiona [About moving of Slavs on the East European Plain from the Danube region], Jetimologija, 2003-2005, M.: Nauka, 2007, S. 210-220 [in Russian].

Sobolevskij A.I. Smolensko-polockij govor v XIII-XV vv. [Smolensk and Polotsk dialect in the XIII-XV centuries], Varshava, 1886, 27 s. [in Russian].

Solov'eva G.F. Slavjanskie sojuzy plemjon po arheologicheskim materialam VIII-XIV vv. n.je. (vjatichi, radimichi, severjane) [The Slavic unions of tribes on archaeological materials of the VIII-XIV centuries AD (Vyatichi, Radimichs, Severians)], Sovetskaja arheologija, 1956, Vyp. XXV, S. 138-170 [in Russian].

Tihomirov M.N. Drevnerusskie goroda [Old Russian cities], M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1956, 478 s. [in Russian].

Tret'jakov P.N. Severnye vostochnoslavjanskie plemena [Northern East Slavic tribes], Materialy i issledovanija po arheologii SSSR, Vyp. 6, M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941, S. 9-55 [in Russian].

Tret'jakov P.N. Vostochnoslavjanskie plemena [East Slavic tribes], M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1953, 312 s. [in Russian].

Tret'jakov P.N. Finno-ugry, balty i slavjane na Dnepre i Volge [Finno-Ugra, Balts and Slavs on Dnieper and Volga], M.: Nauka; L., 1966, 308 s. [in Russian].

Trubachev O.N. Rannie slavjanskie jetnonimy – svideteli migracii slavjan [Early Slavic ethnonyms – witnesses of migration of Slavs], Voprosy jazykoznanija, 1974, № 6, S. 48-67 [in Russian].

Trubachev O.N. Mysli o dohristianskoj religii slavjan v svete slavjanskogo jazykoznanija [Thoughts of pre-Christian religion of Slavs in the light of Slavic linguistics], Voprosy jazykoznanija, 1994, № 6, S. 3-15 [in Russian].

Trubachev O.N. V poiskah edinstva: vzgljad filologa na problemu istokov Rusi [In search of unity: philologist's view of a problem of sources of Russia], 3-e izd., dop., M.: Nauka, 2005, 286 s. [in Russian].

Frojanov I.Ja. Rabstvo i dannichestvo u vostochnyh slavjan (VI-X vv.) [Slavery and dannichestvo at east Slavs (the VI-X centuries)], SPb.: Izdatel'stvo SPbGU, 1996, 512 s. [in Russian].

Chernjagin N.N. Dlinnye kurgany i sopki [Long barrows and hills], Materialy i issledovanija po arheologii SSSR, Vyp. 6, M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941, S. 93-134 [in Russian].

Shmidt E.A. Krivichi Smolenskogo Podneprov'ja i Podvin'ja (v svete arheologicheskih dannyh) [Krivichs of Smolensk Podneprovya and Podvinya], Smolensk, 2012, 168 s. [in Russian].

Shtyhaŭ G.V. Kryvichy: pa matjeryjalah raskopak kurganow w pawnochnaj Belarusi [Krivichs: on materials of excavation of barrows in northern Belarus], Minsk: Navuka i tjehnika, 1992, 191 s. [In Belarusian].

Shtyhov G.V. Formirovanie Polockih Krivichej [Formation of Polotsk Krivichs], Is baltu kulturos istorijos, Vilnius, 2000, S. 209-218 [in Russian].

Shheglova O.A. Volny rasprostranenija veshhej iz Podunav'ja na severo-vostok v VI-VIII vv. kak otrazhenie migracij ili kul'turnyh vlijanij [Waves of distribution of things from Podunavya on the northeast in the VI-VIII centuries as reflection of migrations or cultural influences], Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha, T. 49, SPb.: Izdatel'stvo Gos. Jermitazha, 2009, S. 39-65 [in Russian].

* * *

УДК 929.5

ЧТО ТАКОЕ МОЛЕКУЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ

А.А. Клёсов
Академия ДНК-генеалогии
(Бостон, США)
e-mail: aklyosov@comcast.net

Авторское резюме

В статье речь идет о новой науке, которая только создается, основы которой были заложены в последние годы, и происходит прогрессивное накопление экспериментального материала. Имя этой науки — ДНК-генеалогия. В области ДНК-генеалогии уже есть наработки, которые надо сопоставить с данными истории, археологии, лингвистики, антропологии. В данной статье приведен пример, относящийся к аланам и их предполагавшейся роли в происхождении осетин и карачаево-балкарцев. ДНК-генеалогия показала, что донские аланы, во всяком случае, из одного описанного некрополя, имеют европейское, а не центрально-азиатское происхождение. Автор уверен в том, что между молекулярной историей и традиционными историческими науками будет союз, а не конфликт.

Ключевые слова: ДНК-генеалогия, аланы, осетины, карачаево-балкарцы

WHAT IS THE MOLECULAR HISTORY

A.A. Klyosov
The Academy of DNA Genealogy
(Boston, USA)
e-mail: aklyosov@comcast.net

Abstract

The article aims at a new field of science, a foundation of which has been laid in the last several years, and a progressive accumulation of new experimental data is continuing exponentially. A name of this science is DNA genealogy. It has already obtained many new results which need to be compared with those in history, archeology, linguistics, anthropology. A particular example, which is considered in this paper, deals with the Alans and their assumed role in the origin and history of the Ossetians and Karachaevo Balkars. DNA genealogy showed that Don Alans, which for a long time were considered to be forbearers of said peoples, are too distant from them according to their DNA features (that is a pattern of mutations in Y chromosome), at least the Don Alans from one particular burial. It was shown that those Don Alans have a certain and rather recent European ancestry, and did not migrate from Central Asia. The author is certain that there

will be a close union between molecular history and traditional historical sciences, which will become even stronger along with progress in DNA genealogy studies.

Keywords: DNA genealogy, Alans, Ossetians, Karachaevo Balkars

В этой статье, вводной по данной тематике, речь пойдет о новой науке, которая только создается, основы которой были заложены в последние годы, причем стремительно (Klyosov 2008; Klyosov 2009a; 2009b; 2009c; Клёсов 2011; Rozhanskii, Klyosov 2011; 2012; Klyosov 2012; Klyosov, Rozhanskii 2012a; 2012b; Klyosov et al. 2012; Klyosov, Tomezzoli 2013; Клёсов 2013a; Клёсов 2013b; Klyosov, Mironova 2013; Elhaik et al. 2014; Klyosov 2014), и происходит прогрессивное накопление экспериментального материала. Новый материал поступает потоком, ежедневно в базы данных уходят десятки и сотни новых «экспериментальных точек», которые по принципу обратной связи корректируют методологию новой науки, что приводит к уточнению методов расчета.

Имя этой науки — ДНК-генеалогия. Ее экспериментальные данные — это картина мутаций в нерекомбинантных (то есть не комбинирующихся с другими в ходе передачи наследственной информации потомкам) участках мужской половой хромосомы (на самом деле — и в митохондриальной ДНК, но в этой статье речь пойдет о Y-хромосоме, более информативной для исторических исследований), причем картина мутаций как в Y-хромосомах отдельных людей, так и их групп, популяций. Методология новой науки — перевод динамической картины мутаций в хронологические показатели, во времена жизни общих предков популяций, а на самом деле — общих предков древних родов и племен. То есть фактически производится расчет времен, когда в древности жили эти рода и племена, и как эти времена меняются от территории к территории (Klyosov 2009a; 2009b; 2009c; Klyosov 2011; Rozhanskii, Klyosov 2011; Klyosov 2012).

Введем некоторые важные понятия и определения. Ниже они будут пояснены более детально, но важно их сразу обозначить. Во-первых, понятие «ДНК-генеалогия». Это – не генетика, в чем часто путаются даже професионалы в науке. Генетика человека – это наука, изучающая наследственность и изменчивость признаков, определяющих врожденные особенности человека, и передаваемых, как правило, через гены. Но ДНК только на 2% состоит из генов, а в Y-хромосоме генов вообще ничтожная доля. Однако дело даже не столько в этом.

Направления и области науки определяются не объектами исследования, а методологией исследования. Именно методология исследования отличает, например, химию от физики, хотя объекты часто одинаковы. Методология генетики совершенно другая, чем методология ДНК-генеалогии. У них разные задачи исследований. ДНК-генеалогия по сути историческая наука, она оперирует хронологией, датировками древних событий, и для этого ДНК-генеалогия использует свой расчетный аппарат, которого нет в методологии генетики. ДНК-генеалогия использует и развивает методы физико-химической кинетики в

применении к ДНК, переводит картину мутаций в хронологические, исторические показатели, как указывалось выше. Это вообще не входит в методологию генетики, у нее другой экспериментальный и аппаратурный базис.

Ошибка – полагать, что направление науки определяется объектом исследования. Изучать ДНК – это далеко не обязательно генетика. Например, химик, растворяя ДНК в кислоте и изучая, скажем, вязкость получаемого раствора, вовсе не занимается генетикой. Альберт Сент-Дьорди как-то сказал – «Дайте химику динамомашину, и он тут же растворит ее в соляной кислоте». Это вовсе не означает, что химик при этом будет заниматься электродинамикой.

Некоторые, не слишком знакомые с предметом, полагают, что ДНК-генеалогия – это популяционная генетика. Это – совершенно не так. Во-первых, популяционная генетика есть часть генетики, о чем говорит ее название, но со своими особенностями. Главная задача популяционной генетики – это выявление связи между генотипом и фенотипом, то, к чему ДНК-генеалогия не имеет отношения. Популяционная генетика зачастую тоже рассматривает гаплогруппы и гаплотипы Y-хромосомы, как и ДНК-генеалогия, но на этом сходство заканчивается. Аппарат популяционной генетики, применяемый для интерпретации получаемых данных, например, «метод главных компонент», характеризуется со стороны ДНК-генеалогии как совершенно примитивный и ведущий к заблуждениям, и не используется в ДНК-генеалогии. Он не отвечает задачам ДНК-генеалогии. Это же относится и к искаженным и примитивным методам обработки картин мутаций в ДНК в рамках популяционной генетики.

Если популяционный генетик увидит (или получит) набор из сотни гаплотипов, скажем, 37-маркерных, в котором, например, четыре гаплотипа одинаковых, и еще семь будут совпадать друг с другом случайными парами, он сообщит, что в наборе имеется «89 уникальных гаплотипов», и это и будет результатом его исследования, который пойдет в статью в научный журнал. Ни он, ни рецензенты не хотят признать, это эта «информация» не имеет ни малейшей ценности, и фактически никому в таком виде не нужна. Но таковы принципы и правила популяционной генетики. «Молекулярной историей» это назвать никак нельзя. А специалист в ДНК-генеалогии сразу скажет, что общий предок этих ста гаплотипов жил 925±105 лет назад, потому что натуральный логарифм отношения 100/4, поделенный на константу скорости мутации для 37-маркерных гаплотипов (0.09 мутаций на гаплотип на условное поколение в 25 лет) равен 36 → 37 условных поколений (стрелка здесь – поправка на возвратные мутации), то есть общий предок этой сотни гаплотипов жил примерно 925 лет назад.

Сказать это с большей определенностью можно тогда, когда подсчитано число мутаций во всех ста гаплотипах, и оно будет равно 324, и тогда 324/100/0.09 = 36 → 37 условных поколений, то есть ровно тот же промежуток времени до общего предка. Погрешность расчетов определяется по известным правилам (Klyosov 2009a). Совпадение времен до общего предка для «логарифмического» и «линейного»

метода (в первом мутации не считаются, во втором считаются) свидетельствует, что закономерности образования мутаций в гаплотипах следуют кинетике первого порядка, что в свою очередь означает, что все сто гаплотипов действительно произошли от одного прямого общего предка. Популяционная генетика такими подходами не пользуется, они ей чужды по ряду причин, среди них – приверженность устаревшим подходам, отсутствие соответствующего образования, клановость, отсутствие хорошей научной школы. Короче, ДНК-генеалогия является другой дисциплиной, нежели популяционная генетика.

Во-вторых, понятие «молекулярная история». Суть его в том, что становится возможным следить за передвижениями древних народов не с помощью лопаты и кисточки археолога, не обмеряя черепа, не хитроумно расплетая созвучия и значения слов в живых и мертвых языках, не изучая древние фолианты в библиотеках и монастырях, а просто прослеживая за метками в Y-хромосомах в наших ДНК. Они, эти метки, не могут «ассимилироваться», или «поглотиться» другими языками, культурами, или народами, как это происходит тысячелетиями в рамках понятий истории, лингвистики, антропологии. Иначе говоря, методология новой исторической науки основывается на изучении молекул нуклеиновых кислот, а именно ДНК, дезоксирибонуклеиновой кислоты. То, что еще несколько лет назад казалось каким-то развлечением, оказалось, дает истории, антропологии, археологии, лингвистике возможность проверить концепцию, рассмотреть данные под принципиально другим углом, связать воедино, казалось бы, разрозненные части общей картины наших знаний об окружающем мире.

Разумеется, не следует понимать буквально слова выше, как то, что отныне не нужно читать фолианты, изучать языки, и не проводить археологических раскопок. Напротив, это все приобретает еще большую значимость и ценность, поскольку усиливает выводы традиционных подходов в совокупности с выводами ДНК-генеалогии, при условии взаимного их согласования. Или, напротив, заставляет пересматривать, казалось бы, устоявшиеся выводы, если они входят в явное противоречие с данными ДНК-генеалогии.

Чтобы не говорить общими словами, приведем конкретный пример. На этом и последующих примерах будем иллюстрировать основные понятия и положения ДНК-генеалогии, или новой «молекулярной истории». Уже много десятилетий не смолкает дискуссия об аланах, и о том, кто же их современные потомки. Основные претенденты на потомков аланов – осетины и карачаево-балкарцы. Дискуссия давно ходит по кругу, оппоненты не могут убедить друг друга, поскольку приводимые антропологические, одонтологические, лингвистические данные более чем спорны, терминология весьма условна, и, как часто принято, оппоненты предпочитают одни данные, и фактически игнорируют другие. Альтернативные варианты практически не рассматриваются, поскольку так или иначе это «уступка оппонентам», цитирование источников избирательное. В общем, картина знакома любому, кто профессионально работает в науке. При этом все стороны согласны, что

средневековые северокавказские аланы появились на исторической арене в 1-4 вв. н.э., что они были исходно степняками, и пришли в южнорусские степи из Центральной Азии (как варианты – скифы, сарматы и массагеты, то есть тохаро-усуне-кангюйские племена Приаралья). После начального периода донской Алании в первые века н.э. часть алан ушла на Кавказ и вместе с местными кавказскими племенами образовали Аланию между Кубанью и Тереком. В середине 8-го века северокавказские аланы переселились в бассейн Среднего Дона, возможно, под давлением (военным или политическим) хазар, образовав (или войдя в) салтово-маяцкую культуру. После разгрома их «татаро-монголами» (это – собирательный образ тюркского нашествия со стороны Центральной Азии) они опять ушли в горы Кавказа и там, видимо, ассимилировались местными племенами, которые и могли постепенно трансформироваться в современных карачаево-балкарцев и/или осетин. Это – почти консенсусные представления.

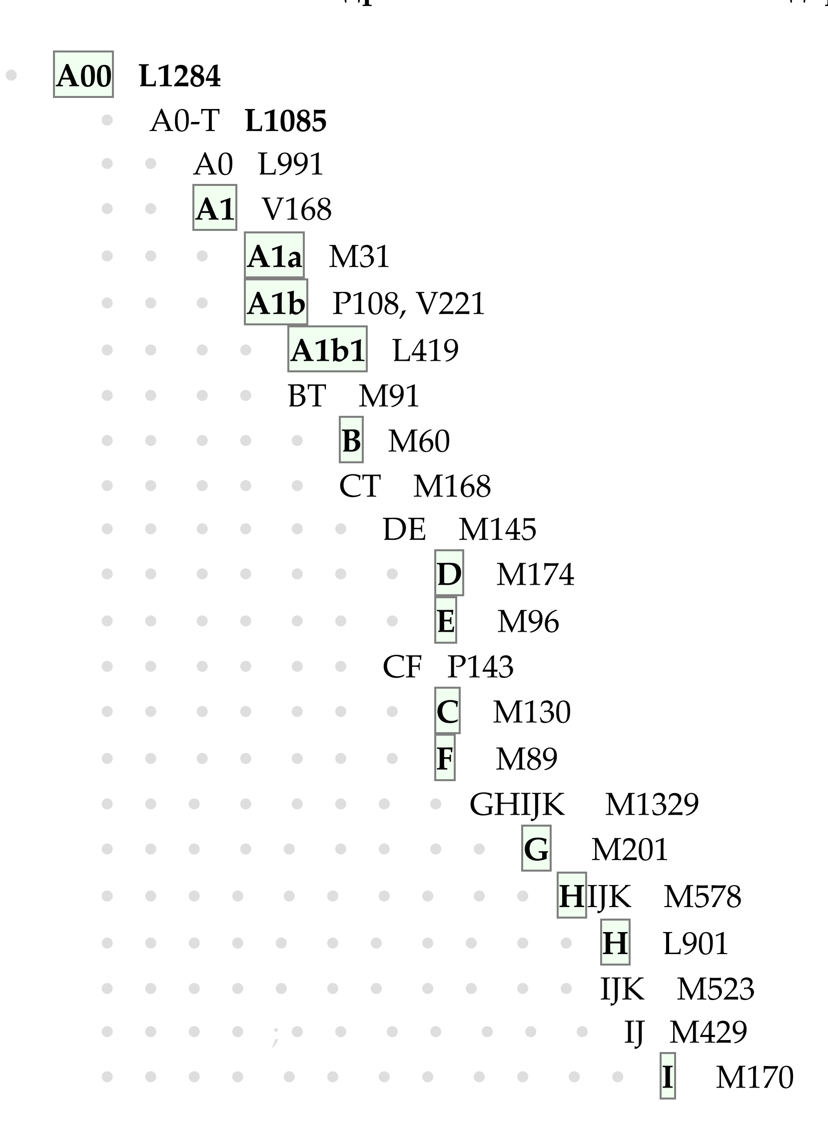
Поскольку карачаевцы говорят на тюркских языках (половецко-кипчакская подгруппа), а осетины – на индоевропейских (восточная подгруппа иранской группы индоиранской ветви), то вопрос о языке алан тоже остается дискуссионным, и общей дискуссии практически не помогает.

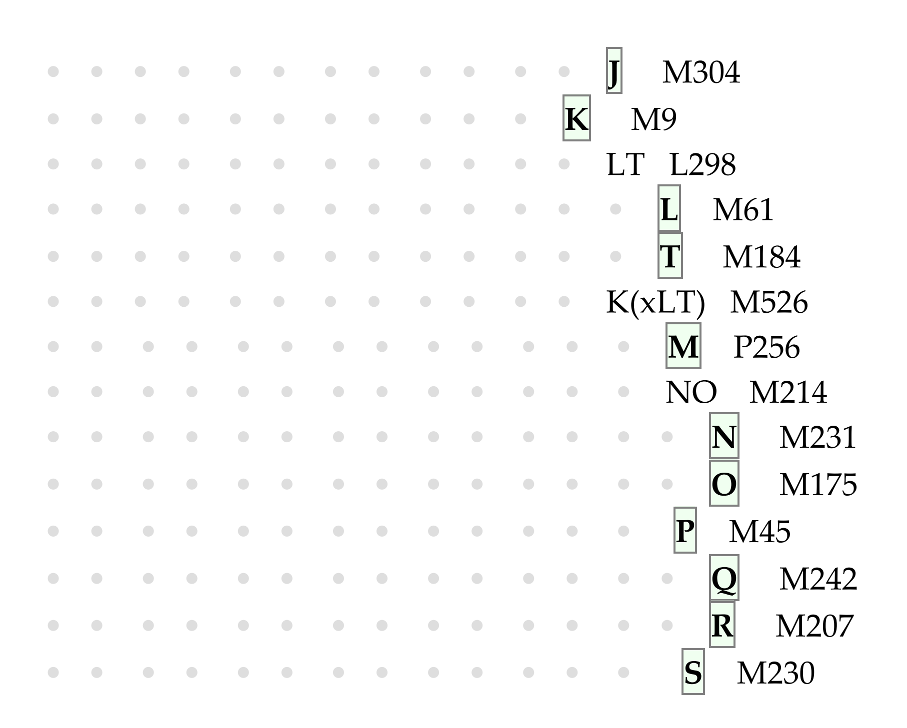
Рассмотрим, какую роль в этом вопросе может сыграть ДНК-генеалогия. В качестве исходного (или дополнительного) материала, который более традиционные науки предоставить не могли, рассмотрим родовой состав карачаево-балкарцев и осетин. Род в понятиях ДНК-генеалогии – это гаплогруппа, которая, в свою очередь, расходится на субклады, которые можно поставить в соответствие племенам, кланам, подгруппам и так далее, причем в основе каждого родового подразделения был общий предок, патриарх рода, племени, клана, и мутации в его ДНК (в Y-хромосоме, то есть в мужской половой хромосоме) несут все его прямые потомки по мужской линии. Речь здесь идет о необратимых мутациях в Y-хромосоме, называемых «снипами» (калька с англоязычного сокращения SNP, то есть Single Nucleotide Polymorphism). Y-хромосома – единственная из хромосом (в мужском организме), которая практически полностью копируется в ДНК потомков (именно поэтому выше был использован термин «нерекомбинантная»). Как результат, потомки несут в своих ДНК сотни тысяч и миллионы необратимых мутаций от всех прямых предков, включая общего предка с шимпанзе примерно 5.5 миллионов лет назад, включая – намного позже – патриарха своей гаплогруппы, то есть главного рода, и далее, переходя к нашему времени, вплоть до мутаций, унаследованных с Y-хромосомой своего биологического отца.

Всего насчитывают 20 принципиальных гаплогрупп, то есть основных родов человечества, от A до T, хотя к ним в последние годы добавились еще две гаплогруппы (африканские A0 и A00), а также были идентифицированы промежуточные, сводные гаплогруппы, такие, как CT, DE, GHIJK и другие (см. диаграмму ниже), так что минимальный состав генеалогического дерева мужской половины человечества включает уже 37 основных гаплогрупп, то есть главных

уровней Y-хромосомного генеалогической структуры. С основными подгруппами это составляет уже много сотен. Если же считать все уровни генеалогического дерева (уровень в этом случае – это субклад), то гаплогруппа R1a, основная гаплогруппа (род) этнических русских, уже насчитывает 43 субклада, гаплогруппа R1b – 177 субкладов, и это при том, что на диаграмме ниже они обе входят в сводную гаплогруппу R, которой примерно 30 тысяч лет со времени образования. Образовалась она при появлении необратимой мутации в виде спонтанного превращения одного нуклеотида в другой в ДНК (Y-хромосоме) патриарха, или его выжившего потомка, в свою очередь потомки которого дожили до настоящего времени в количестве нескольких миллиардов человек. Если точнее, то у него, патриарха гаплогруппы R, по сравнению с ДНК его отца (относящегося к гаплогруппе P) произошло спонтанное превращение аденина в гуанин, и это произошло в участке Y-хромосомы под номером 15 миллионов 581 тысяч 983. Всего же в Y-хромосоме мужчин насчитывается примерно 58 миллионов нуклеотидов.

Ствол древнего генеалогического дерева человека

Теперь мы можем вернуться к карачаево-балкарцам, осетинам и аланам, и узнать, кто от кого произошел, и когда жили их патриархи, пусть не самые первые в их гаплогруппе, но те их древние потомки, от которых перечисленные группы произошли по прямой генеалогической линии.

Оказалось, что основные гаплогруппы-рода осетин следующие:

G2a 70%

J2a 14%

R1b 7%

Прочие 9% (единичные примеры гаплогрупп C, E1b, I2c, J1, L1b, Q1a, R1a, T1a).

Здесь надо указать, что происхождение всех основных трех родов-гаплогрупп разное. G2a в принципе могли придти из Европы (как потом будет показано, это не так), потому что скелетные останки носителей этой гаплогруппы (G2a-P15) десятками находят в захоронениях Западной и Центральной Европы – Испании, Франции, Германии с датировками 7000-5000 лет назад. J2a пришли из Месопотамии, начиная с 7000 лет назад, когда начались активные (в первую очередь, урукские) миграции на север. R1b прибывали из Центральной Азии, первые волны миграции на Кавказ и далее на Ближний Восток были примерно 7000-6000 лет назад (основной субклад R1b-L23); затем, в относительно недавнее время, уже в нашей эре, были прибытия тюркоязычных племен из Центральной Азии, часть которых несли субклад R1b-M73. С ними увлекались и носители минорных (в настоящее время) гаплогрупп в Осетии, перечисленных выше, часть которых попадали на Кавказ и позже, вплоть до настоящего времени, разными путями.

Если посмотреть отдельно на данные по дигорцам и иронцам, то у первых 60% G2a, у вторых – 74% G2a (эти данные получены по «академическим» выборкам). Надо отметить, что приведенные данные воспроизводимы по разным выборкам, как

«академическим», так и «коммерческим», что, в частности, показывает величина 70% для гаплогруппы G2a у осетин из комерческой выборки международного Проекта FTDNA, без подразделения на дигорцев и иронцев. Ясно, что при увеличении количества тестируемых некоторые подвижки в долях гаплогрупп возможны, но они определенно не будут принципиальными.

Основные гаплогруппы карачаево-балкарцев:

R1a 32%
G2a 29%
J2a 13%
R1b 8%
I2 7%
Q 5%

Прочие 6% (единичные примеры гаплогрупп E1b, J1, T1a).

Мы уже видим, что родовой состав осетин и карачаево-балкарцев принципиально различается, и если аланы и были в предках тех и других, то были только частично и в разной степени, хотя у осетин их потомками могли бы быть до трех четвертей от всего мужского населения (ниже будет показано, что это не так). Здесь надо указать, что R1a у карачаево-балкарцев имеет дочернее арийское, то есть скифское происхождение, на что указывает их основной субклад R1a-Z93-L342.2-Z2123. Их братья, относящиеся к субкладу R1a-Z93-L342.2-L657 ушли в Индию в середине II тыс. до н.э.; их предки, относящиеся к субкладу R1a-Z93-L342.2-Z2124, ушли позже в историческую Бактрию (и пуштуны, имеющие этот субклад, Z2124, живут там сейчас, это их основной субклад, который имеют половина всех пуштунов Афганистана и Пакистана); наконец, кавказские носители субклада Z2123, дочернего от Z2124, и составляют треть карачаево-балкарцев, но у осетин их практически нет.

Если у алан была преимущественно гаплогруппа R1a, то их потомки – треть карачаево-балкарцев, на осетин же алан не остается, у осетин гаплогруппы R1a всего 0.85%, поскольку при массовом тестировании обнаружились только единицы носителей этой гаплогруппы. Если же у алан была гаплогруппа G2a, то они могли быть предками трети карачаевцев-балкарцев или до трех четвертей осетин. Здесь не случайно поставлено «или», потому что вопрос, увы, стоит так – или карачаевцы, или осетины. И вот почему – об этом говорит следующий вывод, полученный при изучении гаплотипов карачаево-балкарцев и осетин: общий предок гаплогруппы G2a1 у карачаево-балкарцев и осетин жил очень давно, примерно 4675 лет назад. Поэтому он не мог быть аланом, просто по определению. Об этом более подробно ниже.

Мы впервые в данной статье упомянули понятие «гаплотип». Гаплотип – это серия чисел (аллелей), отражающая совокупность повторов в локусах, или маркерах Y-хромосомы. В Y-хромосоме человека есть повторяющиеся участки нуклеотидов, например, четверка нуклеотидов AGAT, то есть аденин-гуанин-аденин-тимин

GTGGTCTTCTACTTGTGTCAATAC/AGAT/AGAT/AGAT/AGAT/AGAT/AGAT/AGAT/
AGAT/AGAT/AGAT/AGAT/AGAT/AGAT/ AGAT/
ATGTATGTCTTTTCTATGAGACATA C CTCATTTTTTGGACTTGAGTTC

и эти повторы обрамляются уже неупорядоченными последовательностями нуклеотидов в ДНК, как показано выше. В данном случае эта четверка повторяется 14 раз. Этот маркер, в котором повторяется AGAT, называется DYS393. Он по определенным стандартам записывается первым. Вторым записывается число повторов в маркере DYS390, и там повторяется уже другая четверка, TCTG, то есть тимин-цитозин-тимин-гуанин, которая переходит в четверку TCTA, то есть тимин-цитозин-тимин-аденин, и число повторов складывается:

TATATTTTACACATTTTTGGGCCCTGCATTTTGGTACCCCATAATATATTCTATCTA/
TCTG/TCTG/TCTG/TCTG/TCTG/TCTG/TCTG/TCTG/TCTA/TCTA/TCTA/TCTA/TCTA/
TCTA/TCTA/TCTA/TCTA/TCTA/TCTA/TCTA/TCTG/TCTA/TCATCTATCTATCTTTCCT
TGTTTCTGAGTATACACATTGCAATGTTTTCATTTTACTGTCAC

В данном случае четверка повторяется 22 раза.

Перечисленные и многие другие варианты четверок нуклеотидов — это язык ДНК, который состоит из этих четырех слов, или четырех букв, при сокращенной записи (A, G, C, T). Эти нуклеотиды комбинируются парами, их так и называют — «пары оснований». Они фактически держат двойную спираль ДНК. Таким образом, гаплотип — это, по сути, цепочка чисел, показывающих число повторов в определенных маркерах. Маркеры можно выбирать любые из многих сотен или даже тысяч. Но есть определенные стандарты, которые регламентируют (впрочем, довольно условно) порядок маркеров при записи и число маркеров в гаплотипе. Вот так выглядит записанный по этим стандартам предковый (его в ДНК-генеалогии называют базовым) гаплотип карачаево-балкарцев субклада G2a1-L293 (это у них доминирующий субклад) в 67-маркерном формате:

14 **22** 15 **10** 15 **16** 11 12 11 **12** 10 29 – 17 9 9 **11** 11 25 16 21 **29** 13 13 14 14 – **10** **10** **20** 21 15 15 **15** 18 **36** 38 **11** **10** – 11 8 15 16 8 11 10 8 12 10 12 21 22 14 10 12 12 15 8 13 21 22 **16** 13 11 13 10 11 11 13 (карачаево-балкарцы, G2a1)

Он значительно отличается от базового гаплотипа осетин в том же субкладе (изменения выделены в обоих гаплотипах), между ними – 14 мутаций:

14 **23** 15 **9** 15 **17** 11 12 11 **11** 10 28 – 17 9 9 **12** 11 25 16 21 **28** 13 13 14 14 – **11** **11** **19** 21 15 15 **16** 18 **37** 38 **12** **9** – 11 8 15 16 8 11 10 8 12 10 12 21 22 14 10 12 12 15 8 13 21 22 **15** 13 11 13 10 11 11 13 (осетины, G2a1)

14 мутаций – это очень много. Это означает, что за время, прошедшее от общего предка карачаевцев и осетин, а общий предок непременно был, потому что субклад у них один и тот же, а субклад – это фактически племя, с патриархом, от которого племя пошло – за это время между двумя ДНК-линиями прошло несколько тысяч лет, больше ста поколений. А аланы жили в нашей эре, несколько десятков поколений назад. От алан эти ДНК-линии так далеко не разошлись бы.

У человека, неискушенного в ДНК-генеалогии, тут же возникает вопрос – откуда узнали, что эти два гаплотипа – именно предковые гаплотипы карачаево-балкарцев и осетин данной гаплогруппы? Ответ простой – на это есть уже отработанная система знаний. Мутации в гаплотипах потомков расходятся от предкового гаплотипа как круги по воде, число мутаций легко рассчитывается, и они подчиняются довольно простым количественным закономерностям. Для кругов на воде, расходящихся от места, куда был брошен камень, легко рассчитать, когда был брошен камень, если знать скорость распространения волны и место нахождения круговой волны в данный момент времени. Чем больше прошло времени – тем дальше круги ушли, тем больше они разошлись. Так и в гаплотипах – чем больше время, прошедшее от общего предка, тем больше мутаций накопилось в гаплотипах его потомков. Число этих мутаций связано со временем, прошедшим от общего предка, с числом гаплотипов в серии и с константой скорости мутации в гаплотипах, и выражается простой формулой: $n/N = kt$, где n – число мутаций в серии из N гаплотипов, k – константа скорости мутации (в числе мутаций на гаплотип за условное поколение, равное 25 лет), t – число условных поколений, с табличной поправкой на возвратные мутации (Klyosov 2009a). На сотнях и тысячах примеров показано, что эта формула работает при любом числе гаплотипов и мутаций в них, и при любом времени, прошедшем от общего предка рассматриваемых гаплотипов. Однако при очень больших временах, более 10-20 тысяч лет, и особенно более 100 тысяч лет, нужно использовать гаплотипы с «медленными» маркерами, то есть с малыми константами скоростей мутаций, и тем самым снижать число мутаций и число возвратных мутаций. По аналогии, вряд ли целесообразно изучать скорости радиоактивного распада элементов со временами полураспада в тысячелетия, используя секундомер. Или пытаться изучать круги на воде за километры от места, куда был брошен камень, для этого нужно значительно более мощное воздействие. Как всегда, нужен конкретный анализ в конкретной ситуации, единых подходов на все случае жизни не бывает. Варианты конкретного анализа в конкретных ситуациях и рассматривает ДНК-генеалогия. Некоторые ситуации и расчеты мы расмотрим.

Как мы видим, мутации в ДНК-генеалогии – это не только единичные необратимые мутации-снипы, описанные выше, которые определяют гаплогруппы и субклады, но и обратимые мутации, меняющие числа повторов, или аллели, в гаплотипах. В русскоязычной литературе их называют просто «мутации», с пониманием, что это не те мутации (в генах), которые обычно возникают под действием радиации. Переход числа повторов в маркере Y-хромосомы от 22 к 23

(или наоборот, см. выше) имеет совершенно иную природу, чем «поломка» гена. Такой переход является следствием спонтанной ошибки ДНК-копирующей «биологической машины», это «процесс первого порядка» с точки зрения физико-химической кинетики, он не зависит от внешних воздействий. У предка карачаево-балкарцев в данной гаплогруппе второе число указывает на 22 повтора четверки TCTG/TCTA, у предка осетин – 23 повтора в том же маркере. Это – характерные метки в их Y-хромосомах. С тех пор, со времен общего предка, большинство карачаево-балкарцев продолжает иметь в этом маркере 22, большинство осетин – 23. В итоге – 14 расхождений между их предковыми гаплотипами к нашему времени, и в будущем расхождения будут продолжаться.

Если взять, например, по сотне 67-маркерных гаплотипов современных карачаево-балкарцев и осетин субклада G2a-L293, то у первых на всю сотню приходится 1884 мутации, у вторых – всего 624 мутации от показанных базовых гаплотипов. Уже ясно, что вторая популяция, осетины, моложе, разошлись от патриарха на меньшее число мутаций. Расчеты показывают, что общий предок карачаево-балкарцев жил 1884/100/0.12 = 157 → 186 условных поколений (по 25 лет каждое) назад, то есть 4650±750 лет назад; здесь 0.12 – константа скорости мутации в 67-маркерных гаплотипах, как описано выше. Общий предок осетин жил 624/100/0.12 = 52 → 55 условных поколений, то есть 1375±210 лет назад. Если бы осетины и карачаевцы произошли от одного общего предка, то есть их предков разделяли бы примерно (4650 – 1375) = 3275 лет, то это было бы эквивалентно x мутациям между их предковыми гаплотипами, где x/0.12 = 3275 лет, то есть 131 условных поколений без поправки на возвратные мутации, или 115 поколений (получаемых из таблицы, опубликованной в работе [Klyosov, 2009a]). Получаем x/0.12 = 115, и x = 13.8 мутаций, вычисленных теоретически. На самом деле, наблюдается 14 мутаций, то есть теория подтверждается практикой. Эти 14 мутаций мы и наблюдаем между предковыми (базовыми) гаплотипами карачаево-балкарцев и осетин.

Можно считать и по-другому. 14 мутаций между базовыми гаплотипами карачаево-балкарцев и осетин гаплогруппы G2a1 разводят их общих предков на 14/0.12 = 117 → 133 условных поколения (по 25 лет каждое), то есть примерно на 3325 лет. Поскольку независимые расчеты по числу мутаций во всей совокупности гаплотипов показывают, что общий предок современных карачаево-балкарцев гаплогруппы G2a1 жил 4650±750 лет назад, а осетин той же гаплогруппы – 1375±210 лет назад, примерно в 7 веке нашей эры, плюс-минус пара веков, то это помещает общего предка карачаево-балкарцев и осетин в данном субкладе-гаплогруппе примерно на (4650+1375+3325)/2 = 4675 лет назад, что и был общий предок карачаево-балкарских гаплотипов в пределах погрешности расчетов. Отклонение в 25 лет – это 0.5%.

Итак, и карачаево-балкарцы, и осетины произошли от общего предка, который жил примерно 4650 лет назад. Это вряд ли аланы, их тогда еще не было. Но

это не может быть названо решением вопроса, от кого произошли карачаевцы и осетины, хотя решение в целом приближает. Можно вполне придумать схему, по которой от общего предка 4650 лет назад произошли карачаевцы и будущие аланы, и вторые породили осетин примерно 1375 лет назад, во вполне аланские времена. Тогда получалось бы, что карачаево-балкарцы повели свой род из далекой древности, не от алан, а осетины – недавно, примерно в VII веке н.э. (плюс-минус пара веков), от алан. Казалось бы, логично, но нехватает одного важного звена – гаплотипов самих алан, чтобы проверить эту гипотезу.

В принципе, если у (ископаемых) алан окажется гаплогруппа G2a, то это серьезно добавит вероятности (хотя добавит – это не значит, что решит прблему) происхождения большинства осетин именно от алан, поскольку основная линия осетин началась в аланские времена, примерно в VII веке нашей эры, плюс-минус пара веков. Для карачаево-балкарцев гаплогруппы G2a с их общим предком более четырех тысяч лет назад аланство в виде предков маловероятно, мягко говоря. Но если аланы окажутся R1a, то вероятность их быть предками для трети карачаевцев значительно возрастает. Для осетин тогда шансов для такого близкого родства с аланами не остается. Это – шаг к решению поставленной зачачи, но еще не её решение.

Для последующего шага привлечем два подхода: рассмотрим ископаемые европейские гаплотипы гаплогруппы G2a, и ископаемые гаплотипы донских алан. Первые были опубликованы четыре года назад (Lacan et al., 2011a, 2011b), вторые были любезно предоставлены В.В. Ильинским, научным директором ООО «Генотек» (Москва), и предварительное сообщение о работе недавно появилось в сборнике (Афанасьев и др. 2014).

Итак, в Европе, на юге Франции, нашли костные останки с гаплогруппой G2a-P15 (это – родительский субклад гаплогруппы G2a) и гаплотипом

14 23 15 10 13 15 11 12 11 18 – 18 16 20 11 14 10 21
(ископаемые G2a-P15, Франция, 5000 лет назад)

Это был наиболее частый гаплотип из двадцати, найденных в одном некрополе с датировкой 5000 лет назад (Lacan et al. 2011a). Если сопоставить соответствующие аллели ископаемого гаплотипа G2a с приведенными выше базовыми гаплотипами G2a1 карачаевцев и осетин (переведя их в 17-маркерный формат для корректного сравнения)

14 **22** 15 10 **15** **16** 11 12 **10** **17** – **17** 16 **21** **10** **15** 10 21 (карачаевцы, G2a1-L293)
14 23 15 **9** **15** **17** 11 **11** **10** **17** – **17** 16 **21** 11 **15** **9** 21 (осетины, G2a1-L293)

то у них окажется 10-12 мутаций (отмечены) по сравнению с ископаемым гаплотипом.

Та же картина наблюдается и при сравнении и с ископаемым гаплотипом с северо-востока Испании, с датировкой 7000 лет назад (Lacan et al. 2011b). Из шести человек в захоронении пятеро оказались G2a. «Испанский» гаплотип гаплогруппы G2a также отличается на 10-12 мутаций от базовых гаплотипов карачаевцев и осетин.

13 23 15 10 14 14 11 12 11 17— 18 16 22 12 15 10 21
(ископаемые G2a-P15, Испания, 7000 лет назад).

Что дают в хронологическом отношении эти 10-12 мутаций в 17-маркерных гаплотипах? Они дают в среднем 11/0.034 = 324 → 472 условных поколений расхождения между общими предками современных карачаево-балкарцев и осетин гаплогруппы G2a1-L293, с одной стороны, и ископаемыми французским и испанским гаплотипами – с другой, то есть в среднем на 11800±1500 лет. Это – огромные величины. На самом же деле носители данных ископаемых гаплотипов жили 5000 и 7000 лет назад. Это показывает, что осетинские и карачаево-балкарские гаплотипы происходят не непосредственно от показанных ископаемых гаплотипов группы G2a-P15 во Франции и Испании, а от какого-то другого общего предка, от которого осетинские и карачаево-балкарские гаплотипы разошлись примерно 4650 лет назад, и этот их общий предок, в свою очередь, давно, многие тысячелетия назад, разошелся с (ископаемыми) европейскими гаплотипами. Как бы там ни было, ясно, что ископаемые европейские гаплотипы – не прямые предки осетинских и карачаево-балкарских гаплотипов.

Переходим к ископаемым гаплотипам донских алан. В их захоронении в катакомбных некрополях Дмитриевский и Верхнесалтовский-IV совсем недавно были обнаружены гаплотипы, которые генетиками определены как принадлежащие мужской гаплогруппе G2 (Афанасьев и др. 2014). При более детальном рассмотрении результатов исследования оказалось, что гаплогруппа G2 не определялась, она предположена на основании рассмотрения фрагментов гаплотипов. Предположение при проверке оказалось разумным, только там скорее не G2, а G2a (см. ниже).

Определение проводилось в 12 костных образцах, в шести тестирование не получилось. В шести образцах, в которых тестирование дало положительные данные, в каждом пытались определить по 23 маркера, то есть попытка тестирования проводилась по 23х6 = 138 аллелям. Из них аллели были фактически определены в 45 случаях, то есть в трети аллелей. Это в целом нормально, поскольку в ископаемых образцах ДНК заметно деградируется, и всегда определяются только часть аллелей. Удача была в том, что эти 45 аллелей были неупорядоченно разбросаны по всем шести образцам, и это дало возможность реконструировать 17-маркерный гаплотип «внахлест». Он оказался следующим:

14 22 15 10 14 15 11 12 11 18 – 18 16 20 11 14 10 21

(ископаемые аланы, ~ 1250 лет назад).

«Внахлест» здесь означает, что ни в одном образце такой гаплотип не был определен, но его удалось реконструировать по перекрывающимся фрагментам всех шести образцов. Похоже, что у всех шести этот гаплотип был одинаковым, то есть все шестеро были довольно близкими родственниками.

Итак, на кого похож этот реконструированный гаплотип алан – на современных карачаево-балкарцев или на современных осетин? Или на предковый (то есть базовый) гаплотип тех или других? Поскольку базовый гаплотип осетин датируется временем 1375±210 лет назад, то есть в аланские времена, то можно ожидать практически полного его совпадения с ископаемым гаплотипом алан, если те аланы – предки современных осетин. Базовый гаплотип осетин гаплогруппы G2a1-L293 – следующий, в таком же 17-маркерном формате:

14 **23** 15 **9** **15** **17** 11 **11** **10** **17** – **17** 16 **21** 11 **15** **9** 21 (осетины, G2a1-L293).

Увы, он совершенно не похож на ископаемый гаплотип донских алан, их разделяют 12 мутаций (выделены), что эквивалентно расхождению в 12/0.034 = 353 → 535 условных поколений, то есть в 13375 лет.

Сравним реконструированный гаплотип ископаемых алан с базовым гаплотипов карачаевцев:

14 22 15 10 **15** **16** 11 12 **10** **17** – **17** 16 **21** **10** **15** 10 21 (карачаевцы, G2a1-L293).

И он совершенно непохож на ископаемый гаплотип донских алан, их разделяют 8 мутаций, что эквивалентно 8/0.034 = 235 → 306 условных поколений, то есть 7650 лет.

Здесь даже нет смысла обсуждать, кто из них, карачаевцы или осетины, ближе к ископаемому гаплотипу, они оба далеко, поскольку их должны разделять с аланами всего 1000-1500 лет. Значит, первый вывод таков: основное мужское население как карачаевцев, так и осетин (доминирующей гаплогруппы G2a1-L293) к донским аланам практического отношения не имеют. Те – не их предки. И здесь не имеет значения, G2 у ископаемых алан, или G2a, или что еще. Они совершенно отличаются от гаплотипов осетин и карачаево-балкарцев.

Посмотрим на минорный субклад G2a2b2a-P303 у осетин и карачаево-балкарцев. Их базовые гаплотипы

14 **23** 15 10 **13** **14** 11 12 11 **17** – **16** 16 20 **12** **16** 10 21 (осетины G2a-P303)
14 22 15 10 14 15 **12** 12 11 **17** – **16** 16 **21** 11 **16** 10 21 (осетины G2a-P303 другая ветвь)
14 **23** 15 10 **13** **14** 11 12 11 **17** – **16** 16 20 11 **16** 10 21 (карачаево-балкарцы G2a-P303)

Опять ни один из них не может претендовать на родство с аланами (мутации выделены), для чего гаплотипы должны отличать всего одна-две мутации, потому что две мутации транслируются в 2/0.034 = 59 → 63 условных поколения, или 1575 лет разницы, примерно V век н.э. для предка; одна мутация – 29 → 30 поколений, или 750 лет разницы, XIII век для предка. Однако во всех трех случаях мы имеем не 1-2, а 9, 7 и 8 мутаций, соответственно, что разводит ископаемых алан, с одной стороны, и современных осетин и карачаево-балкарцев гаплогруппы G2a-P303, с другой, примерно на 9000, 6500 и 7700 лет, соответственно. Не могли они происходить от алан.

Очередной из имеющихся в нашем распоряжении вариантов – сравним ископаемый гаплотип алан с ископаемыми гаплотипами гаплогруппы G2a-P15 Франции и Испании с датировками 5000 и 7000 лет назад, соответственно:

14 **23** 15 10 **13** 15 11 12 11 18 – 18 16 20 11 14 10 21 (Франция, 5000 лет назад)
13 23 15 10 14 **14** 11 12 11 **17** – 18 16 **22 12 15** 10 21 (Испания, 7000 лет назад)
14 22 15 10 14 15 11 12 11 18 – 18 16 20 11 14 10 21 (ископаемые аланы, ~1250 л. н.)

Результат оказался неожиданным: в первом случае – всего две мутации разницы. Это даже меньше, чем ожидалось, исходя из археологических датировок. Но в любом случае ясно, что гаплотип ископаемых алан (~1250 лет назад) примерно такой же, как и ископаемый «французский» (5000 лет назад), и гаплогруппа одна – G2a. Во втором случае, «испанском», 8 мутаций разницы, то есть примерно 7650 лет между ними, на самом деле археологические датировки дают около 6000 лет разницы, то есть в первом случае некоторый недобор, во втором – перебор, но ясно, что при сравнении всего двух гаплотипов это все в пределах погрешности расчетов.

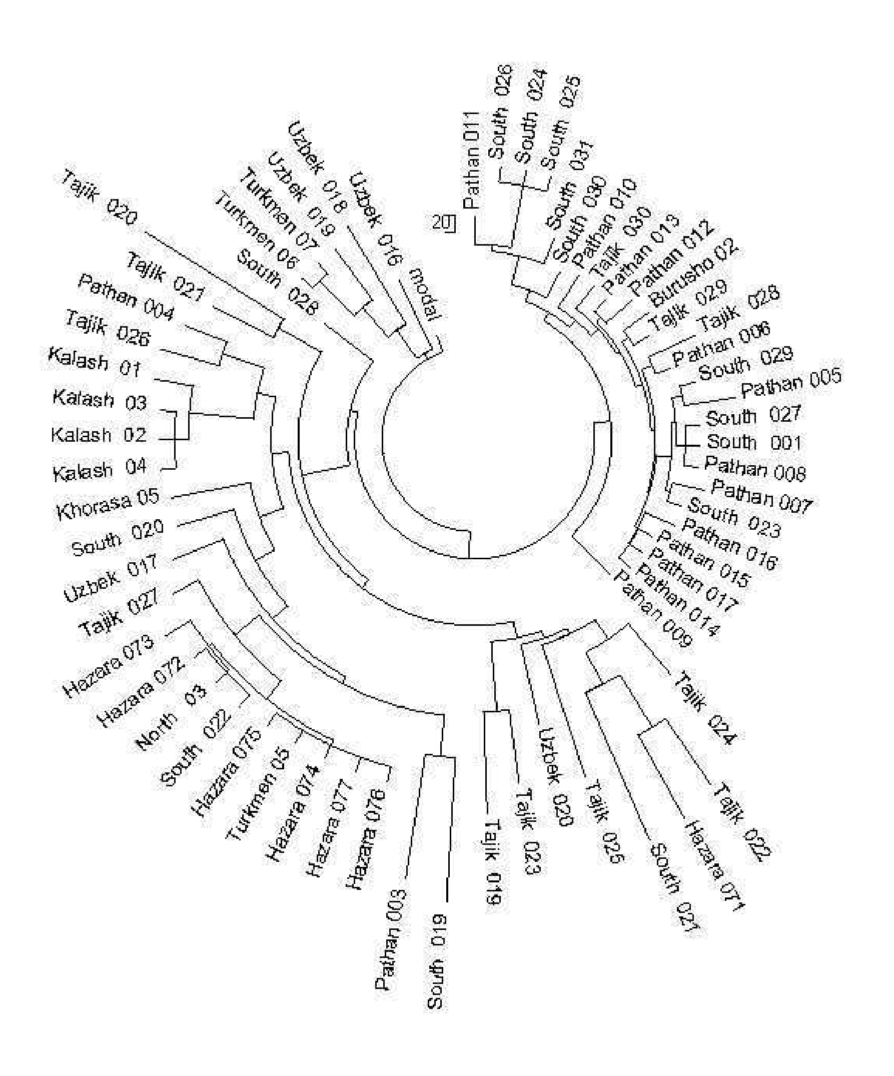
Итак, загадка многих десятилетий близка к решению. Ни осетины, ни карачаево-балкарцы гаплогруппы G2a1, основной у тех и других (треть у карачаево-балкарцев, вторая треть – гаплогруппа R1a), не являются потомками алан, во всяком случае, донских алан. Но ведь именно их, донских алан, историки направляют с Северного Кавказа на Дон, говоря, что на Кавказе они стали предками то ли осетин, то ли карачаево-балкарцев, то ли тех и других. Оказывается, что ни тех и ни других. У них обоих другое происхождение, во всяком случае, в гаплогруппе G2a. Гаплогруппы R1a у осетин практически нет. Значит, опять иное происхождение. Ни по одной основной гаплогруппе, то есть ни по G2a, ни по R1a, осетины и карачаево-балкарцы не пересекаются, во всяком случае, в аланские времена.

Продолжим наши поиски, и рассмотрим гаплотипы группы G в исторической Бактрии. На рис. 1 приведено так называемое дерево гаплотипов для 63 наших современников с территории исторической Бактрии (этнические отнесения по свидетельству самих тестируемых приведены на том же рисунке). Это дерево построено с помощью профессиональных программ PHYLIP (the *PHYL*ogeny *I*nference *P*ackage) и MEGA (Molecular Evolutionary Genetics Analysis), которые

распределяют гаплотипы в виде иерархического дерева по принципу максимально вероятного происхождения гаплотипов друг из друга.

Дерево гаплотипов гаплогруппы G в Бактрии выявляет две основные ветви – правая, исключительно субклада G2b1-M377, относительно недавняя (из 27 гаплотипов), и левая, древняя (из 36 гаплотипов), состоящая из серии субкладов, из которых 8 гаплотипов субклада G2a-P15, 18 гаплотипов субклада G2a-P303, 4 гаплотипов субклада G1-M285, остальные гаплотипы единичные. Базовые гаплотипы ветвей, соответственно, следующие:

13 23 16 11 13 16 11 13 11 17 – 19 16 21 11 16 10 24 (правая ветвь)
13 22 15 10 15 16 12 12 11 17 – 18 16 21 11 15 10 21 (левая ветвь, группа G2a)

Дерево из 63 гаплотипов гаплогруппы G2 Бактрии в 17-маркерном формате (гаплотипы собраны в базах данных и предоставлены И.Л. Рожанским). Возраст правой ветви (субклад G2b1-M377) 2400±360 лет. Общий возраст левой ветви 14400±3200 лет, ее группы гаплотипов субклада G2a-P15 10650±1600 лет.

В ветви справа на все 27 гаплотипов приходится 80 мутаций, что дает 80/27/0.034 = 87 → 96 условных поколений, или 2400±360 лет до общего предка. В левой ветви на 8 гаплотипов субклада G2a-P15 приходится 82 мутации, что дает 82/8/0.034 = 301 → 426 условных поколений, или 10650±1600 лет. Но ветвь справа нас в данном случае не интересует, у нее не тот субклад, который найден у карачаево-балкарцев, осетин и алан. Между гаплотипами ветви справа, с одной стороны, и кавказцев и донских аланов, с другой, 15-17 мутаций, то есть 19-23 тысячи лет. А вот ветвь слева похожа на то, что мы ищем. Сравним ее предковый гаплотип (субклада G2a) с предковыми гаплотипами карачаево-балкарцев и осетин, и отметим мутации:

14 22 15 10 15 16 **11** 12 **10** 17 – **17** 16 21 **10** 15 10 21 (карачаевцы, G2a1-L293)
14 **23** 15 **9** 15 **17** **11** **11** **10** 17 – **17** 16 21 11 15 **9** 21 (осетины, G2a1-L293)

От бактрийских G2a карачаевцев отличает пять мутаций, что эквивалентно примерно расстоянию в 4300 лет. Как мы помним, общий предок карачаево-балкарцев жил 4650±750 лет назад, что совпадает в пределах погрешности расчетов. Общий предок осетин той же гаплогруппы жил всего 1375±210 лет назад, то есть он более отдален от бактрийского общего предка. Действительно, там дистанция в 9 мутаций, что эквивалентно расстоянию примерно в 9000 лет от бактрийского общего предка. Расчеты дают, что общий предок осетин с бактрийцами гаплогруппы G2a жил (9000+1375+10650)/2 = 10500 лет назад, что практически сопадает с расчетами выше (10650 лет назад). Наконец, гаплотип донских алан

14 22 15 10 **14** **15** **11** 12 11 **18** – 18 16 **20** 11 **14** 10 21
(ископаемые аланы, ~1250 лет назад)

отличается от бактрийского базового гаплотипа той же гаплогруппы на 7 мутаций, что эквивалентно 7/0.034 = 206 → 258 условных поколений, или примерно 6450 лет. Это дает (6450+10650)/2 = 8550 лет от времени жизни ископаемых донских алан до бактрийских G2a, или (прибавив ~1250 лет до времени жизни ископаемых донских алан) около 10 тысяч лет от настоящего времени. Это тоже, в целом, находится в пределах погрешности расчетов.

Итак, мы получаем следующую картину древних миграций носителей гаплогруппы G2a, начиная с тех времен, когда примерно 10 тысяч лет назад носители этой гаплогруппы ушли в Европу, и их недавно обнаружили в древних некрополях Испании и Франции с датировками 7 и 5 тысяч лет назад, соответственно. Их гаплотипы, отнесенные исследователями к субкладу G2a-P15, приведены выше. В середине III тыс. до н.э., то есть примерно 4500 лет назад, в Европе произошли некие драматические изменения, в результате которых большинство гаплогрупп «старой Европы» исчезли, и их выжившие носители и их потомки переместились в периферийные регионы Европы (Британские острова, Скандинавия, Балканы), в

Малую Азию. В Европе осталась преимущественно гаплогруппа R1b, носители которой, эрбины, в те времена в виде культуры колоколовидных кубков активно заселяли Европу, начиная примерно с 4800 лет назад, то есть с начала III тыс. до н.э. По-видимому, в те времена группа потомков «французских» носителей этого субклада ушли на восток, и в итоге стали донскими аланами. Общий предок ископаемых донских алан жил примерно 2850 лет назад, то есть в начале I тыс. до н.э.

Как уже показано, гаплотип ископаемых донских алан всего на две мутации отличается от ископаемых «французских» гаплотипов с датировкой 5000 лет назад. К кавказским гаплотипам, в том числе к предкам современных осетин и карачаево-балкарцев, ископаемые донские аланы прямого отношения не имели, и если имели – то только через бактрийских носителей субклада G2a многие тысячелетия назад.

Тем временем, примерно 4500 лет назад, из древней Бактрии пошли две ДНК-линии субклада G2a, которые в итоге стали предковыми линиями современных карачаево-балкарцев и осетин. Они не происходят от ископаемых донских алан, и отделены от них на многие тысячелетия миграционного пути от древней Бактрии через Европу и обратно в донские степи. Неясно, побывали ли предки ископаемых донских аланов на Кавказе, и если к этому есть соображения, их имеет смысл внимательно рассмотреть, и, возможно, пересмотреть.

Недавно вышла статья про распределение гаплогрупп у современных пуштунов в Пакистане (Lee et all. 2014), в которой из 270 гаплотипов 38 (14% от всех) были гаплотипы гаплогруппы G. Дерево гаплотипов, построенное по этим данным, приведено на рис. 2. В использованном авторами 21-маркерном формате базовый гаплотип верхней ветви выглядит следующим образом:

13 23 16 11 13 16 12 11 13 11 17 – 20 24 16 21 28 12 16 10 17 24 (верхняя ветвь, рис.2)

что в переводе в более стандартный 17-маркерный гаплотип имет вид:

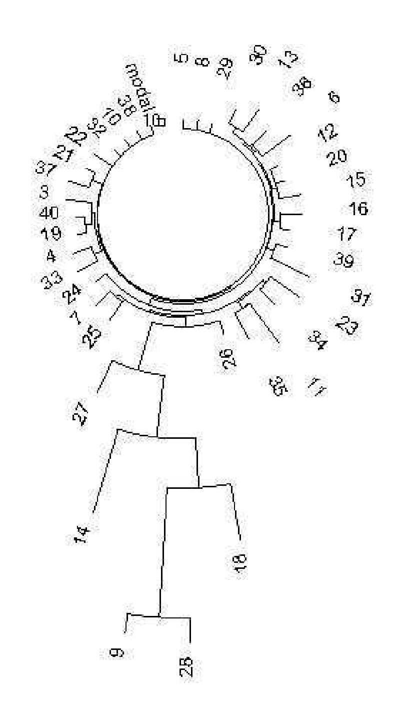
13 23 16 11 13 16 11 13 11 17 – 20 16 21 12 16 10 24 (пуштуны в Пакистане).

Этот пакистанский гаплотип пуштунов близок к базовому гаплотипу, который описывает правую ветвь бактрийских 17-маркерных гаплотипов группы G2b1-M377 возрастом 2400±360 лет:

13 23 16 11 13 16 11 13 11 17 – **19** 16 21 **11** 16 10 24 (правая ветвь, рис. 1)

Между ними всего две мутации (отмечены), что разводит времена жизни общих предков этих ветвей в Пакистане и в Бактрии на 2/0.034 = 59 → 63 условных поколений, то есть на 1575 лет. Надо принять во внимание, что на 33 гаплотипа верхней ветви на рис. 2 (в 21-маркерном формате) приходится 66 мутаций, что дает 66/33/0.0475 = 42 → 44 условных поколений, то есть общий предок этих 33 гаплотипов

жил 1100±175 лет назад. Поэтому общий предок этих двух ветвей, справа на рис. 1 и сверху на рис.2, жил (2400+1100+1575)/2 = 2540 лет назад. Это и есть общий предок бактрийских гаплотипов группы G2b1-M377, который жил 2400±360 лет назад. Его потомки через тысячу с лишним лет прибыли из Бактрии в Пакистан и со временем образовали пакистанских пуштунов. Но в любом случае эти гаплотипы на многие тысячелетия удалены от гаплотипов карачаево-балкарцев и осетин, и удалены не только по времени, но и по основному субкладу (который у последних преимущественно G2a1-L293).

Дерево из 38 гаплотипов (в 21-маркерном формате) гаплогруппы G среди пакистанских пуштунов. Возраст верхней ветви 1100±175 лет, нижней ветви - 9150±1500 лет. Построено по данным, приведенным в работе (Lee et al., 2014)

Поэтому обратимся к явно древней нижней ветви на рис. 2. В ней всего пять гаплотипов, с базовым

13 22 15 10 14 16 12 12 12 11 17 – 17 23 16 22 29 11 15 10 17 21,

что в переводе в более стандартный 17-маркерный гаплотип имет вид:

13 22 15 10 14 16 12 12 11 17 – 17 16 22 11 15 10 21 (нижняя ветвь на рис. 2)

Поскольку на все пять гаплотипов имеется 64 мутации (от показанного верхнего базового 21-маркерного гаплотипа), то их общий предок жил 64/5/0.0475 = 269 → 366 условных поколений, или 9150±1500 лет назад. Сравним три базовых

гаплотипа – карачаево-балкарский, древний бактрийский, и древний пуштунский из Пакистана:

14 22 15 10 15 16 11 12 10 17 – 17 16 21 10 15 10 21 (карачаевцы, G2a1-L293)
13 22 15 10 15 16 **12** 12 **11** 17 – **18** 16 21 **11** 15 10 21 (древняя, левая ветвь, рис. 1)
13 22 15 10 **14** 16 **12** 12 **11** 17 – 17 16 **22** **11** 15 10 21 (древняя, нижняя ветвь, рис. 2)

Видно, что бактрийский (с возрастом 10650±1600 лет) и пакистанский (9150±1500 лет) различаются всего на три мутации, но это визуально, на самом деле там разница в 2.0 мутации, поскольку в столь малом наборе из пяти гаплотипов мутации дробные. Это дает разницу в 2/0.034 = 59 → 63 условных поколений, то есть на 1575 лет), что помещает их общего предка примерно на (10650+9150+1575)/2 = 10700 лет назад. Это и есть бактрийский общий предок. Таким образом, картина времен и направлений мутаций носителей субклада G2a1, приведенная выше, не меняется при дополнительном расмотрении пакистанских (пуштунских) гаплотипов, она остается той же.

Поскольку выше мы описали подходы популяционной генетики в весьма критическом ключе, расмотрим, насколько справедлива эта критика в отношении статьи (Lee et al. 2014), поскольку статья совсем недавняя и отражает современные подходы популяционной генетики. Какие же главные выводы сделали авторы из опубликованного ими материала? Помогает то, что авторы приложили к статье список highlights, то есть главных выводов. Их – пять: (1) определили гаплотипы для 270 человек, (2) «дискриминационная способность» для 230 гаплотипов из всех 270 была равна 85.2%, (3) три маркера, DYS446, DYS447 and DYS449, были основными в отношении «увеличения дискриминации», (4) доминирующая гаплогруппа среди пакистанских пуштунов была R1a1a, (5) предками пакистанских пуштунов вряд ли были евреи.

Резюме к статье добавляет, что (1) каждый маркер показывает «разнообразие» от 0.2506 до 0.8538, (2) «дискриминационная способность» для 17-маркерных гаплотипов была равна 73.7%, и при увеличении их длины возросла до 85.2%, (3) для получения информации о происхождении пуштунов сравнили носителей гаплогрупп G и Q у пуштунов и евреев (ашкенази и сефардов), но еврейского происхождения пуштунов особенно не обнаружили («little support for a Jewish origin could be found»). Все эти «разнообразия маркеров» считаются без разделения соответствующих гаплотипов на гаплогруппы, и на круг по выбранным 199 гаплотипам «разнообразие» получилось равно 0.9903, а по 230 гаплотипам оно было равно 0.9968. Ни для чего больше эти цифры в статье не использовались, датировки не считались. Да и не могли считаться, потому что для них все гаплогруппы «сваливались в кучу». Никакого практического, и тем более теоретического смысла все эти арифметические упражнения не имели и иметь не могут. Смысл там исключительно описательный, что увидели, то и записали.

Автор настоящей статьи уделяет этим довольно бессмысленным подходам «популяционной генетики» так много внимания, потому что в очередной раз предостерегает историков не связываться с этой «наукой». Иначе заблуждения и искажения неизбежны. Совершенно очевидно, что никакого отношения к «молекулярной истории» подходы популяционной генетики не имеют.

Возвращаемся к «молекулярной истории». Как показано выше, гаплогруппа G2a у карачаево-балкарцев и осетин принесена из другого, не донского-аланского источника, а скорее из региона исторической Бактрии. Более того, гаплогруппа G2a у обеих народностей значительно расходится, и имеет общего предка, который жил примерно 4675 лет назад, опять же, скорее всего, в Бактрии. Но язык у карачаево-балкарцев и осетин разный, у первых тюркский, у вторых индоевропейский, с заметным влиянием местного субстрата. А далекий предок – один и тот же. Иначе говоря, языки здесь – не аргумент в дискуссии о происхождении осетин и карачаево-балкарцев. У кого-то из них язык изменился за последние тысячелетия, возможно, что и у обоих народов.

Поэтому для (почти) окончательного решения вопроса нужно будет провести тестирование на ДНК предполагаемых алан из других могильников, а также провести тестирование как минимум половцев из сответствующих захоронений, и сопоставить их гаплотипы с карачаевскими и осетинскими. Половцы со своей возможной гаплогруппой R1a (или другие степняки с той же гаплогруппой) выдвигаются на предпочтительных кандидатов на происхождение трети карачаево-балкарцев. Но половцы предпочтительнее, потому что, по историческим сведениям, то ли 40 тысяч (исторические сведения), то ли 5 тысяч (интерпретация) половцев ушли на Кавказ (Плетнева 1990). Про других степняков, не половцев, таких сведений нет.

Описанная выше картина миграций согласуется с расчетами ДНК-генеалогии – и с общими предками субклада G2a в Бактрии более 10 тысяч лет назад, и с расстоянием во времени между бактрийскими общими предками и ископаемыми аланами, примерно равным 8550 лет, и миграцией древних носителей G2a в Европу в те времена, и с датировкой «испанских» и «французских» носителей G2a 7000 и 5000 лет назад, и с возвращением потомков части «французских» носителей G2a на восток, в донские степи, с их общим предком в начале II тыс. до н.э., и с датировками ископаемых донских алан примерно в VIII веке н.э., и с приведенным выше гаплотипом алан. А также с тем, что карачаевцы и осетины имеют очень удаленные от ископаемых алан гаплотипы, отличающиеся на 8-12 мутаций, притом, что с древними бактрийцами той же гаплогруппы их разделяют меньшее число, а именно 5-9 мутаций. С этим же согласуется удаление базовых гаплотипов карачаево-балкарцев и таковых для осетин от их общего предка примерно на 4675 лет. Конечно, из этой ситуации можно выйти таким образом, что провозгласить древних бактрийцев гаплогруппы G2a 4500 лет назад «аланами», и заключить, что и

карачаево-балкарцы, и осетины произошли 4675 лет назад от «аланов», и на этом вопрос закрыть. Автор этой статьи оставляет такую возможность историкам.

Таким образом, становится понятным смысл нового термина – «молекулярная история», т.е. создание исторических реконструкций исходя из молекулярных характеристик ДНК потомков, а также ископаемых предков. Поскольку далекие предки, передвигаясь, несли в новые края языки, то, прослеживая миграции предков, происходившие сотни, тысячи и десятки тысяч лет назад, можно получать сведения о миграции языков во времена столь глубокой древности. Сопоставление этих реконструкций с данными лингвистики, полученными принципиально другими методами, может позволить получать более обоснованные сведения в области языкознания, проверять существующие концепции и приходить к новым, совершенно неожиданным концепциям и идеям. Так биохимия, физическая химия, химическая кинетика повернулись своими неожиданными и непредсказуемыми ранее гранями к наукам гуманитарным, историческим, лингвистическим.

В области ДНК-генеалогии уже есть наработки, которые надо сопоставить с данными истории, археологии, лингвистики, антропологии. В данной статье приведен всего один пример, относящийся к аланам и их предполагавшейся роли в происхождении осетин и карачаево-балкарцев, которое на самом деле наиболее вероятно находится в исторической Бактрии. ДНК-генеалогия ясно показала, что донские аланы, во всяком случае, из описанного некрополя, имеют четкое европейское, а не центрально-азиатское происхождение. В какой степени это меняет довольно устоявшуюся картину, и что предлагается взамен – решать историкам. Автор будет рад оказать в этом посильное содействие.

В следующих статьях данной серии предполагается рассмотреть вопросы происхождения индоариев, на основе гаплотипов гаплогруппы R1a, преобладающей среди высших индийских каст, и гаплотипов этнических русских той же гаплогруппы. Будут рассмотрены гаплотипы и гаплогруппы ископаемых скифов Алтая, афганских пуштунов, балтийских славян и финно-угров, особенно, в связи с «норманнской теорией» и декларированного засилья скандинавов на Руси, гаплотипы и гаплогруппы носителей культуры колоколовидных кубков в связи с заселением ими Европы в III-II тыс. до н.э., а также предполагаемое происхождение кельтов и их индоевропейского языка, и многие другие вопросы молекулярной истории и их взаимоотношение с традиционными историческими науками. Автор уверен в том, что между ними будет союз, а не конфликт.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев Г.Е., Добровольская М.В., Коробов Д.С., Решетова И.К. О культурной, антропологической и генетической специфике донских алан // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. М., 2014.

Клёсов А.А. Биологическая химия как основа ДНК-генеалогии и зарождение «молекулярной истории» // Биохимия. 2011. № 5.

Клёсов А.А. Происхождение славян. М., 2013a.

Клёсов А.А. Занимательная ДНК-генеалогия. М., 2013b.

Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.

Elhaik E., Tatarinova T.V., Klyosov A.A., Graur D. The 'extremely ancient' chromosome that isn't: a forensic bioinformatic investigation of Albert Perry's X-degenerate portion of the Y chromosome" // Eur. J. Human Genetics. 2014. 22 January.

Klyosov A.A. Basic rules of DNA genealogy (Y-chromosome). Mutation rates and their calibration // Proceedings of the Russian Academy of DNA Genealogy. 2008. No. 1.

Klyosov A.A. DNA Genealogy, mutation rates, and some historical evidences written in Y-chromosome. I. Basic principles and the method // J. Genetic Genealogy. 2009a. 5.

Klyosov A.A. DNA Genealogy, mutation rates, and some historical evidences written in Y-chromosome. II. Walking the map // J. Genetic Genealogy. 2009b. 5.

Klyosov A.A. A comment on the paper: Extended Y chromosome haplotypes resolve multiple and unique lineages of the Jewish Priesthood // Human Genetics. 2009c. 126.

Klyosov A.A. Ancient history of the Arbins, bearers of haplogroup R1b, from Central Asia to Europe, 16,000 to 1500 years before present // Advances in Anthropology. 2012. No. 2.

Klyosov A.A., Rozhanskii I.L. Haplogroup R1a as the Proto Indo-Europeans and the legendary Aryans as witnessed by the DNA of their current descendants // Advances in Anthropology. 2012a. No. 1.

Klyosov A.A., Rozhanskii I.L. Re-examining the “Out of Africa” theory and the origin of Europeoids (Caucasoids) in light of DNA genealogy // Advances in Anthropology. 2012b. No. 2.

Klyosov A.A., Rozhanskii I.L., Ryanbchenko L.E. Re-examining the Out-of- Africa theory and the origin of Europeoids (Caucasoids). Part 2. SNPs, haplogroups and haplotypes in the Y charomosome of Chimpanzee and Humans // Advances in Anthropology. 2012. No. 4.

Klyosov A.A., Mironova E.A. A DNA genealogy solution to the puzzle of ancient look-alike ceramics across the world // Advances in Anthropology. 2013. No. 3.

Klyosov A.A. Reconsideration of the "Out of Africa" concept as not having enough proof // Advances in Anthropology. 2014. No. 1.

Klyosov A.A., Tomezzoli G.T. DNA genealogy and linguistics. Ancient Europe // Advances in Anthropology. 2013. No. 2.

Lacan M., Keyser C., Ricaut F.-X. et al. Ancient DNA reveals male diffusion through the Neolithic Mediterranean route // Proc. Natl. Acad. Sci. US. 2011. 108.

Lacan M., Keyser C., Ricaut F.-X. et al. Ancient DNA suggests the leading role played by men in the Neolithic dissemination // Proc. Natl. Acad. Sci. US. 2011. 108.

Lee E.Y., Shin K.-J., Rakha A., Sim J. E., Park M. J., Kim N. Y., Yang W.I., Lee H. Y. Analysis of 22 Y chromosomal STR haplotypes and Y haplogroup distribution in Pathans of Pakistan // Forensic Sci. International: Genetics. 2014. 11.

Rozhanskii I.L., Klyosov A.A. Mutation rate constants in DNA genealogy (Y chromosome) // Advances in Anthropology. 2011. No. 2.

Rozhanskii I.L., Klyosov A.A. Haplogroup R1a, its subclades and branches in Europe during the last 9,000 years // Advances in Anthropology. 2012. No. 3.

References

Afanas'ev G.E., Dobrovol'skaja M.V., Korobov D.S., Reshetova I.K. O kul'turnoj, antropologicheskoj i geneticheskoj specifike donskih alan [About cultural, anthropological and genetic specifics Don Alan], E.I. Krupnov i razvitie arheologii Severnogo Kavkaza, M., 2014 [in Russian].

Kljosov A.A. Biologicheskaja himija kak osnova DNK-genealogii i zarozhdenie «molekuljarnoj istorii» [Biological chemistry as fundamentals of DNA genealogy and origin of "molecular history"], Biohimija, 2011, № 5 [in Russian].

Kljosov A.A. Proishozhdenie slavjan [Origin of Slavs], M., 2013a [in Russian].

Kljosov A.A. Zanimatel'naja DNK-genealogija [Entertaining DNA genealogy], M., 2013b [in Russian].

Pletneva S.A. Polovcy [Cumans], M., 1990 [in Russian].

Elhaik E., Tatarinova T.V., Klyosov A.A., Graur D. The 'extremely ancient' chromosome that isn't: a forensic bioinformatic investigation of Albert Perry's X-degenerate portion of the Y chromosome", Eur. J. Human Genetics, 2014, 22 January [in English].

Klyosov A.A. Basic rules of DNA genealogy (Y-chromosome). Mutation rates and their calibration, Proceedings of the Russian Academy of DNA Genealogy, 2008, No. 1 [in English].

Klyosov A.A. DNA Genealogy, mutation rates, and some historical evidences written in Y-chromosome. I. Basic principles and the method, J. Genetic Genealogy, 2009a. 5 [in English].

Klyosov A.A. DNA Genealogy, mutation rates, and some historical evidences written in Y-chromosome. II. Walking the map, J. Genetic Genealogy, 2009b, 5 [in English].

Klyosov A.A. A comment on the paper: Extended Y chromosome haplotypes resolve multiple and unique lineages of the Jewish Priesthood, Human Genetics, 2009c, 126 [in English].

Klyosov A.A. Ancient history of the Arbins, bearers of haplogroup R1b, from Central Asia to Europe, 16,000 to 1500 years before present, Advances in Anthropology, 2012, No. 2 [in English].

Klyosov A.A., Rozhanskii I.L. Haplogroup R1a as the Proto Indo-Europeans and the legendary Aryans as witnessed by the DNA of their current descendants, Advances in Anthropology, 2012a, No. 1 [in English].

Klyosov A.A., Rozhanskii I.L. Re-examining the "Out of Africa" theory and the origin of Europeoids (Caucasoids) in light of DNA genealogy, Advances in Anthropology, 2012b, No. 2 [in English].

Klyosov A.A., Rozhanskii I.L., Ryanbchenko L.E. Re-examining the Out-of- Africa theory and the origin of Europeoids (Caucasoids). Part 2. SNPs, haplogroups and haplotypes in the Y charomosome of Chimpanzee and Humans, Advances in Anthropology, 2012, No. 4 [in English].

Klyosov A.A., Mironova E.A. A DNA genealogy solution to the puzzle of ancient look-alike ceramics across the world, Advances in Anthropology, 2013, No. 3 [in English].

Klyosov A.A. Reconsideration of the "Out of Africa" concept as not having enough proof, Advances in Anthropology, 2014, No. 1 [in English].

Klyosov A.A., Tomezzoli G.T. DNA genealogy and linguistics. Ancient Europe, Advances in Anthropology, 2013, No. 2 [in English].

Lacan M., Keyser C., Ricaut F.-X. et al. Ancient DNA reveals male diffusion through the Neolithic Mediterranean route, Proc. Natl. Acad. Sci. US., 2011, 108 [in English].

Lacan M., Keyser C., Ricaut F.-X. et al. Ancient DNA suggests the leading role played by men in the Neolithic dissemination, Proc. Natl. Acad. Sci. US., 2011, 108 [in English].

Lee E.Y., Shin K.-J., Rakha A., Sim J. E., Park M. J., Kim N. Y., Yang W.I., Lee H. Y. Analysis of 22 Y chromosomal STR haplotypes and Y haplogroup distribution in Pathans of Pakistan, Forensic Sci. International: Genetics, 2014, 11 [in English].

Rozhanskii I.L., Klyosov A.A. Mutation rate constants in DNA genealogy (Y chromosome), Advances in Anthropology, 2011, No. 2 [in English].

Rozhanskii I.L., Klyosov A.A. Haplogroup R1a, its subclades and branches in Europe during the last 9,000 years, Advances in Anthropology, 2012, No. 3 [in English].

* * *

УДК 929.52.09

О ЛЕТОПИСНОМ ИМЕНИ АКУН / ЯКУН

Л.П. Грот
Общество «Русский салон»
(Лулео, Швеция)
e-mail: mail@histformat.com

Авторское резюме

В статье показана невозможность скандинавской атрибуции древнерусского летописного имени Акун / Якун. Гораздо более перспективной, согласно скандинавским лингвистам, кажется иная этимология этого имени, восходящая к индоевропейскому слову, связанному с такими древнеиндийскими именами как Açvas, Açvaϱatis, Açvasēnas, в которых первый компонент восходит к обозначению дикой лошади, а также с древнегерманским *hanha* «конь».

Ключевые слова: варяги, летописи, имена

ABOUT ANNALISTIC NAME AKUN (YAKUN)

L.P. Groth
«Russian Salon»
(Luleå, Sweden)
e-mail: mail@histformat.com

Abstract

The article proves that the Old Russian annalistic name of Akun (Yakun) cannot have Scandinavian attribution. According to Scandinavian linguists, another etymology of this name seems more credible - the one that can be traced back to the Old Germanic «hanha» (horse) and to the Indo-European word linked to such Old Indian names as Açvas, Açvaϱatis, Açvasēnas, in which the first component designated a wild horse.

Keywords: Varangians, chronicles, names

В статье А.В. Циммерлинга «Имена варяжских послов в Повести временных лет» об имени Акун («Прастѣнъ Акун, нети Игоревъ») безапелляционно, как о чем-то давно доказанном, сообщается: «Др.-сканд. Hákon, Hákun → Акунъ (Лавр.), Акун (Соф.1), но Якунъ (Ипат., Моск. Ак.), Якоунъ (Радз.). Формы с начальным *-я* являются руссифицированными, так как личных имен с начальным *-а* в древнерусском языке исходно не было» (Циммерлинг 2012). В исследованиях скандинавских лингвистов об имени Хакон / Хокан сказано, что имя распространено в скандинавских странах, за исключением Исландии – там оно достаточно редко.

Шведский лингвист Ассар Янцéн рассматривал имя *Hákon* в очерке, специально посвященном древнезападноскандинавскому (старонорвежскому и староисландскому) именослову. Янцéн сразу подчеркнул, что имя *Hákon* принадлежит к одному из очень спорных имен в именословах скандинавских стран. В очерке приводится солидный список авторов, анализировавших это имя, что подтверждает сказанное. Спорность была обусловлена тем, что этимологию этого имени оказалось очень сложно объяснить, исходя из скандинавских, и даже шире – из германских языков.

Так, Янцéн приводит результаты исследований одного из крупнейших шведских языковедов-скандинавистов Адольфа Норéна (1854 – 1925), который предлагал толковать имя как **Hak-vọnn*, где второй компонент можно было бы рассматривать как **-vọnn(r)*, **-vọnn*, т.е. как разновидность старонорвежского слова *vinr* «vän»/«друг». Но по свидетельству Янцéна, это толкование не получило поддержки. В одной из своих поздних работ Норéн обратился к имени *Haquinius*, которое считается латинизированной формой имени *Hákon*, а также таким формам имени с европейского континента как *Ancoin, Hancuin* (последнее имя было единожды зафиксировано и в Скандинавии). Он попытался истолковать второй компонент в этих именах как разновидность **kvinr* или *konr* «ättling»/«родич». Но и это толкование не нашло сторонников.

Латинизированная форма *Haquinius*, указывает Янцéн, оказалась каменем преткновения для исследователей, происхождение её неясно, поэтому решили, что её этимология не должна приниматься в расчет. Но предположили, что эта форма имени могла трансформироваться в именную форму *Hákon/-kun*, по аналогии с *Auđun(n): *Auđuinius (Audwenus).* Конечный компонент в приведеных древне-верхненемецких именах мог быть самым обычным именным компонентом *-win «vän»* и в других древневерхненемецких именах.

Анализ имени *Hákon* предпринимался и ранее, еще в XIX в. Так, шведский языковед XIX С. Бугге относительно первого именного компонента в имени *Hákon* высказал мнение, что этот компонент является прилагательным *hár «hög»/«высокий»*, а второй компонент – *konr «ättling»/«родич»*. К выводам Бугге, отметил Янцéн, присоединились и некоторые другие скандинавские исследователи.

В дискуссиях об имени *Hákon*, напоминает Янцéн, к сравнительному анализу часто привлекалось встречающееся в «Беовульфе» имя *Hæđcyn*. В нем видели англизированную форму скандинавского имени. Но и здесь Янцéн указал, что имя *Hæđcyn* из «Беовульфа», скорее всего, имело иное происхождение с исходной формой **HaÞu-kunja-*. Изучение шведских рунических надписей показало, добавляет Янцéн, что начальный компонент в имени *Hákon* невозможно возводить ни к прилагательному *hár «высокий»*, ни к компоненту *haÞu-*, но следует возводить к древне-герм. **hanka-, hąha-*. Однако у этих слов отыскивается несколько значений, поэтому не вполне ясно и их происхождение. Предлагалось такое значение как др.-

герм. *hanha* «конь», хотя рассматривалось и такое значение как древнесканд. **hāha-*, древнегерм. **haiha-*, в готс. *haihs* «одноглазый».

Но нет ничего удивительного в том, заканчивает свой краткий историографический обзор Янце́н, что это имя было *импортировано в Скандинавию* (Sic! – *Л.Г.*) и получило здесь широкое распространение и большую популярность после того, как стало употребляться членами королевского рода Норвегии (Janzén 1947: 75-76).

В приведенном отрывке из работы Янце́на, касающимся имени *Hákon*, важно выделить два момента. Первое – это обнаружившаяся практическая невозможность подобрать для этого имени не только древнескандинавскую, но и убедительную древнегерманскую этимологию. Второе – это напоминание о том, что имя было «импортировано» в Скандинавию. Здесь следует пояснить, что конкретно стоит за словами Янце́на. Первым исторически достоверным носителем имени *Hákon* (варианты: *Hácon*/*Hákvn*) считается *Hákon Ađalsteinsfóstri* (918/920 – 961), младший сын Харальда Прекрасноволосого, первого короля Норвегии и, следовательно, основоположника королевской династии Норвегии. Хакон воспитывался при дворе короля Англии Этельстана / Aethelstan / Adalstein (895 – 939). Отсюда и его второе имя или прозвище *Ađalsteinsfóstri – «Воспитанник Этельстана»*.

Хакон Адальстейнфустри (в современном именослове Håkon/Хокон) стал норвежским королем с 933 года. С этого времени в именослове норвежских правителей и закрепилось имя *Hákon*, которое стало популярно и у норвежской знати, а позднее – и в более широких слоях норвежского общества. После Хакона Адальстейнфустри это имя носил ярл Хакон Сигурдссон (935 – 995). Нетрудно догадаться, что родившийся вскоре после того, как *Hákon Ađalsteinsfóstri* стал норвежским королем, он получил имя Хакон в честь короля. Внук ярла Хакона Сигурдссона, ярл Хакон Эрикссон (995 – 1015) был назван, разумеется, в честь своего деда. Далее имя Хакон получил внук Харальда Сурового норвежский король Хакон Магнуссон (ум. 1094/1095), после чего это имя стало одним из самых любимых в именослове королей Норвегии. Именно с этим именем была восстановлена норвежская королевская династия после расторжения унии между Швецией и Норвегией в 1905 году. Норвежский стортинг пригласил тогда кандидатом на престол датского принца Карла, который был провоглашен королем Норвегии под именем Хокана VII.

Более широкое распространение имени *Hácon* в норвежских именословах зафиксировано, например, в таких вариантах: *Hacquinus* (1248), *Haquinus* (1255), *Haaken* (1293), *Hakonus* (1299), *Haquus* (1296), *Aquinus* (1336), *Hækon* (1340), *Haquon* (1365), *Akonar* (1369), *Hacun* (1461), *Hagen* (1489), *Haghon* (1470) и др. (Lind 1905-1915: 448-451).

В исландских именословах имя Хакон / Хокан встречалось реже, но известны, например, *Hákon þórđar* (умер в 1198 г.), *Hákon* smiđr Móđólfs (1252 г.) и др. (Lind 1905-1915: 451).

Как было сказано, король Хакон Адальстейнсфустри (известен также как Хакон Добрый) считается первым исторически достоверным носителем этого имени. Следует отметить, что в некоторых исландских сагах, в частности, в своде «Круг земной» или в «Красивой коже» фигурирует герой ярл Хакон Грьютгардссон (Hakon Griotgarđzson), сподвижник Харальда Прекрасноволосого и соотвественно, в сагах – старший современник его сына короля Хакона Адальстейнсфустри. Потомство этого ярла упоминается и в «Книге о Заселении Земли». Но скандинавские ученые оспаривали историческую достоверность данного лица, поэтому Янце́н и написал об «импортированном» имени Хокан, т.е. подчеркнул, что это имя прибыло из Англии вместе с его носителем.

В шведских королевских именословах имя *Hákon* известно со второй половины XI в. В перечне королей (kungalängd), составлявшемся при шведском областном своде законов Западной Гёталанд (Västgötalagen), упоминается король гётов Хокан Красный (Håkon Röde), правление которого приходилось, примерно, на 1066 – 1079 гг. В схолиях к третьей книге «Деяний архиепископов Гамбургской церкви» Адама Бременского рассказывается о некоем Хокане, которого свеи избрали своим королем. Шведские историки единодушны в том, чтобы отождествлять этого Хокана с Хоканом Красным у западных гётов (Adam av Bremen 1984: 194-195).

Приглашение свеями на свой престол королей гётов тогда, когда прерывалась мужская линия свейской королевской династии – факт, исторически достоверный. Вторая половина XI века именно таким периодом и была. В 1060 году скончался сын Олофа Шётконунга Эмунд Старый, и на престол свеев в течение какого-то времени стали приглашаться кандидаты «со стороны», из династий гётских правителей, куда отдавались замуж свейские принцессы. А аристократия Западной Гёталанд была теснейшими узами связана с норвежскими правителями, чему, естественно, способствовала географическая близость. К теснейшим узам относились, в первую очередь, узы брачного обмена, поэтому ничего удивительного, что имя *Hákon*, к середине XI в. более ста лет бывшее популярным у норвежских королей и ярлов, появилось и у правителей гётов. Однако в королевском именослове свеев это имя не привилось. Следующий носитель имени *Hákon* у свеев появился только в середине XIV в. – вернее, для этого периода следует говорить о шведском династийном именослове – и тоже имело прямую связь с норвежским королевским именословом.

Шведский король Хокан Магнуссон / Håkan Magnusson (1340 – 1380) был внуком норвежской принцессы Ингеборг Хокансдоттер (1301 – 1371), ставшей супругой шведского короля Магнуса Ладулоса и шведской королевой. Таким образом, свое имя шведский король Хокан Магнуссон получил в честь прадеда с материнской стороны, норвежского короля Хокана (1270 – 1319). Но, невзирая на почтенное происхождение, имя *Hákon* больше не повторялось в шведском королевском именослове, по всей видимости, оставаясь в нем чужеродным. Не так просто это было с «пришлыми» именами в королевских именословах и именословах знати.

Однако имя *Hákon*/*Håkan* (современное написание имени) получило распространение в именословах широких социальных слоев. Наиболее ранняя фиксация этого имени относится к XI в. и встречается на рунном камне в Смоланд, в Южной Швеции. Учитывая упомянутого короля гётов Хокана Красного, можно предположить, что это имя могло стать популярным и у жителей соседней Смоланд. А еще через столетие имя Хокан уже достаточно прочно входит шведский именослов: в конце XII – XIII вв. обнаружилось 5 носителей этого имени, локализовавшихся как в Южной, так и в Средней Швеции (Janzén 1947: 247-248).

Вопрос о хронологии распространения имени *Hákon* в скандинавских именословах для нас принципиально важен, поскольку показывает, насколько правдоподобно утверждение норманистов о том, что член древнерусской дипломатической миссии 944 года по имени Акун (с вариантом Якун) носил имя, якобы распространенное в скандинавских странах, и в соотвествии с логикой норманистов, сам должен был быть в силу этого «скандинавом».

Анализ появления и распространения этого имени в норвежских, исландских и шведских именословах обнаруживает, что имя *Hákon*, согласно исследованиям скандинавских ученых, «переезжает» от английского двора к норвежскому двору в 933 г., и только с этого времени начинает свой путь в именословах сначала норвежской знати, а потом появляется у исландцев и в шведских именословах. Но распространенность этого имени относится к более позднему времени, к XI – XII вв.

Я постаралась показать, что имена знатных и прославленных людей быстро оказывались «на слуху» в скандинавских обществах (как собственно, и в других обществах). Янце́н не случайно подчеркнул, что имя *Hákon* получило особую популярность в Норвегии после того, как стало употребляться членами норвежской королевской династии. Поэтому совершенно невероятным выглядит утверждение норманистов о том, что в именослове русских князей появился носитель скандинавского имени *Hákon*, да еше связанный родством с великим русским князем (*нети Игоревъ*), и чтобы об этом ни сном, ни духом не проведали ни хронист Адам Бременский, ни дотошные составители исландских родовых саг?! Новые имена в именословах знатных семей даются, как правило, в честь новых именитых предков по мужской или по женской линии, а реальным родством князь Игорь мог быть связан только с правящими домами на южнобалтийском побережье.

В датских именословах имя *Hákon* писалось изначально как *Haquinus*. Но я бы воздержалась от категоричного утверждения, что это была латинизированная форма от германской именной формы *Hákon*/*Haconus*. Возможно, что связь была иной. В Дании, как отмечал датский языковед Р. Хорнби, это имя имело распространение, но не такое сильное, как в Норвегии. Причем основной областью его распространения являлась Восточная Дания и Южная Ютландия (Hornby 1947: 203).

В форме *Haquinus* это имя встречается у Саксона Грамматика. Его носил правитель (høvetsmand) всей Дании *Haquinus* (Saxo 1999: 209). Этот герой фигурирует в легендарной части «Деяний данов», поэтому является литературным героем,

вобравшим в себя черты мелких правителей того беспокойного времени и названный Саксоном именем, которое при жизни писателя было уже овеяно славой и почетом. *Haquinus* у Саксона упоминался в эпизоде, в котором рассказывалось о нападениях данов на Ирландию и Дублин, то для порядка можно условно предположить, что время действия в рассказе – первая половина – середина IX в. Имя *Haquinus* (иногда *Adwin, Aowin*) носил целый ряд вымышленных героев в различных произведениях о королях данов. Среди исторически реальных носителей имени встречалось в таких формах как Haquini (XII в.), Aquino (1253), Haqvinus (XIII в.), Haagen (1307), Hachn (1326), Hakon (1352), Hakens (1363), Hakencon (1398), Haghen (1437), Hagon (1467). Форма Haagon более характерна для Сконе, а форма Haken – для южного Шлезвига (Danmarks gamle personnavne 1936-1940: 458-464).

Первое реальное лицо среди носителей этого имени в датской истории встречается не ранее середины X в. Это – один из сыновей Гаральда Синезубого (годы правления 940 – 986) по имени *Haquinus* (Danmarks gamle personnavne 1936-1940: 457). О его матери существуют различные версии. Саксон Грамматик писал, что его матерью была Гюрита, дочь короля свеев (Saxo: 20). Но по другим сведениям, матерью Хакуинуса была дочь вендо-ободритского князя Мстивоя Това (у Кёнигсфельда – Тора). Кёнигсфельд приводит данные о том, что Хакуинус провел удачный завоевательный поход в Самбии (будущая Восточная Пруссия) и на короткое время сделался королем в этой области. Он умер еще при жизни своего отца (Kønigsfeldt 1856: 6).

Полагаю, что версия о вендско-ободритской матери Хакуинуса более правдоподобна, и вот в силу каких соображений. Сыновей часто нарекали в честь деда или прадеда по материнской линии. Имя *Hákon* в шведских именословах известно не ранее второй половины XI в. (король гётов Хокан Красный). В именослове норвежских королей оно появляется, как выше показано, раньше, и Хакона Адальстейнсфустри (918/920 – 961) вполне можно было бы подозревать как донора имени для одного из наследников Гаральда Синезубого. Но для выяснения происхождения собственно имени *Hákon* это предположение ничего не даёт, поскольку оно было, повторяя слова Янце́на, «импортированным» с Британских островов из восточной Англии. Кроме того, исторические обстоятельства против такого предположения – ведь имянаречение членов правящих родов отражает тоже политические задачи и интересы.

Норвежский трон после смерти Харальда Прекрасноволосого был ослаблен постоянными раздорами между его наследниками, одним из которых и был Хокан Адальстейнсфустри. Гаральд Синезубый сумел подчинить этих наследников своему влиянию. Король Хакон погиб в 961 г. в борьбе за норвежский трон, и власть перешла в руки его племянника, а через несколько лет, в 970 г. Гаральд Синезубый закрепил норвежский трон за собой и сделался королем Дании и Норвегии. В этих обстоятельствах не имелось ни политического, ни психологического резона для того,

чтобы нарекать одного из своих сыновей в честь незадачливого Хакона Адальстейнсфустри.

Но Гаральд был вовлечен и в большую политику на европейском континенте, что требовало союзников. Стремление заручиться поддержкой вендо-ободритских князей отразилось в заключении брака с дочерью вендо-ободритского князя Мстивоя. Соответственно, именем из вендо-ободритских именословов должен был бы наречен хотя бы один из сыновей Гаральда. Известно трое его сыновей. Первый по имени Ринг (Hring) был отправлен отцом Нортумберленд, где на короткое время сумел стать королем, но был изгнан и убит в 950 г. Младший сын Свен-Оттон – это будущий король Свен Вилобородый. Второе имя он получил в честь императора Оттона II, бывшего его восприемником при крещении (Kønigsfeldt 1856: 6). Таким образом, остается только Хакуинус. Косвенным подтверждением может послужить и его краткое правление в южнобалтийской Самбии. Имянаречение представителя правящего рода в раннее средневековье отражало часто и предначертанную ему судьбу.

Однако если *Haquinus* был наречен в честь одного из представителей вендо-ободритского княжеского рода, то такое имя должно обнаруживаться в вендско-ободритских именословах. И оно, естественно, обнаруживается. Наилучшим примером могло бы послужить как раз имя вышеупомянутого летописного Акуна (отражает вариант *Aquinus*), племянника князя Игоря с материнской стороны, в 944 году бывшего достаточно зрелым человеком для участия в важном посольстве. Однако норманизм произвел такие опустошения в научном сознании, что этого примера теперь совершенно недостаточно.

Но есть еще один летописный носитель этого имени, а именно варяжский князь Якун: «*...пришел Ярослав в Новгород, и послал за море за варягами. И пришел Якун с варягами, и был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан. И пришел к Ярославу, и пошел Ярослав с Якуном на Мстислава... И пошли Мстислав и Ярослав друг на друга, и схватилась дружина северян с варягами... И была сеча сильна и страшна. И когда увидел Ярослав, что терпит поражение, побежал с Якуном, князем варяжским, и Якун тут потерял свой плащ золотой. Ярослав же пришел в Новгород, а Якун ушел за море*» (Повесть временных лет: 202).

Итак, Якун, князь варяжский. Сейчас всякий, кто в состоянии мыслить здраво, понимает, что для IX – X вв. варяги были населением южнобалтийского побережья (Гедеонов 2005; Кузьмин 2003; Меркулов 2005; Фомин 2005). К известным ранее работам по варяжскому вопросу следует добавить исследования современного немецкого историка А. Пауля, который прекрасно доказал, что славянским самоназванием ободритов было варины (вары, варны) и представил дополнительные материалы, показывающие интенсивные контакты между южнобалтийскими варинами и русскими летописными княжествами – русские летописцы знали варинов под именем варягов.

Как подчеркивает А. Пауль, использование экзоэтнонима ободриты в узком смысле, как экзоэтнонима для ядра отдельного племени, и как экзоэтнонима для союза племен, объединившихся под одним именем, соотвествовало аналогичному использованию имени варяги: как имя народа и как общее название нескольких народов под этим именем. У западноевропейских хронистов варины упоминались в таких вариантах как Warnabi, Warnalii, Warnahi, Varnahi, Warnavi. Присутствие имени варинов/варягов в землях ободритов подтверждается в статье А. Пауля и многочисленными примерами «варской» топонимики на представленных им картах. Это и река Варнов, и множество населенных пунктов с корнем *вар-* на южнобалтийском побережье (Пауль 2014).

Таким образом, титул летописного Якуна как князя варяжского связан с землями вендско-ободритских правителей. Соответственно, не противоречит логике и мысль о том, что имя Акун / Якун принадлежало к именословам вендско-ободритских князей. Русские летописи зафиксировали наличие этого имени в окружении первых Рюриковичей, связанных тесными узами с Южной Балтией, а также у варяжского князя Якуна, сподвижника русского князя Ярослава. Возможно, носителей этого имени было больше, но не все имена средневековых правителей дошли до нас. Осложняет вопрос и то, что правители имели по нескольку имен, которые они могли получать в разные периоды своей жизни под влиянием разных обстоятельств. Какие-то имена фиксировались в письменных источниках, а какие-то нет. Выше было упомянуто, что у сына Гаральда Синезубого Свена было и второе имя Оттон, полученное им при крещении. У Кёнигсфельда приводятся данные о том, что сын короля Гаральда Ринг также имел второе имя Эрик. Король данов Гутрум (Горм Бездетный), проиграв в 875 г. сражение в Восточной Англии королю Альфреду Великому, принял христианство и получил крестильное имя Этельстан.

Подобная традиция иметь по нескольку имен была очень распространенной в династийной истории, что создает определенные сложности при идентификации личности того или иного средневекового правителя, ибо один источник может упоминать его под одним именем, другой источник – под другим. Соотвественно, имя правителя – интересный объект исследования, но должно рассматриваться в комплексном историческом контексте.

Приходится сказать несколько слов и о фразе «Якун ушел за море», поскольку печально известно, что летописное «заморье» трактуется норманистами как географическая координата, которая якобы указывает на Скандинавию или конкретно на Среднюю Швецию. В ряде работ я поясняла, что отождествление выражения «из-за моря» как «из Швеции» заимствовано целиком и полностью из «Атлантиды» шведского писателя Олофа Рудбека (1630-1702) – пространной фантазии на темы древнешведской истории, в которой, по словам историка Свеннунга, шведское шовинистическое фантазирование достигло пика абсурда (Svennung 1967: 91).

Фантазии Рудбека создавались как политический миф в обоснование исторического права Швеции на восточноевропейские территории, или как минимум, на завоеванные новгородские земли в период Смутного времени: «В старых летописях рассказывается, что своими первыми королями русские считают тех, кто пришёл с (острова) Варгён (Wargöön), а Варгён находился по другую сторону Балтийского моря, из чего ясно, что это была Швеция (Swerige)» (подробнее см.: Грот 2012).

Но летописное «за море» или «за морем» нельзя по-детски буквально воспринимать как «с противоположного берега моря», в чём пытаются уверять норманисты, вслед за Рудбеком. «Заморьем» относительно русских земель были те территории, сообщение с которыми осуществлялось морским путём. Понятие «заморские» земли сделалось постепенно синонимом «заграничные» или «иностранные», как убедительно доказывает В.В. Фомин (Фомин 2003: 146-168).

Возвращаясь к вопросу о летописном имени Акун / Якун, хочу напомнить замечание А.Г. Кузьмина о том, что «сама интерпретация имен недалеко продвинулась со времени Г.З. Байера» (Кузьмин 2003: 318). Замечание это непосредственно касается и рассматриваемого в статье имени, поскольку Байер коснулся и его в статье «О варягах»: «Потому ж есче от Рюрика все имена варягов, в руских летописях оставшиеся, никакого иного языка, как шведского, норвежского и датского суть... Одно, но знатное имя присовокуплю. Руские летописи при Ерославе Иакова варяга прославляют. Оный, без сомнения, Ингегерды королевы брат, Олая короля сын был, ибо об оном Сноррон пишет...» (Байер 2006: 347-351).

Почему «оный» без сомнения должен был быть братом Ингегерды и сыном Олофа Шётконунга Анундом Яковом, Байер объяснением не удостоил. Но в любом случае, превратить летописного Якуна в шведского Якова – смехотворно и показывает лишний раз тот низкий научный уровень, на каком была выполнена статья Байера «О варягах». В большей её части он копировал или списывал с работ своих шведских наставников, вместе с их ошибками и ляпами. Как я отмечала в своих работах, Байер прошел «историческую» подготовку по русской истории у шведских коллег. Некоторые из них привозили из России древнерусские летописи и делали переводы на латынь отдельных летописных фрагментов. За девять лет пребывания в России Байер не только не удосужился подучить русский язык для того, чтобы читать интересующие его летописи в подлиннике, но возможно, не озаботился даже обзавестись добротным переводом древнерусской летописи (Грот 2012: 35-46).

О шведском же короле Анунде Якове (правил 1022 – 1050 гг.) известно достаточно много из западноевропейских источников, в частности, из такого надежного источника как хроника Адама Бременского. А он получил многие сведения о жизни представителей королевских династий в скандинавских странах от короля данов Свена Эстридссона (правил 1047 – 76 гг.), что называется, из первых рук. И сам Анунд Якоб, и его отец Олоф Шётконунг вызывали горячую симпатию

Адама Бременского в силу их приверженности христианству, что, в свою очередь, определило особый интерес хрониста к событиям их жизни.

В частности, рассказ об Анунде начинается от самого его рождения: «*Анунд был рожден от законной супруги короля и наречен также благоверным именем Якова. Уже в молодых годах он превосходил всех своих предшественников мудростью и благочестием. Ни один король не пользовался такой большой любовью свеев, как Анунд*» (Adam av Bremen 1984: 103). А рассказы Свена Эстридссона об Анунде Якове были тем более надежны, что этих двух королей связывало не только близкое династийное родство, но и личное многолетнее общение. По сведениям Адама, Свен Эстридссон провел около двенадцати лет при дворе Анунда Якоба «на военной службе». Кроме того, Свен часто находил приют у Анунда Якоба в тех случаях, когда ему приходилось спасаться бегством после очередного поражения в борьбе за престол данов с другими соперниками-претендентами. Анунд Якоб оказывал Свену и военную помощь в его борьбе за престол в Дании (Adam av Bremen 1984: 111, 113, 137). Так что, можно сказать, что информатор Адама Бременского очень хорошо знал жизнь и деятельность Анунда Якоба.

И вот что здесь поразительно. Хронику Адама Бременского Байер, разумеется, знал, поскольку эта хроника была один из самых известных средневековых источников в Северной Европе. Байер даже ссылался на Адама Бременского в нескольких местах статьи по разным поводам. Но говоря об Анунде Якове, Байер приводил ссылку только на Снорри Стурлусона, сообщавшего о рождении сына Олофа Шетконунга в день Св. Иакова. Вот вам и отношение Байера к источникам! Наверняка, это рассуждение о «варяге Якове» он списал у кого-нибудь из шведских коллег, привыкших свободно фантазировать на темы шведской истории, а сверять сей факт по Адаму Бременскому не счел нужным: Байеру же изначально было известно, что все имена древнерусских летописей «от нормандского языка» испорчены, так что же тут исследовать!

Вот и весь путь, пройденный норманизмом для анализа летописного имени Акун /Якун: от варяга Якова до скандинава Хакона. Поэтому слова Кузьмина не теряют своей актуальности: интерпретация имен недалеко продвинулась со времени З. Байера. Иными словами, она вообще никуда не продвинулась, а топчется скоро триста лет на месте. И для того, чтобы выйти из этого тупика, необходимо привлекать более широкий материал.

В начале статьи я подчеркнула слова Янце́на о том, что имя *Hákon* было импортировано в норвежский королевский именослов из Англии. А как попало это имя в Англию? – задалась я вопросом. Ответ нашелся в каталоге личных имен на территории бывшей Галлии VI – XII вв., составленных французской исследовательницей М.-Т.Морле́.

Интересующее нас имя выявлено Морле́ в таких формах: *Acuinus* (IX в.), *Aquinus* (910 – 27 гг.), *Aguinus* (IX в.), *Ecquinus* (927), *Ecuin* (1100 г.), *Equinus* (1118 г.) (Morlet 1968: 22a). Все данные варианты хорошо сочетаются с вариантами,

зафиксированными в скандинавских именословах, но пишутся без знака придыхания *h*, типичного для латыни и германских языков. Это свидетельствует о том, что именные формы *Acuinus*/*Aquinus* были распространены в зоне кельто-германских контактов, где именно кельтская культурная традиция в силу своей древности обладала более высоким социальным статусом, что охватывало и антропонимы (Stroheker 1948).

Имена римско-галльской светской и духовной знати заимствовались носителями германских языков, отчего видоизменялось звучание и написание. Именная форма *Aquinus* (1336) из норвежского именослова, приведенная в начале статьи, взята из письма, направленного в Норвегию из папской канцелярии. И как видим, нелатинизированная форма имени представлялась даже ватиканским писцам более правильной, чем латинизированная *Haquinus*. Поэтому у норманистов нет никакого основания утверждать, что исходной формой для летописного имени *Акун* является форма *Hákun*. Континентальный вариант имени *Acuinus* является первичной формой, именно ему точно соответствует летописное *Акун*. Междинастийные и другие межэтнические контакты на европейском континенте были развиты с древнейших времен, соответственно, древние корни связывают и европейские именословы от Южной Балтии до Средиземноморья.

Морле приводит гипокористики от имени *Acuinus* в форме *Acco* от 735 г., *Ecco* от 796 г., *Eccho* от 797 г. Сохранившиеся уменьшительные именные формы дают возможность предположить, что в это же время имелись и их полные формы, но их письменная фиксация не дошла до нас.

Из европейских именословов имена уходили на Британские острова, а оттуда «импортировались» в Скандинавию. Так в норвежские именословы из Англии попало имя *Hákon* как сокращенный вариант от *Hacquinus* – производное от более архаичного *Aquinus*. Ничто не мешает нам предположить, что имя *Акун* как вариант *Aquinus* существовало на Южной Балтии в княжеских именословах, откуда и перешло в датский королевский именослов в форме *Hacquinus* с последующей трансформацией в *Hákon*.

Неудавшиеся попытки отыскать этимологию имени *Hacquinus*/ *Hákon*, исходя из германских языков, подводят к мысли о том, что искать ее надо в других языках. В приводившейся здесь работе Янцéна были упомянуты такие древнеиндийские имена как *Açvas, Açvapatis, Açvasēnas*, в которых первый компонент восходит к обозначению дикой лошади (Janzén 1947: 262). Возможно, вышеприведенные попытки увязать первый компонент в имени *Hákon* с др.-герм. *hanha* «конь» могли бы найти убедительное подтверждение, если попробовать протянуть ниточку к древнейшему слою индоевропейского именослова, куда, скорее всего, восходят все архаичные имена из исторических источников. Но заниматься этим должны лингвисты. Правда, для начала надо отказаться от восходящей к рудбекианизму идеи скандинавского происхождения летописных русских имен.

ЛИТЕРАТУРА

Байер Г.З. О варягах // Фомин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006.

Гедеонов С.А. Варяги и Русь. М., 2005.

Грот Л.П. О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии // Слово о Ломоносове / Изгнание норманнов из русской истории. Вып. 3. М., 2012.

Грот Л.П. Шведские ученые как наставники востоковеда Г.З. Байера в изучении древнерусской истории // Вестник ЛГПУ. Серия «Гуманитарные науки. Историография». 2012. Вып. 1 (6).

Кузьмин А.Г. Начало Руси. М., 2003.

Меркулов В.И. Откуда родом варяжские гости? М., 2005.

Пауль А. Варины, которых называли ободриты // Переформат.ру http://pereformat.ru/2014/04/varini-obodriti/ (дата обращения – 11.12.2014).

Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева / Под редакцией В.П. Адриановой-Перец. 3-е издание. СПб., 2001.

Фомин В.В. «За море», «за рубеж», «заграница» русских источников // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). М., 2003.

Фомин В.В. Варяги и Варяжская Русь. М., 2005.

Циммерлинг А.В. Имена варяжских послов в «Повести временных лет» // V круглый стол. Древняя Русь и германский мир в филологической и исторической перспективе 13-14 июня 2012.

Adam av Bremen. Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar. Översatt av Emanuel Svenberg. Kommenterad av Carl Fredrik Hallencreutz, Kurt Johannesson, Tore Nyberg, Anders Piltz. Stockholm, 1984.

Danmarks gamle personnavne. København, 1936-1940.

Hornby R. Fornavne i Danmark i middelalderen // De fornsvästnordiska personnamnen. // Nordisk kultur VII. Stockholm, Oslo, København, 1947.

Janzén A. De fornsvästnordiska personnamnen // Nordisk kultur VII. Stockholm, Oslo, København, 1947.

Kønigsfeldt J.P.F. De nordiske riges kongeslægter. Kjøbenhavn, 1856.

Lind E.N. Norsk-isländska dopnamn och fingerade namn från medeltiden. Första häftet. Uppsala, 1905-1915.

Morlet M.-Th. Les noms de personne sur le territoire de l'ancienne gaule du VI au XII siècle. Paris, 1968.

Saxo. Danmarkskrøniken 1. Genfortalt af Helle Stangerup. Aschehoug, 1999.

Stroheker K.F. Der senstorische adel im spätantiken Gallien. Baden-Baden, 1948.

Svennung J. Zur Geschichte des goticismus. Stockholm, 1967.

References

Bajer G.Z. O varjagah [About Varangians], Fomin V.V. Lomonosov: Genij russkoj istorii, M., 2006 [in Russian].

Gedeonov S.A. Varjagi i Rus' [Varangians and Russia], M., 2005 [in Russian].

Grot L.P. O Roslagene na dne morskom i o varjagah ne iz Skandinavii [About Roslagen at the bottom sea and about Varangians not from Scandinavia], Slovo o Lomonosove, Izgnanie normannov iz russkoj istorii, Vyp. 3, M., 2012 [in Russian].

Grot L.P. Shvedskie uchenye kak nastavniki vostokoveda G.Z. Bajera v izuchenii drevnerusskoj istorii [The Swedish scientists as mentors of the orientalist G. Z. Bayer in studying of Old Russian history], Vestnik LGPU, Serija «Gumanitarnye nauki. Istoriografija», 2012, Vyp. 1 (6) [in Russian].

Kuz'min A.G. Nachalo Rusi [Beginning of Russia], M., 2003 [in Russian].

Merkulov V.I. Otkuda rodom varjazhskie gosti? [From where it is Varangian guests?], M., 2005 [in Russian].

Paul' A. Variny, kotoryh nazyvali obodrity [Varinas, which called Obotrites], http://pereformat.ru/2014/04/varini-obodriti/ (data obrashhenija – 11.12.2014) [in Russian].

Povest' vremennyh let [Primary Chronicle], Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D.S. Lihacheva, Pod redakciej V.P. Adrianovoj-Perec, 3-e izdanie. SPb., 2001 [in Russian].

Fomin V.V. «Za more», «za rubezh», «zagranica» russkih istochnikov [«For the sea», «abroad», «abroad» of the Russian sources], Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva, T. 8 (156), M., 2003 [in Russian].

Fomin V.V. Varjagi i Varjazhskaja Rus' [Varangians and Varangian Russia], M., 2005 [in Russian].

Cimmerling A.V. Imena varjazhskih poslov v «Povesti vremennyh let» [Names of Varangian ambassadors in the «Primary Chronicle»], V kruglyj stol. Drevnjaja Rus' i germanskij mir v filologicheskoj i istoricheskoj perspektive 13-14 ijunja 2012 [in Russian].

Adam av Bremen. Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar. Översatt av Emanuel Svenberg. Kommenterad av Carl Fredrik Hallencreutz, Kurt Johannesson, Tore Nyberg, Anders Piltz, Stockholm, 1984 [in Swedish].

Danmarks gamle personnavne, København, 1936-1940 [in Danish].

Hornby R. Fornavne i Danmark i middelalderen, De fornsvästnordiska personnamnen, Nordisk kultur VII, Stockholm, Oslo, København, 1947 [in Swedish].

Janzén A. De fornsvästnordiska personnamnen, Nordisk kultur VII, Stockholm, Oslo, København, 1947 [in Swedish].

Kønigsfeldt J.P.F. De nordiske riges kongeslægter, Kjøbenhavn, 1856 [in Danish].

Lind E.N. Norsk-isländska dopnamn och fingerade namn från medeltiden. Första häftet, Uppsala, 1905-1915 [in Swedish].

Morlet M.-Th. Les noms de personne sur le territoire de l'ancienne gaule du VI au XII siècle, Paris, 1968 [in French].

Saxo. Danmarkskrøniken 1, Genfortalt af Helle Stangerup, Aschehoug, 1999 [in Norwegian].

Stroheker K.F. Der senstorische adel im spätantiken Gallien, Baden-Baden, 1948 [in German].

Svennung J. Zur Geschichte des goticismus, Stockholm, 1967 [in Swedish].

* * *

УДК 94(4)"1492/1914"

МОНОПОЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В ЭПОХУ КЛАССИЧЕСКОЙ ЕВРОПЫ

Л.И. Ивонина
Смоленский государственный университет
e-mail: ivonins@rambler.ru
SPIN-код автора РИНЦ: 8019-3667

Авторское резюме

На фоне дискуссии автор статьи анализирует основные черты развития европейского государства в рамках европейской системы после Тридцатилетней войны 1618-1648 гг.

Ключевые слова: Вестфальская система, государственный суверенитет, баланс сил, секуляризация, религия, политика

EUROPEAN STATEHOOD AFTER THE PEACE OF WESTPHALIA 1648

L.I. Ivonina
Smolensk state university
e-mail: ivonins@rambler.ru

Abstract

In the form of debate the author analyzes the main features of the development of European statehood in central Europe after the Thirty Years' War (1618-1648).

Keywords: Westphalian sovereignty, state sovereignty, balance of power, secularization, religion, politics

Обозначать термином «Старый порядок» историю второй половины XVII – первой половины XVIII вв. в историографической традиции считается общепризнанным. Тем не менее, вслед за представителями новой исторической науки поразмышляем, что он все-таки не отражает все грани жизни многоликого и динамичного общества того времени, имеет некоторый оттенок отчуждения и обозначает существующее, реальное, через будущее, сквозь призму Французской революции, которая грянет в конце XVIII столетия и основательно изменит мир.

К тому же в понятии «Старый порядок» ощущается негативный оттенок, он представляется отжившим историческим феноменом. А ведь именно в то время

возникали, чтобы в дальнейшем развиваться и приобретать все больший смысл, новые реалии во всех областях жизни, ставшие в наши дни классическими. Поэтому термин «Классическая Европа» представляется более точным для обозначения исторического периода второй половины XVII – первой половины XVIII вв. П. Шоню, например, определил его основное содержание как «возникновение ментальных структур будущей планетарной цивилизации в экономических, социальных и политических рамках, по-прежнему целиком пронизанных многовековыми традициями» (Шоню 2005: 10-11). Важно отметить, что на всем его протяжении в политическом и обыденном сознании жителей континента понятие «Европа» постепенно вытесняло понятие «христианский мир». Параллельно для большинства европейских государств политико-правовой реальностью стал государственный суверенитет, независимо от того, какую его сторону принимать во внимание – внешнюю или внутреннюю. Какие же процессы способствовали этому? Что лежало в его основе?

Хотя понятие государственного суверенитета было введено еще французским политиком и ученым XVI в. Жаном Боденом, первоначально оно сохраняло связь с европейским средневеково-ленным правом, обозначая, прежде всего, неограниченность власти верховного сюзерена в противоположность власти вассальных правителей. По Бодену суверенитет – это неограниченная и бессрочная верховная власть монарха в государстве, принадлежащая ему в силу его естественного права (Bodin 1955). Тем не менее, тогда регулирующее межгосударственные отношения в Западной Европе каноническое право признавало верховную власть только за папой римским. В следующем столетии многое изменилось.

Независимо от того, как мы понимаем историю, в ней имеют место долговременные цезуры, которые характеризуются, прежде всего, такими качествами, как переход и адаптация. В принципе, любой переходный период, каковым и являлся ранний Модерн (XVI-XVIII вв.), – это время неопределенности и многоликости, динамичности и контрастности, борьбы и созидания, время приспособления к переменам, вызывающим у людей самые противоречивые чувства и реакции. Но адаптация отнюдь не предполагает абсолютной неустойчивости, и неустойчивость переходного общества ни в коем случае не отрицает довольно длительных периодов его стабилизации, пусть даже в форме т.н. «неустойчивого равновесия».

К началу XVII в. возрождение системного хаоса создало всеобщую заинтересованность в серьезной рационализации властной борьбы со стороны европейских правителей и зарождавшейся буржуазной олигархии, имевших мотивы и способности, необходимые для того, чтобы взять на себя инициативу в обслуживании общего интереса – государственного.

Согласно современному немецкому историку Х.Д. Киттштайнеру, стабилизационный период генерировался из «хаотического» времени и охватывал

1618-1715 гг. Именно в это время место конфессиональной борьбы за господство универсальной силы заняла рационально калькулированная борьба суверенных государств в рамках европейского равновесия. Европейские государи получили право конфессиональной свободы и право распоряжаться свободой совести своих подданных, а философия стала вытеснять теологию в мышлении интеллектуалов и государственников. Только в 1648 г. в документах Вестфальского мира был сделан шаг в сторону признания светских суверенных прав за всеми европейскими государствами, включая чинов Священной Римской империи (Kittsteiner 2010: 24-25). Этот шаг положил начало становлению современной системы, в которой суверенитет предполагается необходимым атрибутом любого государства.

С Вестфальским миром идея верховной власти или организации европейских государств сверху практически перестала работать. Вместо нее установилось представление о том, что все государства образуют единую политическую систему. Эта новая система покоилась на международном праве и балансе сил – праве, действующем между государствами, а не над ними, и силе, действующей между государствами, а не над ними. При этом отметим, что из трех международно-правовых метафор – «Вестфальский мир», «баланс сил» и «Европа» – только последняя в различных ее вариативных выражениях реально стала каноном международного права в XVIII в. (Duchhardt 2012: 119).

Разумеется, с заключением не только Вестфальского, но и других мирных договоров середины XVII в. – Пиренейского и Оливского, эпоха гармонии и всеобщего мира не наступила (Пиренейский мир 1659 г. привел к концу долгое противостояние между Францией и Испанией, а мир в Оливе близ Данцига, подписанный в 1660 г. с участием Бранденбурга-Пруссии – между Речью Посполитой и Швецией. Этот мир и Копенгагенский договор 1660 г. завершили Северную войну 1655-1660 гг. и обозначили зенит Шведской империи). Однако тогда была достигнута определенная стабильность, которая могла привести отношения между государствами и народами к новому политическому равновесию, и стали формироваться новые формы взаимного сосуществования, активно апробировавшихся в политике, экономике, культуре.

Новым явлением стал мир «дворов и альянсов», который внутри- и внешнеполитически, в культурной сфере, в отношениях между государством и церковью, в экономической области и в науке достаточно отчетливо провел черту между поздним средневековьем и новым временем. И поскольку мирные договоры не стали инструментарием мира, его идеологи искали выход в создании нейтральных мирных зон и гуманизации войны. В принципе, европейскую политику тогда уже можно было просчитать, чтобы найти адекватный ответ, что нашло отражение в правовой мысли века Просвещения. Во время борьбы европейских коалиций против «универсальной монархии» Бурбонов идеологическим базисом межгосударственных отношений становился баланс сил, ключевой идеей которого был не столько «мир», сколько «свобода», что привело к

отказу от гарантов Вестфальского мира – Франции и Швеции – и системе Великих держав. Коррекцию правовой системы Вестфальского мира и переход к равновесию подготовила война за Испанское наследство (1701-1714), а побочным эффектом этого перехода стало периферийное положение Империи, которая как единое целое перестала играть роль участника формирующегося концерта держав (Duchhardt 2012: 37-39, 61-64).

Правда, в отношении оценок значения положений Вестфальского мира о территориальном суверенитете в современной исторической литературе ведется острая дискуссия. Не так давно общепризнанной была точка зрения, что суверенитет, предоставленный имперским чинам, был фактически полным, что привело к дезинтеграции Священной Римской империи и трансформации средневековых территориальных ленов в государства современного типа. Она легла в основу концепции Вестфальского суверенитета, т.е. системы организации власти, при которой государство обладает полным верховенством в пределах своей территории, политической независимостью во внутренней и внешней политике и является юридически равноправным в отношениях с иными государствами.

Согласно этому представлению, именно Вестфальский мир заложил основы современного международного права и современной политической картины мира как совокупности суверенных, независимых и равноправных национальных государств. А принципиальное признание территориального суверенитета имперских сословий (помимо их традиционных привилегий) привело к их независимости от имперской власти, ограниченной лишь мало значившей оговоркой, запрещающей заключать международные договоры, направленные против императора. В результате Империя превращалась в империю князей, а император стал среди них первым среди равных.

В настоящее время такой взгляд на итоги Вестфальского мира подвергается критике: ряд современных исследователей, признавая роль Вестфальской системы в построении немецкого территориального государства, утверждают, что территориальный суверенитет, предоставленный договором имперским сословиям, лишь систематизировал старые права, привилегии, свободы, прерогативы и регалии, которыми они пользовались уже раньше. Право территориального суверенитета в значении Вестфальского мира подчеркивало сословные свободы, но не делало из имперских князей суверенных правителей. Немецкие территориальные княжества оставались по-прежнему в рамках единой конструкции, скрепленной имперской Конституцией, а полноправным сувереном продолжала оставаться Империя, а не ее члены.

Германские князья, обладающие правом территориального суверенитета по Вестфальскому договору, пользовались независимостью в области внутренних дел, административного устройства и собственного законодательства, но по-прежнему считались вассалами императора и не могли заключать договоры с иностранными государствами, направленные против Империи. Кроме того, немецкий государь был

обязан принимать участие в органах управления Империи, участвовать в расходах на содержание имперской армии и имперских учреждений, обеспечивать исполнение на территории своего княжества решений имперского рейхстага и других имперских органов. Тем не менее, на практике уровень ограничения суверенитета зависел от военно-политической силы конкретного княжества. Например, король Пруссии в XVIII в. не участвовал в окружных собраниях, имперских расходах, не допускал исполнения на территории своих владений постановлений имперского суда и проводил независимую внешнюю политику, за исключением договорных обязательств во время войн. В других крупных имперских княжествах территориальный суверенитет также постепенно эволюционировал в сторону устранения ограничений независимости и расширения прерогатив территориальной власти (Вестфальский мир 2008: 79).

В русле современной историографии, склонной к опровержению устоявшихся «мифов», немецкий историк Х. Духхардт тоже основательно критикует понятие «Вестфальская система» и стилизацию договоров в Мюнстере и Оснабрюке. И не только в отношении статуса чинов Священной Римской империи. В первую очередь, он обращает внимание на то, что в германской исторической лексике и современных германо-американских исследованиях такого понятия нет, но оно активно используется в англо-американской историографии как устоявшийся факт, а не как дискуссионный термин. Особенно спорным, по мнению Духхардта, выглядит эмоциональное определение Вестфальской системы американским правоведом Лео Гроссом в 1948 г.: мол, Вестфальский мир открыл эру суверенных абсолютистских государств, не признающих высший авторитет. Впоследствии этот мотив, навеянный созданием ООН и других международных организаций, был развит в 1990-е гг., годы юбилея Вестфальского мира, и звучал так: Вестфальская конференция создала европейскую систему суверенных государств. Духхардт выводит корни стилизации Вестфальского мира из сочинений его современников, развитых впоследствии в эпоху Старого порядка.

На самом деле мир 1648 г. был призван создать порядок на части Европы, не разрешив ни франко-испанский, ни польско-русско-шведский, ни итальянский конфликты. Вместе с тем, историк согласен с тем, что «дух» Вестфальского мира имеет наивысшую ценность, когда идет речь о конце кровавого и бессмысленного конфликта и переходе от конфессиональной к рациональной политике. Наконец, процесс переговоров обозначил путь к мифу о самом Вестфальском мире, который обосновала общественность перед Французской революцией конца XVIII в. При этом старый миф о мире 1648 г. исходил не только из содержания договоров и многочисленных славословий, прежде всего, в протестантской части Империи, но и из создания долгоиграющей местной культуры памяти.

Сегодня между старым, предреволюционным мифом и его новой трактовкой есть непосредственная связь, однако американские правоведы, историки и политологи используют модель большого формата в духе нового реализма и

мировой политики США. Как видно, точка зрения ученого несколько эмоциональна и преувеличена, заметна его опора на немецкий и европейский материал и антиглобалистская направленность, но она интересны неоднозначностью и дискуссионностью. Согласно Duххардту, три столпа мифа о Вестфальском мире – государственный суверенитет, паритет и равновесие сил в Европе в строгом смысле не проистекают прямо из него, за исключением внутреннего и внешнего паритета государств (что тоже спорно, ибо имела место негласная иерархия государств, особенно заметная на переговорах). Немецкий историк приходит к выводу, что сегодня создан миф, который с реальными решениями архитекторов мира 1648 г. не имеет ничего общего¸ миф, опирающийся на модель эпохи Просвещения и всегда подвергавшейся критике (Duchhardt 2012: 152-159).

По сути, главным итогом войн «конфессионального века» (вторая половина XVI – первая половина XVII вв.) являлась секуляризация религии и политики. Нельзя не заметить, что во время Классической Европы качественные политические перемены охватили все уголки континента: их переживали как монархии – Англия, Франция, Испания, так и республики – Соединенные Провинции, Венеция. И Священная Римская империя уже не являла собой надгосударственный союз, ибо это было невозможно, хотя позднее ряд историков рассматривал ее как нацию в современном смысле. Государство раннего Нового времени формировалось в Германии как территориальное, ибо имперская конституция после Вестфальского мира не определяла ее полный суверенитет над многочисленными княжествами, герцогствами и городами, а давало им свободу отношений друг с другом и другими европейскими державами.

Кроме того, Империя частично внутренне модернизировалась на правовой основе, что диктовалось необходимостью войти в мир суверенных государств. А политические структуры, неспособные достичь, по Максу Веберу, «монополии легитимной силы», такие, как Речь Посполитая, становились легкой добычей для соперников, которые использовали признаки времени более эффективно. Успешное государство также нуждалось в адаптации к экономическим и социальным изменениям. Только те, кто преуспели в интеграции своих элит, могли конкурировать. Это можно было достичь через двор (проект Версаля), или через репрезентативную ассамблею, как английский Парламент, или через службу аристократии, как в Пруссии и России, или через комбинацию всех этих составляющих, как в Габсбургской монархии XVIII в. (Mann 1998: 14; Schilling 2001: 15-17).

Теперь перейдем к не менее значимой и тесно увязанной с общеевропейскими процессами внутренней основе государственного суверенитета. В годы Тридцатилетней войны и после нее государственные структуры большинства стран европейской системы подверглись серьезной трансформации. В целом для внутриполитической жизни континента после кризиса середины XVII в., вызванного войной, был характерен всеохватывающий процесс монополизации,

который привел к концентрации в руках носителей высшей государственной власти (иначе – у государства) всех важных политических полномочий (Шиллинг 2002: 22).

Этот процесс «традиционного расширения власти» имел место как в малом количестве государств, ставших на путь буржуазно-правовой трансформации, так и в преобладавших на континенте абсолютных монархиях. Только в первом случае монополизировали власть представительские структуры (Парламент в Англии, Генеральные Штаты в Республике Соединенных Провинций), а во втором – монарх и его министры. Монополизация, в свою очередь, включала в себя бюрократизацию, централизацию и милитаризацию государства. Последняя представляла собой создание на основе рекрутских наборов и инженерно-технических нововведений постоянных армий на службе существующей власти.

Итак, период стабилизации стал переходом к правовому государству при очевидной монополизации власти либо представительскими органами, либо монархами и их министерствами. Абсолютизм, какое бы содержание не вкладывалось в это понятие, отнюдь не препятствовал развитию права, как подчеркивается в современной литературе. В рамках абсолютистских государственных структур зарождались и развивались основные естественно-правовые понятия, ставшие правовыми основами современной цивилизации. Об этом свидетельствует хотя бы то, что интеллектуалы того времени уделяли особое внимание познанию современных им процессов и совершенствованию политико-правового учения (Grewe 1984: 328; Duchhardt 2003: 67). Самым ярким образцом стабильного государства переходной эпохи являлась Франция во время правления Людовика XIV (1643-1715) (опуская, да и то с рядом оговорок, время министерства кардинала Мазарини до 1661 г.).

Здесь же отметим, что дискуссия об эпохально-специфическом качестве государства раннего Нового времени никогда не «успокоится», и это вполне нормально, как считают историки. Исследователями Старого порядка системное понятие «абсолютизм» перманентно подвергается критике, доходящей до утверждения, что эту категорию следует вообще удалить из ряда исторических дискурсов.

Также имеет место точка зрения, что понятие «абсолютизм» применимо только к Франции эпохи Людовика XIV. Но был ли абсолютизм мифом, и являлся ли абсолютизм французского короля «абсолютным»? Конечно, это понятие, не подвергавшееся критической оценке до 1830-х гг., можно рассматривать как анахронизм. Однако люди, жившие в XVII в., имели ясную концепцию абсолютной власти и столь же ясное представление, как Король-Солнце должен был создавать, и создавал ее. В силу этого на практике и в теории, на уровнях перцепции и реальности абсолютная монархия была отождествляемым феноменом, и отождествляемым с суверенитетом государства. Тем не менее, король и его министры в условиях примитивных коммуникаций, как физических, так и

символических, отнюдь не преуспели во внедрении многого из того, что стремились достичь. Но тогда была создана великолепная политическая культура абсолютизма, воплощенная в Версале. Французский абсолютизм был не просто стилем, а средством воздействия, которое реально сказалось на государственном строительстве (Blanning 2008: 215-217; Henchall 1992: 7; Neugebauer 2003: 197).

Новые формы европейского бытия, и, прежде всего, монополизация власти, формировались в тесном взаимодействии методов адаптации и конкуренции. Следствием конкуренции и ярким примером адаптации как раз и являлась монархизация или, другими словами, регализация европейских правителей и государств. По сути, она была частью отмечаемого в литературе другого процесса большой значимости этого времени - подъема средних и малых государств, которые являлись неотъемлемой частью континента и стремились к суверенитету, обеспечивавшему их независимое существование. Ведь в конце XVII в. монархической государственностью, т.е. полным суверенитетом, обладали только Франция, Испания, Англия, Португалия и Швеция.

В других монархиях, или «квази-монархиях» сословия в целом или круг выборщиков участвовали в передаче власти, как, например, в Священной Римской империи, Венгрии, Речи Посполитой, Дании и Папском государстве (Duchhardt 2003: 16; Schnettger 2008: 605, 609). Монархизация оказалась феноменом более широким, и была характерна не только для средних и малых правителей и их территорий. Она включала в себя как превращение территориального или регионального княжества Германии или Италии (курфюршества, герцогства и т.д.) в королевство, а их правителей – в королей, так и обретение той же короны в другом государстве, а также повышение статуса правителя огромной территории в европейской системе государств.

Централизованное, бюрократизированное и во многом милитаризованное управление государством Классической Европы, подобно любой другой форме политики, было искусством возможного. К тому же, личные амбиции абсолютных правителей часто увеличивали их возможности, постоянно заставляя их стремиться к расширению своего влияния и повышению своего статуса среди других государств, что, безусловно, укрепляло их позиции и внутри страны. Так, шведский король Густав II Адольф, Великий курфюрст Бранденбурга-Пруссии Фридрих-Вильгельм I и русский государь Петр Великий радикальным образом изменили внутренний и внешний статус своих владений. В принципе, абсолютные монархии усилили государство раннего Нового времени в территориально-политическом, правовом, экономическом и культурном отношениях.

Новый после Вестфальского мира политический порядок преломлялся через высшую государственную власть – монархическую или республиканскую – и взаимное сцепление всех звеньев этой власти: институционализации, бюрократизации, божественного и естественного права, постоянного контроля и социального дисциплинирования, т.е. принуждения к единообразию с целью

формирования государственного подданного. Однако монархизация, шедшая параллельно с усилением власти и суверенитета европейских государей, ассоциировалась в глазах большинства современников с порядком и спокойствием, а республиканизация – с отсталостью, с одной стороны, и кризисом и анархией, с другой. Будущее государств нового времени и отношений между ними заключалось не в старой иерархии в рамках Европы, и монархизация стала одним из тех методов, которые должны были сломать эту старую иерархию понятными ей способами.

Фундаментальная разница между двумя политическими системами – республиками и монархиями, исходившая из отсутствия или существования дворов, высшего общества и соответствовавшей ему культуры, являлась одной из характерных черт Классической Европы. Двор как институт и форма существования переживал взлет, ему принадлежало бесспорное первенство в политике и моде, тогда как республики представлялись либо опасными, либо старомодными, отсталыми и неразвитыми, тогда как современная историко-политическая традиция исходит как из опыта республик, так и монархий.

Во всей Европе монархия, как институт, была нормой. Большинство образованных европейцев, несмотря на критику современных им реалий, полагало, что монархия является наилучшей формой правления. Именно от государей ожидали справедливого и эффективного управления страной. В Классической Европе государство и его суверенитет в большой степени идентифицировались с династией, и только с начала XIX в. оформляется определение государства в современном смысле.

Легитимация государя в раннее Новое время не только основывалась на его личности и демонстрировалась им – ее основы создавались правом. Как свидетельствовали сами современники, государи нуждались в законе, что было феноменом, который можно назвать «легализмом» и зерном государственного строительства раннего Нового времени (Asch, Feist 2005: 2-3; Barbiche 2001: 234-240; Gelderen 2004: 285).

Кроме того, слава и репутация королей, осуществлявших репрезентативную функцию в государстве, значила очень много, и не случайно в мировой историографии очень распространенной является точка зрения, согласно которой внутренняя жизнь государств Старого порядка и отношения между ними определялись преимущественной военными факторами. Войны в «придворно-организованной» Европе раннего Нового времени были войнами монархов между собой и несколькими суверенными республиками, такими, как Соединенные Провинции, Швейцария или Венеция. Война являлась «носителем политического решения» и не только международного порядка, но и, возможно, прежде всего, внутреннего. При этом милитаризация власти диктовалась отнюдь не единственным желанием прославить династию славными войнами, а частью монополизации, насущной потребностью в целях ее укрепления внутри государства и расширения политического влияния, вплоть до гегемонии, за его пределами.

Мнение это имеет под собой солидную основу: к примеру, при прославлении в официальной историографии ведущих европейских династий XVII в. – Бурбонов и Габсбургов – исключительное значение имел внешнеполитический аспект. Французский король Людовик XIV и император Священной Римской империи Леопольд I старались предстать как спасители Европы и рыцари христианства, не будучи при этом Roi-Connetable, и в этой связи являли образ не полководца, а триумфатора. В случае войны конкурирующая стратегия этих династий в рамках политического образа выражалась в вопросе: Марс или Юпитер? Защитник Юпитер или воинственный Марс были не случайными мифологическими образами, а политической программой окружения Леопольда и Людовика. Их образы и, следовательно, легитимация войны, вступали в противоречие с правовой мыслью того времени – концепцией правовых войн и христианской теологией, о чем свидетельствовал интерес к работам Гроция, Селдена, Лейбница, Боссюэ, Сен-Пьера и др. (Kampmann, Krause, Krems, Tischer 2008: 32-41, 52-53; Ranum 1980: 336-339; Schindling 2009: 24-25).

В заключение скажем, что два источника власти – экономическая и военная – уже в XVIII в. определили общественную структуру западного общества. Оба источника были тесно связаны друг с другом, но ни один не имел преимущества перед другим. Государства Нового времени кристаллизировались в многочисленных переплетавшихся друг с другом основных формах. Во взаимодействии политической силы и внутри- и межгосударственных конфликтов формировалось, во-первых, «представительское» государство, выросшее из автократической монархии в партийную демократию; во-вторых, централизованное «национальное» (этническое) государство и локальные федеративные системы (Mann 1998: 57).

ЛИТЕРАТУРА

Вестфальский мир: межкафедральный круглый стол в МГИМО (У) МИД России 27 февраля 2008 года // Вестник МГИМО-Университета: Журнал. 2008. № 1.

Шиллинг Х. Становление европейских государств раннего нового времени и формирование политической системы их взаимоотношений как системы держав современной Европы // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI-XX вв. Москва, 2002.

Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005.

Asch R., Feist D. Einleitung. Staatsbildung als kulturellen Prozess // Strukturwandel und Legitimation vor Herrschaft in der Früher Neuzeit / Hg. R. Asch, D. Feist. Köln; Weimar; Wien, 2005.

Barbiche B. Les institutions de la monarchie française a l'epoque Moderne XVI-XVIII siècle. Paris, 2001.

Blanning T. The Pursuit of Glory. Europe 1648-1815. L., 2008.

Bodin J. Book 1 // Six Books of the Commonwealth (Les six livres de la République) / Abridged and translated by M. J. Tooley. Oxford: Basil Blackwell Oxford, 1955.

Gelderen M. van. Republikanismus in Europa. Deutsch-Niederländischen Perspektiven 1580-1650 // Aspecte der Politische Kommunikation in Europa des 16 und 17. Jahrhunderts. München, 2004.

Grewe W.G. Epochen der Folkerrecht Geschichte. Baden-Baden, 1984.

Duchhardt H. Frieden im Europa der Vormoderne. Ausgewälte Aufzätze 1979-2011 / Herausgegben und eingeleitet von M. Espenhorst. Paderborn-München-Wien-Zürich: Ferdinand Schöningh, 2012.

Duchhardt H. Europa am Vorabend der Moderne. 1650-1800. Stuttgart, 2003.

Henchall N. The Myth of Absolutism. Change and Community in Early Modern European Monarchy. L.; N.Y., 1992.

Kampmann K., Krause K., Krems E.-B., Tischer A. Hrsg. Bourbon-Habsburg-Oranien. Konkurrieremde Modelle im dynastischen Europa um 1700. Koln; Weimar; Wien, 2008.

Kittsteiner H.D. Die Stabilisierungsmoderne. Deutschland 1618-1715. Munchen, 2010.

Mann M. Geschichte der Macht. Band 3. Teil 1. Frankfurt; N.Y., 1998.

Neugebauer W. Staat-Krieg-Korporation. Zur Genese politischen Strukturen im 17. und 18. Jahrhundert // Historisches Jahrbuch. Jg. 123. 2003.

Ranum O. Artisans of Glory. Writers and Historical Thought in Seventeenth-Century France. Chapel Hill, 1980.

Schilling H. Europa um 1700. Eine Welt der Höfe und Allianzen und eine Hierarchie der Dynastien // Preussen 1701. Eine europäische Geschichte Essays. Berlin, 2001.

Schindling A. «Ikonen» der Kriegserfarung // Kriegserfarungen, Krieg und Gesellschaft in der Neuzeit. Neue Horizonte der Forschung / Hrsg. von G. Schild, A. Schindling. Paderborn; Munchen; Wien; Zuruch, 2009.

Schnettger M. Kleinstaaten in der Früher Neuzeit // Historische Zeitschrift. Band 286. Heft. 3. Juni 2008.

References

Vestfal'skij mir: mezhkafedral'nyj kruglyj stol v MGIMO (U) MID Rossii 27 fevralja 2008 goda [Westphalian world: an intercathedral round table in MGIMO the MFA of Russia on February 27, 2008], Vestnik MGIMO-Universiteta: Zhurnal, 2008, № 1 [in Russian].

Shilling H. Stanovlenie evropejskih gosudarstv rannego novogo vremeni i formirovanie politicheskoj sistemy ih vzaimootnoshenij kak sistemy derzhav sovremennoj Evropy [Formation of the European states of early modern times and formation of political system of their relationship as systems of powers of modern Europe], Rossija, Pol'sha, Germanija v evropejskoj i mirovoj politike XVI-XX vv., Moskva, 2002 [in Russian].

Shonju P. Civilizacija klassicheskoj Evropy [Civilization of classical Europe], Ekaterinburg, 2005 [in Russian].

Asch R., Feist D. Einleitung. Staatsbildung als kulturellen Prozess, Strukturwandel und Legitimation vor Herrschaft in der Früher Neuzeit, Hg. R. Asch, D. Feist, Köln; Weimar; Wien, 2005 [in German].

Barbiche B. Les institutions de la monarchie française a l'epoque Moderne XVI-XVIII siècle, Paris, 2001 [in French].

Blanning T. The Pursuit of Glory. Europe 1648-1815, L., 2008 [in English].

Bodin J. Book 1, Six Books of the Commonwealth (Les six livres de la République), Abridged and translated by M. J. Tooley, Oxford: Basil Blackwell Oxford, 1955 [in English].

Gelderen M. van. Republikanismus in Europa. Deutsch-Niederländischen Perspektiven 1580-1650, Aspecte der Politische Kommunikation in Europa des 16 und 17 Jahrhunderts, München, 2004 [in German].

Grewe W.G. Epochen der Folkerrecht Geschichte, Baden-Baden, 1984 [in German].

Duchhardt H. Frieden im Europa der Vormoderne. Ausgewälte Aufzätze 1979-2011, Herausgegben und eingeleitet von M. Espenhorst, Paderborn-München-Wien-Zürich: Ferdinand Schöningh, 2012 [in German].

Duchhardt H. Europa am Vorabend der Moderne. 1650-1800, Stuttgart, 2003 [in German].

Henchall N. The Myth of Absolutism. Change and Community in Early Modern European Monarchy, L.; N.Y., 1992 [in English].

Kampmann K., Krause K., Krems E.-B., Tischer A. Hrsg. Bourbon-Habsburg-Oranien. Konkurrieremde Modelle im dynastischen Europa um 1700, Koln; Weimar; Wien, 2008 [in German].

Kittsteiner H.D. Die Stabilisierungsmoderne. Deutschland 1618-1715, Munchen, 2010 [in German].

Mann M. Geschichte der Macht, Band 3, Teil 1, Frankfurt; N.Y., 1998 [in German].

Neugebauer W. Staat-Krieg-Korporation. Zur Genese politischen Strukturen im 17 und 18 Jahrhundert, Historisches Jahrbuch, Jg. 123, 2003 [in German].

Ranum O. Artisans of Glory. Writers and Historical Thought in Seventeenth-Century France, Chapel Hill, 1980 [in English].

Schilling H. Europa um 1700. Eine Welt der Höfe und Allianzen und eine Hierarchie der Dynastien, Preussen 1701. Eine europäische Geschichte Essays, Berlin, 2001 [in German].

Schindling A. «Ikonen» der Kriegserfarung, Kriegserfarungen, Krieg und Gesellschaft in der Neuzeit. Neue Horizonte der Forschung, Hrsg. von G. Schild, A. Schindling, Paderborn; Munchen; Wien; Zuruch, 2009 [in German].

Schnettger M. Kleinstaaten in der Früher Neuzeit, Historische Zeitschrift, Band 286, Heft. 3, Juni 2008 [in German].

* * *

УДК 94(57)

ВОЕННАЯ РЕФОРМА ПЕТРА I В СИБИРИ

В.Д. Пузанов
Курганский государственный университет
e-mail: oid@kgsu.ru

Авторское резюме

Глубокие изменения в организации служилого мира Сибири происходят в эпоху Петра I, в эпоху реформ государственной жизни России. Главной задачей, стоявшей перед Петром I, было преобразование военных сил России. В статье рассматривается ход военных преобразований Петра I в Сибири. На основе привлечения новых архивных материалов существенно уточнен ряд региональных аспектов военной реформы Петра I.

Ключевые слова: Сибирь, Петр I, армия, военные реформы

MILITARY REFORM OF PETER I IN SIBERIA

V.D. Puzanov
Kurgan state university
e-mail: oid@kgsu.ru

Abstract

Profound changes in Siberia's military, alongside with other reforms of the Russian Empire, took place during the reign of Peter the Great. Reorganization of the Russian military forces was the main task that Peter I faced. The article reviews the course of restructuring of the Siberia's military, clarifying and detailing a number of regional aspects of the reform on the basis of new archival data.

Keywords: Peter I, Peter the Great, army reforms, military reforms, Siberia

Глубокие изменения в организации служилого мира Сибири происходят в эпоху Петра I, в эпоху реформ государственной жизни России. Как показал в свое время В.О. Ключевский, главной задачей, стоявшей перед Петром I было преобразование военных сил России. «Военная реформа была первоочередным преобразовательным делом Петра, наиболее продолжительным и самым тяжелым как для него самого, так и для народа она имеет очень важное значение в нашей истории; это не просто вопрос о государственной обороне: реформа оказала глубокое действие и на склад общества и на дальнейший ход событий» (Ключевский 1990: 77). Военные реформы, целью которых было достижение превосходства над европейскими соседями России, оказались очень трудными и тяжелыми для народа

и государства и привели к преобразованиям государственного управления социального уклада экономики и культуры.

В результате преобразований Петра I были проведены ряд реформ в военном деле России, главными из которых были следующие: создание регулярной полевой армии европейского типа, сформированной на основе рекрутских наборов, затронувших всю территорию государства; формирование регулярных гарнизонных войск во всех губерниях; реформа налогообложения для содержания регулярных войск.

Регулярная армия, созданная Петром I, состояла из полевых и гарнизонных войск, причем гарнизонные полки рассматривались правительством в качестве второстепенных по отношению к полевым. Главные силы государства Петр I тратил на создание регулярной полевой армии, которая вынесла на себе основную тяжесть Северной войны. Формирование регулярных гарнизонных частей началось в 1702 г., источником личного состава для них стали отряды служилых людей старых служб (Военная энциклопедия: 187).

К этому времени выяснилось, что служилые люди старых служб либо сами поднимали выступления против правительства, как в Московских стрелецких восстаниях, восстании в Астрахани, либо не являлись достаточной силой для подавления антиправительственных выступлений провинций, как в башкирском восстании 1704-1711 гг. Правительству не удалось собрать достаточные силы старых служб для борьбы с башкирами к 1706 г. даже в Казани, крупнейшем русском военном центре на востоке (РГАДА. Ф. 108. Год 1706. Д. 1. Л. 1-7).

В 1708-1709 гг. башкиры организовали ряд набегов на слободы юга Сибири. По данным пленных, в набегах 1709 г. на слободы Сибири участвовали более 300 башкир Сибирской дороги Зауралья, а также более 1 000 башкир Ногайской дороги, пришедших в край с Урала. Кроме того, к башкирам присоединились представители других кочевых групп. Из Тобольска воевода князь М.Я. Черкасский писал царю, что башкиры ходят войной на остроги, слободы и деревни Тобольского уезда, бьют крестьян и людей всякого чина (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1518. Л. 53-54; Д. 1537. Л. 2; Д. 1835. Л. 10-15).

В Тобольске начали готовить военный отряд для посылки на юг после получения первых вестей из Теченской слободы в феврале 1709 г. о приезде царевича на юг Сибири и подготовке нового наступления кочевников на слободы края. Однако наряженные на службу служилые люди Тобольска не были посланы, 21 марта 1709 г. для набора рекрутов приехал стольник Иван Бибиков и потребовал дворян, детей боярских и казаков на смотр «для набора в солдатскую службу». В результате в 1709 г. Ивану Бибикову удалось набрать в Тобольске 400 солдат из разных чинов служилых людей. В 1710 г. отряд солдат был послан в Москву, в Ярославле многие рекруты бежали, другие жили без средств (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1836. Л. 3-5).

14 мая 1709 г. из Тобольска был отправлен отряд дворянина Федора Толбузина, получивший приказ как можно скорее занять Катайский острог, откуда

организовать защиту слобод и заводов Сибири. В полк Федора Толбузина были собраны, оставшиеся после рекрутского набора, служилые люди Тобольска и Тюмени, которых признали не годными в солдаты, 161 человек дворян и детей боярских, 307 конных казаков, а также все служилые и захребетные татары (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1537. Л. 10).

Петр Травин, воевода Верхотурья просил послать из Тобольска отряды служилых людей в слободы и заводы уезда. В ответ на эту просьбу князь М.Я. Черкасский сообщил, что все дворяне, дети боярские и конные казаки, оставшиеся после рекрутского набора посланы в южные слободы, а в Тобольске осталось только 1 091 человек пеших казаков и казачьих детей (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1537. Л. 12).

Однако на месте выяснилось, что «которые люди присланы из Тобольска на береговую службу... те в присылке старый да малый». Основные источники пополнения ратных людей Сибири были исчерпаны рекрутским набором – «а у которых служилых людей в Тобольску были дети и братья и племянники и те ныне отписаны в солдаты». Это обстоятельство и предопределило неудачу попытки разгромить отряд башкир, отступающий по р. Миассу после разгрома деревень Зауралья.

Характерно, что крупные провинциальные движения начала XVIII в. стали серьезной угрозой для местных властей и потребовали привлечения крупных сил полевой армии с театра военных действий. Реформа губернских военных сил должна была сформировать надежные силы для поддержки правительства.

В период второго этапа Северной войны, после Полтавской битвы, ставшей переломным событием в борьбе со Швецией, правительство Петра I занялось созданием системы гарнизонных войск во всей России. В 1711 г. было составлено расписание полков полевой армии, а в 1712 г. гарнизонных войск. 7 февраля 1712 г. консилия министров приказала расписать регулярные полки по губерниям, откуда производилось их содержание, а также определила количество гарнизонных войск в каждой губернии. К этому времени в части губерний уже были гарнизонные полки, теперь все эти формирования были приведены в единую систему по всему государству. Министры определили штатную численность пехотных полков в губернских гарнизонах в 1 440 человек (РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 29).

Главной задачей гарнизонных войск по планам Петра I являлась поддержка и помощь полевой армии. В гарнизонных войсках готовили рекрутов, часть которых затем направляли в полевые войска. В 1719 г. Петр I приказал ежегодно направлять в гарнизонные полки до 1/3 собранных рекрутов с тем, чтобы такое же число обученных солдат из гарнизонных частей направлялись в полевую армию. Таким образом, в петровскую эпоху гарнизонные полки были фактически, прежде всего, запасными учебными частями русской армии. Кроме того, гарнизонные войска должны были стать более надежной опорой правительства в губерниях, чем служилые люди старых служб, несущие гарнизонную службу по традициям Московской Руси.

Какие причины при формировании гарнизонных частей были более значимы для царя, внешние или внутренние? Расписание 1712 г. было направлено, в первую очередь, на формирование гарнизонных полков в рубежных губерниях. Главные силы были сосредоточены в Санкт-Петербургской губернии (в состав которой входила тогда и недавно завоеванная Прибалтика), а также Азовской и Киевской губерниях, которые непосредственно примыкали к Турции, воевавшей в это время с Россией. В этих 3-х губерниях расписание планировало доведение гарнизонных войск до численности 43 000 человек, т.е. более 2/3 из общего состава в 58 000.

В остальных губерниях численность гарнизонных войск должна была составить в среднем 2-3 тысячи человек, за исключением Казанской губернии. В Казани, откуда русская власть контролировала все Поволжье, расписание оставляло 5 000 человек регулярных войск. В самой большой по территории в государстве Сибирской губернии регулярные гарнизонные войска должны были составить по расписанию 1712 г. 3 000 человек, всего примерно 1/20 часть гарнизонных войск России. В то же время в Сибири, как и в других отдаленных провинциях, служилые люди не были полностью раскассированы и продолжали существовать наряду с регулярными гарнизонными войсками (РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 29) [Таблица 1].

Офицеры и рядовые гарнизонных полков получали жалование, составлявшее 2/3 и 1/2 от армейских полков. 2/3 армейского жалования получали гарнизонные полки 4-х губерний, территории которых находились рядом со Швецией и Турцией, в то время воевавшими с Россией – Санкт-Петербургской, Рижской, Киевской и Азовской. 1/2 армейского жалования получали гарнизонные полки 5-ти губерний где уже не было серьезной военной угрозы Московской, Сибирской, Смоленской, Казанской и Архангелогородской губерний (РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 30).

Однако в Сибирской губернии расписание 1712 г., по которому предполагалось создать 2 полка гарнизонных войск, было быстро дополнено: в Тобольске сформированы 1 драгунский и 2 пехотных гарнизонных полка.

В 1710 г. по указу его Величества и определению Сената вся Россия была разделена на губернии, «тогда и Сибирское воеводство губернию быть определено». В 1711 г. началось формирование гарнизонных полков в Сибири. Г.В. Шебалдина справедливо отмечала, что в организации полков Сибири значительное участие приняли пленные шведы. В 1710 г. Петр I приказал направить ссыльных шведов из Казанской губернии в Сибирь. В 1711 г. в Сибирь было послано более 10 тысяч шведов, только в Тобольске к 1712 г. имелось более 800 шведских офицеров (Шебалдина 2005: 41-45).

В 1711 г. в Тобольске был сформирован губернаторский эскадрон под командой капитана Ланга, в 1709 г. бывшего корнета шведской армии (Шебалдина 2005: 138-143). По мнению Г.В. Шебалдиной, губернаторский эскадрон почти полностью состоял из шведов (Шебалдина 2005: 139). По данным Сибирского приказа, в эскадроне служило много шведских пленных, принятых на русскую службу, однако в нем было и значительное количество русских драгун. 30 июня 1711

г. царским указом и приказом губернатора 47 драгунов эскадрона получили мундиры. К марту 1712 г. губернаторский эскадрон насчитывал уже 1 вахмистра, 3 капралов, 68 драгун. К маю 1712 г. в эскадроне состояло 88 драгун. Из них 50 человек стояли для поручений на губернаторском дворе, а 38 человек находились в разных посылках и были денщиками губернатора. 3 человека были в Петербурге, 5 в Москве в наряде у рекрутов (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1561. Л. 34-51; Описание Тобольского наместничества: 38).

В 1711 г. из «служилых людей старых служб» был сформирован Сибирский гарнизонный драгунский полк. М.Д. Рабинович отмечал, что 2 гарнизонных пехотных полка – Санкт-Петербургский и Московский – были организованы в Сибири в 1712 г. (Рабинович 1977: 70). По данным шведов, живших в Тобольске, к 1713 г. губернатор Сибири Гагарин организовал в крае драгунские полки. Эти данные подтверждаются материалами переписки царя и Гагарина (РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 34-36; Зиннер 1968: 134; Памятники сибирской истории XVIII в.: 135). Губернатор Сибири князь Гагарин в письме Петру I писал, что для строения и удержания крепостей по р. Иртыш достаточно будет людских ресурсов Сибири, из России надо прислать только офицеров и инженеров. Всего, по мнению Гагарина, на случай войны с ойратами в крепостях нужно иметь 2-3 регулярных полка, «а те полки набрать в Сибири». По штату 1712 г., гарнизонный пехотный полк должен был состоять из 1 483 человек, из них 1 275 служащих и 208 неслужащих.

Штраленберг считал, что формирование гарнизонных полков в Сибири было вызвано исключительно планами Гагарина создать из Сибири самостоятельное государство. Штраленберг сообщает по этому поводу следующие подробности: Гагарин хотел сформировать в Сибири регулярные пехотные части, для чего имелись как рекруты, так и офицеры из пленных шведов, но не было ружей. Чтобы их получить, Гагарин и обманул Петра I, уверив царя, что около губернии имеется золотые прииски, для захвата и удержания которых нужны войска. Но Петр I, не доверяя губернатору до конца, назначил главой экспедиции полковника Бухольца, «которого Гагарин должен был снабдить всем необходимым для этой экспедиции» (Зиннер: 134). Таким образом, по мнению шведа, знаменитая экспедиция Бухольца за золотом имела причиной только план Гагарина отделить Сибирь.

Версия о планах Гагарина об отделении Сибири вызывает большие сомнения, В.В. Бартольд показал, что известия о золоте в Средней Азии шли к государю из разных источников (Бартольд 1977: 393-403). Однако для нас важно свидетельство Штраленберга о том, что до подготовки экспедиции Бухольца в Сибири имелись только 2 драгунских полка, но не было пехотных частей. Штраленберг пишет о 2-х драгунских полках, имевшихся в Сибири к началу экспедиции. Здесь он учитывает, наряду с новым регулярным Сибирским драгунским полком, формировавшимся с 1711 г. в Тобольске, также и полк слободских драгун, находившийся на юге Тобольского уезда.

Большое значение гарнизонные полки имели в русской экспедиции на р. Иртыш. Экспедиция Бухольца на р. Иртыш была отмечена в качестве одного из политических проектов Петра на Востоке С.М. Соловьевым. Историк отмечал, «приходили известия о металлических богатствах Средней Азии, и Петр, сильно нуждаясь в деньгах, не оставил без внимания эти известия. Сибирский губернатор князь Гагарин донес, что в Сибири, близ калмыцкого городка Эркети на реке Дарье, добывают песочное золото. В 1714 году отправили туда подполковника Бухгольца, велели ему идти на Ямышь-озеро, где построить крепость на зимовье, а по весне идти к Эркети, овладеть ею и проведывать об устье Дарьи-реки. В начале 1716 года Бухгольц дал знать, что крепость построена, но к Эркети идти за малолюдством небезопасно и что солдаты от него бегут, ибо в сибирских городах всяких гулящих людей принимают и вольно им там жить. По отправлении этого известия к крепости, где сидел Бухгольц, пришло калмыков более 10000 человек; русские бились с ними 12 часов, отбили, но неприятель стал кругом, пресек сообщение и прислал следующее письмо:

«*Черен-Дондук господину полковнику послал письмо. Наперед сего контайши с великим государем жили в совете, и торговали, и пословались, и прежде русские люди езжали, а города не страивали. Война стала, что указу государева о строении города нет и город построен ложными словами, и если война будет, то я буду жить кругом города, и людей твоих никуда не пущу, и из города никого не выпущу, запасы твои все издержатся, и будете голодны, и город возьму; и если ты не хочешь войны, то съезжай с места, и, как прежде жили, так будем и теперь жить и торговать, станем жить в совете и любви*».

В гарнизоне обнаружилась болезнь... и Бухгольц 28 апреля, разорив крепость, ушел на дощениках вниз по Иртышу и на устье реки Оми построил другую крепость, где и оставил свое войско» (Соловьев 1988: 534).

В 1714 г. Петр I поручил руководство экспедицией одному из своих старых сподвижников, капитану гвардии, подполковнику Ивану Бухольцу. От государя Бухольц получил в команду 15 человек, Петр I дал ему сержанта и 7 солдат Преображенского полка, а в Москве от Военной коллегии с ним был отправлен майор, 2 капитана, 2 поручика, 2 прапорщика. По первому плану царя, в экспедицию предполагалось отправить только 1 полк. Бухольц должен был ехать в Тобольск и «взять там у губернатора 1 500 человек воинских людей и с ними идти на Ямыш озеро, где велено делать город» (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 145).

Кроме того, царь предложил Бухольцу взять инженеров и офицеров в Тобольске из пленных шведов. Позднее силы экспедиции Бухольца были увеличены. В указе отмечалось, что в экспедицию повелено определить 2 000 человек пехоты, 500 драгун и 500 казаков (Памятники сибирской истории XVIII в.: 130). Бухольц приехал в Тобольск 13 ноября 1714 г. и был без команды по 9 января 1715 г. В июле 1715 г. Бухольц отправился в экспедицию на юг. К 1715 г. в экспедицию Бухольца было набрано в Сибири 2862 чел. драгун и солдат, в том числе 2 пехотных полка, 700

драгун, артиллерийская команда и 70 мастеровых людей (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Л. 152).

В результате экспедиций Бухольца, Ступина и Лихарева на р. Иртыш были построены 5 русских крепостей, в которые были отправлены новые гарнизонные полки и часть сибирских служилых людей. Майору Лихареву царь дал именной указ, согласно которому ему надлежало «освидетельствовать по сказкам бывшего губернатора Гагарина и подполковника Бухгольца о золоте Эркецком подлинно ль оно есть», найдя тех людей, от которых стало о нем известно, затем отправиться в новые крепости, построить новую крепость у озера Зайсан и разведать о том, как можно оттуда дойти до Эркета. В поход царь приказал взять полный комплект полков, бывших с Бухгольцем, должен был потребовать в Тобольске офицеров, солдат, драгун и мастеровых – всего 3 017 человек (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 317; РГВИА. Ф. 416. Д. 522. Л. 1). Полковник Ступин из Семипалатной крепости сообщал, что под его командой состоит только 1848 всякого чину людей. Согласно табели от 1 марта 1717 г. о количестве людей в Санкт-Петербургском и Московском полках, в экспедиции имелось 460 драгун в драгунском батальоне, 847 человек в Санкт-Петербургском полку, 842 человека в Московском полку, 132 артиллерийских служителей – всего 2281 человек и 71 мастеровых людей (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 52).

Главным местом сосредоточения гарнизонных полков стали крепости по р. Иртыш. После строительства Верх-Иртышских крепостей, к 1719 г. в дальних Семипалатной, Убинской и Усть-Каменогорской остались 1695 человек из регулярных команд Санкт-Петербургского и Московского полков, в ближние крепости Омскую, Ямышевскую, Железинскую командировали служилых людей «в гарнизоны посылаются казаки и казачьи дети из Тобольска и других городов» всего 1047 человек (РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 464).

В результате экспедиции Бухольца количество регулярных войск в Сибири значительно увеличилось, что было отмечено иностранцами. В 1719 г. один из англичан, участников посольства капитана Измайлова в Китай, отмечал, что в Тобольске имеется около 5-6 тысяч обученных войск конницы и пехоты, не считая легкого войска – служилых людей. В целом, Тобольск окружен мощными укреплениями и «хорошо снабжен военными силами» (Зиннер: 49; Русско-китайские отношения в XVIII в.: 501).

В реальности, регулярных сил было намного меньше. В 1719 г. Гагарин сообщил Сенату, что в Ямышевской крепости имеется 2 000 регулярных людей, а в Тобольске 300 человек. Также в Тобольске имеются и нерегулярные около 3 000 человек, «регулярных войск в сибирской губернии немного держано», чтобы не тратить большие суммы на жалование. Таким образом, 5-6 тысяч человек могли получиться, только если учесть, как командированных на юг, так и нерегулярных людей города (Памятники сибирской истории XVIII в.: 138).

Крепости и форпосту по р. Иртышу строили регулярные войска и сибирские казаки. Губернатор Сибири князь Черкасский определил численность гарнизонов 5 крепостей в 750 казаков, к 1722 г. там состояло несколько больше служилых людей – 782 казака. В 1725 г. губернатор Сибири князь Михаил Долгорукий составил штат для 5-ти Иртышских крепостей, по которому в них должны были служить 785 человек, 1 поручик, 1 пятидесятник, 1 десятник и 782 рядовых казака. Казаки не жили в крепостях постоянно, а присылались на год по очереди из сибирских городов – Тобольска, Тюмени, Тары и Томска (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. *Д.* 25. *Л.* 21; *Д.* 29. *Л.* 3). Но этот порядок скоро был изменен, и крепостные казаки стали постоянными жителями укреплений по р. Иртышу.

К 1736 г. в 5 Верх-Иртышских крепостях состояло 669 казаков. В этом году к ним было отправлено на смену 158 казаков – 144 из Тары, 4 из Сургута, 10 из Березова. В 1745 г. в 5-ти Иртышских крепостях имелось 782 казака, что было крайне мало для защиты линии. В 1747 г. были сформированы команды из городовых казаков, которых отправили на Колыванскую и Новую Ишимскую линии. К 1751 г. по штатам в 5-ти Иртышских крепостях полагалось иметь всего 489 казака, однако реально там было на 150 человек больше. В Омской крепости служили 230 казаков, в Железенской – 83, Ямышевской – 152, Семипалатной – 76, Усть – Каменогорской – 98, всего 639 человек. Кроме того, 418 казаков городов Сибири служили в 5-ти крепостях как годовальщики.

В 1734 г. в ответе на анкету Г.Ф. Миллера в Ямышевской крепости было указано, что при всех 5-ти Верх-Иртышских крепостях «*обретаются сибирского гарнизона командированных рот… офицеры, урядники, капралы и солдаты також и артиллерные служители и служилые люди разных городов по штату*».

К 1724 г. в русской полевой армии состояло 34 драгунских полков (41 075 человек) и 40 пехотных полков (58 081 человек) – всего 74 полка, в которых служили 99 159 человек. Во время проведения первой ревизии 1719-1722 гг. все полевые полки были приписаны к губерниям, откуда на них собиралась подушная подать. В 1720 г. 4 полка были приписаны к Сибирской губернии. К 1725 г. в гарнизонных войсках России имелось 49 пехотных полков, 4 полка и 2 отдельных эскадрона драгун – всего 70 000 человек. По данным В.Н. Татищева, к 1733 г. в гарнизонных войсках России имелось 48 пехотных полков и 3 пехотных батальона, 4 драгунских полка и 2 эскадрона, где состояло всего 76 287 человек (РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. *Д.* 29. *Л.* 35, 264; РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. *Д.* 937. *Л.* 25-29; Татищев: 185; Андрианов 2003: 223; Рабинович 1977: 70).

В результате экспедиции Бухольца и основания 5-ти крепостей на р. Иртыше, количество гарнизонных полков в Сибири было увеличено до 3-х. Однако и этого оказалось недостаточно для самой большой губернии в России. Позднее формирование новых гарнизонных полков продолжилось. В 1720 г. в Сибири был сформирован Тобольский гарнизонный солдатский полк. По данным И.К. Кириллова, к 1724 г. в Сибири служили 3 пехотных гарнизонных полка и 1

драгунский, в которых по штату полагалось 148 штаб и обер-офицеров, 4828 унтер-офицеров и рядовых и 162 нестроевых – всего 5138 чел., содержание которых обеспечивалось подушным налогом населения Сибири.

К 1727 г. в Сибирской губернии состояли 4 гарнизонных полка: 3 солдатских (Санкт-Петербургский, Московский и Тобольский) и 1 Сибирский гарнизонный драгунский. В 1727 г. пехотные полки были переименованы, Санкт-Петербургский в Тобольский, Московский в Енисейский, а Тобольский в Якутский. Теперь полки назывались по имени губернии и провинций, на доходы которых они содержались. В 1724 г. в 4-х гарнизонных полках Сибирской губернии состояло 4 972 человек. К 1725 г. в полках состояло 4 689 человек, количество солдат в 3-х пехотных полках уменьшилось примерно на 110 человек в каждом. К 1726 г. в полках состояло 4 991 человек (РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 273; Кириллов 1977: 261).

Губернии	**Полки**	**Количество людей**	**Жалование на год**
Московская	2 полка и 120 чел.	3 000	16 650 р.
Санкт – Петербургская	11 полков и 1 160 чел.	27 000	141 006 р.
Киевская	4 полка и 240 чел.	6 000	43 416 р.
Смоленская	1 полк и 560 чел.	2 000	11 100 р.
Архангелогородская	1 полк и 560 чел.	2 000	11 100 р.
Казанская	3 полка, батальон и 80 чел.	5 000	27 750 р.
Азовская	6 полков, 2 батальона и 160 чел.	10 000	72 361 р.
Сибирская	2 полка и 120 чел.	3 000	16 650 р.
Всего	30 полков, 3 батальона и 3 000 чел.	58 000	340 033 р.

Таблица 1. Расписание гарнизонных полков по губерниям от 7 февраля 1712 г. (составлено по: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 29)

Рекрутские наборы были тяжелым испытанием для русского общества первой трети XVIII в. Они позволили Петру I сформировать мощную армию, одну из самых многочисленных и сильных в мире, завершить победой Северную войну, помогли России занять одно из главных мест среди «великих держав», но в то же время привели к насильственному уходу из провинции нескольких сотен тысяч мужчин молодого возраста. Рекрутские наборы начались в Сибири в 1703 г., но первые 10 лет сибирских рекрутов отправляли в Москву в полки полевой армии. По данным М.О. Акишина, всего в сибирские полки с 1703 по 1728 гг. направили 5 078 человек, из них в экспедиции и крепости на Иртыш было направлено 3449 человек, а 1629 рекрутов в полки Тобольска (Акишин 1996: 58).

По данным Сибирского приказа, в Сибири в рекруты бралась более значительная часть населения, чем в других губерниях, «Сибирская губерния с городов и слобод с купечества и крестьян имеется в переплате» рекрутов. Сибирь

являлась самой большой частью империи, но одновременно и самой малонаселенной. Всего в рекрутские наборы с 1703 по 1721 гг. из Сибирской губернии было набрано 23 642 человека, в результате в 1732 г. Сибирский приказ отмечал, что «во многих городах и уездах к поселению людей удобных мест имеется довольно, но токмо Сибирская губерния людьми весьма малолюдна». К 1732 г. в Сибири имелось только 127 077 крестьян и разночинцев, а также 10 297 посадских и цеховых всех возрастов – 137 374 человек муж пола, рекрутские наборы затронули значительную часть тяглого русского населения (РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 448. Л. 173).

Сибирский приказ писал, что частые рекрутские наборы первой трети XVIII в. стали серьезной общественной проблемой, ставя под вопрос дальнейшее заселение Сибири. Хотя место рекрутов в губернию присылали тысячи ссыльных, они не могли решить проблему роста населения, так как обычно не имели семей, а также отправлялись в далекие места – горные заводы и Охотск. Рекрутские наборы сильно затронули служилый мир Сибири. В 1724 г. Сенат отмечал, что в городах Сибири сотни детей служилых людей укрывались от солдатских наборов, записываясь в посад и цехи. В 1723 г. только в Тобольске в тяглые группы перешли 258 чел. служилых людей и их детей, из которых 31 записались в цехи и 227 в посад (РГАДА. Ф. 248. Д. 711. Л. 499).

В результате военных реформ Петра I в Сибири возникло 5 регулярных гарнизонных полков, 2 драгунских полка, 3 пехотных полка и 1 пехотный батальон. В 1725 г. Тобольский пехотный полк был отправлен в Забайкалье. В 1727 г. на восток была отправлена 1 рота драгун и 200 солдат, в результате регулярные силы Восточной Сибири достигли 2 000 человек. Начальником русского отряда в Забайкалье был назначен полковник Иван Бухольц, который поддерживал русских дипломатов при переговорах с Китаем в 1727 г. (Словцов 1837: 194).

После ухода на восток Тобольского полка, в Западной Сибири находились 4 полка и 1 батальон. Реформы Петра I стали основой постепенной перестройки всех военных сил Сибири на регулярных началах. В 1736 г. в Тобольске, по доношению Сибирского приказа, указом Сената в Сибири были учреждены 1 гарнизонный драгунский полк и 1 пехотный батальон. Главным источником личного состава новых частей стали сибирские служилые люди – «дворяне, казаки и их дети». Новые части были сформированы из служилых людей 3-х городов: Тобольска, Тюмени и Верхотурья, а в остальных городах, «за умалением» там служилых людей, они были оставлены в старом составе (ПСЗРИ. 9: 924; ПСЗРИ. 10: 155).

Однако к середине XVIII в. этих сил было мало для различных заданий правительства. К 1743 г., по спискам Сибирского гарнизона, в полках Тобольска состояло 3120 офицеров и солдат, из которых большая часть (1783 человека) находилась в командировках, в том числе 1 батальон в крепостях Оренбурга. В Тобольске находилось 1337 человек «на караулах, самонужнейших дел и нечаянных секретных посылках» (РГАДА. Ф. 199. П. 481. Ч. 2. Л. 34-45; П. 481. Ч. 6. Л. 182; ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 5. Л. 2).

В середине XVIII в. значительные силы пришлось перебрасывать из Тобольска на восток Сибири в Камчатскую экспедицию. Однако главные внешние проблемы были не на востоке, а на юге Сибири. В 20-40-е гг. XVIII в. обострились отношения между тремя могущественными кочевыми народами: ойратами, казахами и башкирами. В результате изгнания ойратами Младшей и Средней орд казахов из Средней Азии на север на окраину Сибири усилился натиск кочевников на русскую территорию. Обострились отношения России с ойратами по причине спора за территорию округа Колыванских заводов. В 30-40-е гг. XVIII в. глубокие изменения происходят в Приуралье и на Южном Урале, где в это время работала Оренбургская экспедиция. Большие отряды из регулярных и нерегулярных войск Сибири приходилось передвигать по требованию начальников Оренбургской экспедиции на Южный Урал для борьбы с башкирами (ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 141; Д. 16. Л. 14-26; Д. 20. Л. 24, 25, 574; Д. 34. Л. 18-23; Д. 58. Л. 373-375).

Первые десятилетия XVIII в. оборона Сибири была возложена исключительно на гарнизонные полки и служилых людей старых служб. Однако этих сил было недостаточно для борьбы с военными силами Джунгарии. В 1744 г. русские власти Сибири получили известия о намерении ойратов поздней осенью совершить набег на Кузнецкий уезд и Колыванские заводы. Подобная возможность вызвала серьезную озабоченность в Петербурге. Указом Елизаветы Петровны от 24 сентября 1744 г. в Сибирскую губернию было приказано в городах края срочно увеличить нерегулярные войска из дворян, детей боярских, казаков и других чинов, неположенных в подушной оклад. К марту 1745 г. в Тобольске по указу были набраны в солдаты и казаки 456 человек из семей служилых людей (РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 184. Л. 604-615).

Указом Елизаветы Петровны от 25 октября 1744 г. на Иртышскую линию было командировано 3 полевых драгунских полка и 1000 яицких казаков из команды Неплюева. Позднее в Сибирь были отправлены 2 полевых пехотных полка. По указу Сената от 29 сентября 1744 г. все войска Сибири были подчинены главному командиру Сибирского корпуса, который подчинялся Военной коллегии. Главным командиром был назначен генерал – майор Киндерман. В 1745 г. 5 полевых полков были переведены в Сибирь. Ширванский, Нашебургский пехотные полки, Вологодский драгунский полк имели опыт войны с кочевыми войсками. В результате, на востоке России возник особый Сибирский корпус из 5-ти полевых полков, командующему которого были подчинены также гарнизонные регулярные части и отряды казаков на линиях (РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 138. Л. 3; Ф. 248. Оп. 4. Кн. 180; Оп. 8. Кн. 473. Л. 127; Оп. 113. Д. 1249; РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 937. Л. 123-130; ГАОО. Ф. 366,.Оп. 1. Д. 7. Л. 2; Д. 10. Л. 1-5; Д. 11. Л. 1; Д. 12. Л. 1-5; Д. 14. Л. 1-3; Д. 15. Л. 1-3; Д. 17. Л. 3; Д. 18. Л. 1-3; Д. 19. Л. 1; Д. 22. Л. 5; Д. 23. Л. 1-5; Д. 26. Л. 7; Д. 29. Л. 2; Д. 32. Л. 1; Д. 35. Л. 1; Д. 38. Л. 5; Д. 51. Л. 1; Д. 52. Л. 1; Д. 53. Л. 7; Д. 55. Л. 1-3; Д. 60. Л. 25; Д. 91. Л. 24; Д. 94. Л. 1; Сенатский архив. 8: 451, 701; Рафиенко 1973: 371).

К 1755 г. в Сибирской губернии находились 3 полевых драгунских полка (Олонецкий, Вологодский и Луцкий), 2 гарнизонных драгунских (Сибирский и Новоучрежденный), 3 пехотных гарнизонных (Тобольский, Енисейский, Якутский) и новоучрежденный батальон. Всего в 8-ми полках и батальоне состояло 10 447 человек (РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 796. Л. 1; Д. 937. Л. 28; РГАДА. Ф. 20. Д. 193. Л. 1; Д. 371. Л. 1; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 861. Л. 1-3; Д. 1631. Л. 10; ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 24. Л. 2; Д. 26. Л. 10; Д. 47. Л. 5-20; Д. 49. Л. 1; Д. 56. Л. 1-3; Д. 59. Л. 8-14; Д. 64. Л. 1-6; Д. 89. Л. 1-3; Сенатский архив. 10: 23, 413; Сенатский архив. 11: 436-439; Сенатский архив. 12: 90; Леонов, Ульянов 1995: 278; Лебедев 1899: 1-28). В 1764 г. в Сибирском корпусе служили 6 драгунских полков: Олонецкий, Луцкий, Вологодский, Сибирский, Троицкий и Колыванский.

По данным Киндермана, всего к 1751 г. в Сибирской губернии имелось на службе 4 764 казака: 4 271 русских и 493 тюрков. Из них на линиях в это время служили в качестве годовальщиков 1 946 казаков сибирских городов – 418 на Иртышской линии и 1528 на Кузнецкой линии. В городах Сибири служило всего 2 179 казаков (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; Д. 5. Л. 7; Д. 16. Л. 9; Д. 17. Л. 1; Д. 65. Л. 6; Д. 92. Л. 2; Д. 97. Л. 1; Ф. 86. Оп. 1. Д. 1. Л. 10; ПСЗРИ. 20: 532; Сенатский архив: 235). В 1753 г. на линиях состояло 2000 городовых казаков (972 на Иртышской линии, 316 на Новой Ишимской, 712 на Колывано-Кузнецкой). Позднее регулярные полки были отправлены в Россию, а количество казаков на южных линиях увеличено (РГВИА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 5. Л. 35-37).

ЛИТЕРАТУРА

Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.

Андрианов П.М. Эпоха Петра Великого // История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. СПб., 2003.

Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. Т. 9. М., 1977.

Военная энциклопедия. Т. 7. СПб., 1912.

Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968.

Кириллов И.К. Цветущее состояние всероссийского государства. М., 1977.

Ключевский В.О. Курс лекций. Т. 4. М., 1990.

Лебедев А. Русская армия в начале правления Екатерины II. Материалы для русской военной истории. М., 1899.

Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1698-1801. М., 1995.

Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.

Памятники сибирской истории XVIII в. Т. 2. СПб., 1885.

Рабинович М.Д. Полки петровской армии. 1698-1725. М., 1977.

Рафиенко Л.С. Компетенция сибирского губернатора в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973.

Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. 1. 1700-1725. М., 1978.

Сенатский архив. Т. 8. СПб., 1897.

Сенатский архив. Т. 10. СПб., 1903.

Сенатский архив. Т. 11. СПб., 1904.

Сенатский архив. Т. 12. СПб., 1907.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. Б/м., 1837.

Соловьев С.М. История России. Книга 9. М., 1988.

Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.

Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII в. М., 2005.

References

Akishin M.O. Policejskoe gosudarstvo i sibirskoe obshhestvo. Jepoha Petra Velikogo [Police state and Siberian society. Peter the Great's era], Novosibirsk, 1996 [in Russian].

Andrianov P.M. Jepoha Petra Velikogo [Peter the Great's era], Istorija russkoj armii ot zarozhdenija Rusi do vojny 1812 g. SPb., 2003 [in Russian].

Bartol'd V.V. Istorija izuchenija Vostoka v Evrope i Rossii [History of studying of the East in Europe and Russia], Sochinenija, T. 9, M., 1977 [in Russian].

Voennaja jenciklopedija [Military encyclopedia], T. 7, SPb., 1912 [in Russian].

Zinner Je.P. Sibir' v izvestijah zapadnoevropejskih puteshestvennikov i uchenyh XVIII v. [Siberia in news of the West European travelers and scientific the XVIII century], Irkutsk, 1968 [in Russian].

Kirillov I.K. Cvetushhee sostojanie vserossijskogo gosudarstva [The blossoming condition of the All-Russian state], M., 1977 [in Russian].

Kljuchevskij V.O. Kurs lekcij [Course of lectures], T. 4, M., 1990 [in Russian].

Lebedev A. Russkaja armija v nachale pravlenija Ekateriny II. Materialy dlja russkoj voennoj istorii [The Russian army at the beginning of Catherine II's board. Materials for the Russian military history], M., 1899 [in Russian].

Leonov O., Ul'janov I. Reguljarnaja pehota 1698-1801 [Regular infantry 1698–1801], M., 1995 [in Russian].

Opisanie Tobol'skogo namestnichestva [Description of the Tobolsk namestnichestvo], Novosibirsk, 1982 [in Russian].

Pamjatniki sibirskoj istorii XVIII v. [Monuments of the Siberian history of the XVIII century], T. 2, SPb., 1885 [in Russian].

Rabinovich M.D. Polki petrovskoj armii 1698-1725 [Shelves of Petrovsky army. 1698-1725], M., 1977 [in Russian].

Rafienko L.S. Kompetencija sibirskogo gubernatora v XVIII v. [Competence of the Siberian governor in the XVIII century], Russkoe naselenie Pomor'ja i Sibiri, M., 1973 [in Russian].

Russko-kitajskie otnoshenija v XVIII v. Materialy i dokumenty [Russko – the Chinese relations in the XVIII century. Materials and documents], T. 1, 1700–1725, M., 1978 [in Russian].

Senatskij arhiv [Senatorial archive], T. 8, SPb., 1897 [in Russian].

Senatskij arhiv [Senatorial archive], T. 10, SPb., 1903 [in Russian].

Senatskij arhiv [Senatorial archive], T. 11, SPb., 1904 [in Russian].

Senatskij arhiv [Senatorial archive], T. 12, SPb., 1907 [in Russian].

Slovcov P.A. Istoricheskoe obozrenie Sibiri [Historical review of Siberia], Kn. 1, B/m., 1837 [in Russian].

Solov'ev S.M. Istorija Rossii [History of Russia], Kniga 9 [in Russian].

Tatishhev V.N. Izbrannye trudy po geografii Rossii [The chosen works on geography of Russia], M., 1950 [in Russian].

Shebaldina G.V. Shvedskie voennoplennye v Sibiri. Pervaja chetvert' XVIII v. [The Swedish prisoners of war in Siberia. First quarter of the XVIII century], M., 2005 [in Russian].

* * *

УДК 94(4)"375/1492"

РУГИ И ГОТЫ: ИСТОКИ КРОВНОЙ ВРАЖДЫ

В.И. Меркулов
Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар»
(Москва, Россия)
e-mail: mail@histformat.com
Scopus Author ID: 55848349600
ORCID ID: 0000-0003-0555-0813
ResearcherID: E-5671-2014
SPIN-код автора РИНЦ: 1519-7585

Авторское резюме

В статье рассматривается проблема взаимоотношения ругов и готов в период великого переселения народов, которые складывались драматически. По мнению автора непрерывная вражда готов и ругов была вызвана тем, что руги подвергли побеждённых ими готов, впервые появившихся на юге Балтики, большому унижению, помиловав в соответствии со своими обычаями, связанными с гаданием по поведению коня.

Ключевые слова: руги, готы, кровная месть, Великое переселение народов

RUGII AND GOTHS: THE ORIGIN OF BLOOD FEUD

V.I. Merkulov
Public and scientific project «Russian-German Historical Seminar»
(Moscow, Russia)
e-mail: mail@histformat.com

Abstract

The author studies dramatic relationships between the Rugii and the Goths during the Migration Period. The history of human migration in Europe in the Early Middle Ages was full of tragic events, but the particularly relentless fight took place between the two tribes: the Rugii and the Goths. According to the author, the continuous hostility between them was caused by humiliation the Rugii inflicted on the defeated Goths when the latter first appeared on the southern shore of the Baltic Sea: the Rugii used a sacred steed to decide the question of pardoning of the defeated enemies.

Keywords: Rugii, Goths, blood feud, Migration Period

Одним из самых интересных периодов ранней европейской истории, наверное, является так называемое Великое переселение народов. Вместе с тем, это

был поистине судьбоносный период – многие племена навсегда сошли с исторической арены, возникли новые варварские государства. В эту эпоху были заложены основы для всего европейского средневековья.

История Великого переселения народов переполнена трагическими событиями. Но, пожалуй, особенно непримиримую борьбу друг с другом вели два племени. Вражда между ними вспыхивала повсюду, где им доводилось встречаться. И в Прибалтике, и на Дунае, и в Северной Италии. Это были руги и готы.

Противостояние между ругами и готами было не просто борьбой между варварскими племенами, например, за пошатнувшийся римский престол. Источники показывают нам картину настоящей кровной мести, переходившей из поколения в поколение. Евгиппий в Житии святого Северина повествует о многочисленных войнах между ругами и готами в Подунавье (Житие святого Северина). Но особенно показательной кровная вражда стала в более поздний период. Отец Теодориха убивает отца Одоакра. Затем Теодорих, проявив коварство, расправляется с самим Одоакром и с его ближайшим окружением. Причём на этом примере хорошо видно, что инициатива принадлежала готам.

Одоакр и Теодорих (барельеф из базилики Сан-Дзено в Вероне)

А.Г. Кузьмин предполагал, что «готы считались одним из главных врагов ругов, видимо, ещё со времени их столкновений в Прибалтике» (Кузьмин 1986: 546). Поэтому будет логично начать с самого начала и обратиться к готскому историку Иордану:

«*С этого самого острова Скандзы, как бы из мастерской, [изготовляющей] племена, или, вернее, как бы из утробы, [порождающей] племена, по преданию вышли некогда готы с королем своим по имени Бериг. Лишь только, сойдя с кораблей, они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза. Вскоре они продвинулись оттуда на места ульмеругов, которые сидели тогда*

по берегам океана; там они расположились лагерем, и, сразившись [с ульмеругами], вытеснили их с их собственных поселений. Тогда же они подчинили их соседей вандалов, присоединив и их к своим победам» (Иордан 1960: 70).

Рассказывая о переселении на южнобалтийское побережье, Иордан сообщает, что готы столкнулись там с «ульмеругами», *ulmerugi* - дословно «островные руги» (Иордан 1960: 194. Прим. 64). Впрочем, к истории о победоносном готском вторжении следует относиться критически. Иордан хорошо известен своим литературным пафосом. К тому же, долго продержаться на юге Балтики готам не удалось. Тогда как руги ещё длительное время сохраняли свои позиции в регионе, в том числе и на острове Рюген. По всей видимости, с этим островом и следует связывать «ульмеругов».

Затем Иордан рассказывает о дальнейшей истории готского племени и о его первых королях. И здесь начинается самое интересное. Автор очень болезненно воспринимает любые свидетельства, способные хоть как-то преуменьшить «славу готов». Однако об одном из них он оговаривается. И это свидетельство, выраженное буквально в одном предложении, представляется чрезвычайно важным. Несмотря на то, что сам Иордан относит его к «бабушкиным сказкам» (fabulis anilibus):

«…*Однако мы нигде не обнаружили записей тех их басен, в которых говорится, что они [готы] были обращены в рабство в Бриттании или на каком-то из островов, а затем освобождены кем-то ценою одного коня*» (Иордан 1960: 72).

Наверное, не стоит вслед за Иорданом столь же быстро отвергать любопытную информацию. Тем более, учитывая общий характер источника, именно она может оказаться наиболее объективной. Итак, что мы имеем?

1. Иордан оговаривается о существовании неких (видимо, нелицеприятных) «басен» о готах.

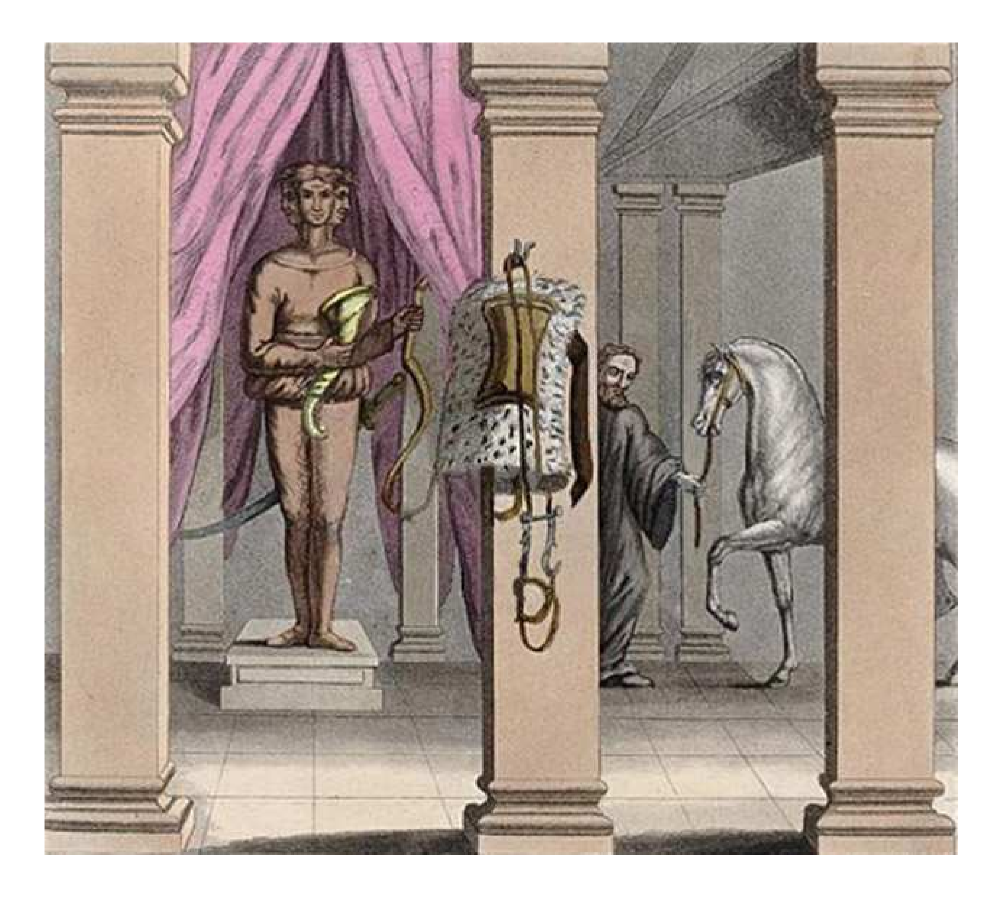
2. Речь в них идёт о каком-то крупном острове (если его можно сравнить с Британией), на котором произошло довольно неприятное для готов событие.

3. И, наконец, в «баснях» фигурирует некий конь, обладающий огромной ценностью, которая сопоставляется с ценой свободы целого племени.

Соответственно, если моделировать историческую ситуацию, то должны совпадать все эти условия: а) большой остров; б) конь; в) некая воля, способная «освободить ценою коня». И они находят прямую аналогию в другом источнике. Саксон Грамматик описывает один обычай, существовавший на острове Рюген:

«*Cum bellum adversum aliquam provinciam suscipi placuisset, ante fanum triplex hastarum ordo ministrorum opera disponi solebat, in quorum quolibet binae e transverso iunctae conversis in terram cuspidibus figebantur, aequali spatiorum magnitudine ordines disparante. Ad quos equus ductandae expeditionis tempore, sollemni precatione praemissa, a sacerdote e vestibulo cum loramentis productus, si propositos ordines ante dextro quam laevo pede transscenderet, faustum gerendi belli omen accipiebatur; sin laevum vel semel dextro praetulisset, petendae provinciae propositum mutabatur, nec prius certa navigatio praefigebatur, quam tria continue potioris incessus vestigia cernerentur*» (Saxo Grammaticus 1886: 567).

«Вознамерившись предпринять войну, приказывали служителям воткнуть в землю перед храмом три пары копий на одинаковом расстоянии: к каждой паре привязывалось третье копье поперек. Перед самым началом похода, жрец, произнеся торжественную молитву, выводил коня за узду из сеней храма и вел на скрещенные копья: если конь, перешагивая каждое поперечное копье, поднимал сначала правую ногу, а потом левую, то видели в этом счастливое знамение и были уверены в успехе войны; если же он хоть один раз выступал левой ногой, то отменялось задуманное предприятие. Также морское плавание почиталось надежным не иначе, как если три раза подряд шаги коня предсказывали успех» (Гильфердинг 1874: 162).

Свентовит, из работы Джулио Феррарио (Милан, 1826 год)

Подобная традиция была широко распространена на всём южно-балтийском побережье. Аналогичное описание находим у Титмара Мерзебургского:

«…*Они выводят коня, отличающегося особенно великим ростом и почитаемого у них священным, и с благоговением и молитвою заставляют его переступать через сложенные накрест острия двух воткнутых в землю копий; этим как бы вдохновенным от божества конем перегадывают они то, что найдено было прежним гаданием, и если выйдет одно и то же, то исполняют задуманное дело; в противном случае огорченный народ отказывается от своего предприятия*» (Гильфердинг 1874: 162).

Или другое сообщение:

«При боге Триглаве содержали коня, который считался священным и помогал предсказывать будущее. Его хорошо кормили, но никто не имел права на нём ездить – так он и стоял целый год без дела. Лишь один священнослужитель мог заботиться о нём. Предсказания при помощи этого коня происходили следующим образом: когда собирались в поход, то сперва клали на землю длинные жерди, а священнослужитель брал коня за поводья и трижды проводил через них. Если конь не задевал жерди, то это сулило удачу, если он задевал их правой ногой, то исход был неопределённым, а если задевал левой – это предвещало беду» (Temme 1840: 49).

Таким образом, важные решения у ругов принимались по поведению священного коня. Скорее всего, это гадание использовалось во всех принципиальных ситуациях. Поэтому можно предположить, что если однажды готы потерпели поражение и были обращены в рабство, то могли быть помилованы «ценою коня», то есть вследствие состоявшего ритуала, о котором сообщают исторические источники.

Примерная реконструкция событий показывает, что «басни» Иордана вполне могли иметь под собой историческое основание. Готы вступили в войну с «островными ругами» и, конечно, могли потерпеть поражение, в особенности, на чужой территории. Наиболее вероятный остров, к которому относятся руги, – это Рюген, где язычники использовали священного коня для решения важных вопросов. И, видимо, в случае с готами имело место благоприятное стечение обстоятельств (иначе они вряд ли продолжили бы свой исторический путь).

О дальнейшем развитии событий остаётся только догадываться. Однако если произошло именно так, то «славные готы» могли воспринять счастливое освобождение «ценою одного коня» как очень тяжёлое оскорбление. Мотив для начала кровной мести здесь очевиден.

ЛИТЕРАТУРА

Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян // Собрание сочинений А.Ф. Гильфердинга. Т. 4. СПб., 1874.

Житие святого Северина / Пер. с лат., вступ. ст. и коммент., указ. А.И. Донченко. СПб., 1998.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Вступ. ст., пер., комм. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.

Кузьмин А.Г. На гаснущих волнах великих переселений // Откуда есть пошла Русская земля. Кн. I. М., 1986.

Saxo Grammaticus. Gesta Danorum / hrsg. von Alfred Holder. Strassburg, 1886.

Temme J.D.H. Die Volkssagen von Pommern und Rügen. Berlin, 1840.

References

Gil'ferding A.F. Istorija baltijskih slavjan [History of the Baltic Slavs], Sobranie sochinenij A.F. Gil'ferdinga, T. 4, SPb., 1874 [in Russian].

Zhitie svjatogo Severina [Saint Severin's life], Per. s lat., vstup. st. i komment., ukaz. A.I. Donchenko, SPb., 1998 [in Russian].

Iordan. O proishozhdenii i dejanijah getov. Getica [De origine actibusque Getarum. Getica], Vstup. st., per., komm. E.Ch. Skrzhinskoj, M., 1960 [in Russian].

Kuz'min A.G. Na gasnushhih volnah velikih pereselenij [On the dying-away waves of great resettlements], Otkuda est' poshla Russkaja zemlja, Kn. I, M., 1986 [in Russian].

Saxo Grammaticus. Gesta Danorum, hrsg. von Alfred Holder, Strassburg, 1886 [in Latin].

Temme J.D.H. Die Volkssagen von Pommern und Rügen, Berlin, 1840 [in German].

* * *

УДК 94(367)

РАННИЕ СЛАВЯНЕ НА ВИСЛЕ И ОДЕРЕ РЕПЛИКА ПО ПОВОДУ СТАТЬИ:

***НОВАКОВСКИЙ В. ПРОБЛЕМА ПРИСУТСТВИЯ СЛАВЯН НА ЗЕМЛЯХ В БАССЕЙНАХ ОДЕРА И ВИСЛЫ В РИМСКИЙ ПЕРИОД И В ЭПОХУ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (НА ОСНОВАНИИ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК) // GERMANIA-SARMATIA II: СБОРНИК, ПОСВЯЩЁННЫЙ ПАМЯТИ М.Б. ЩУКИНА. КАЛИНИНГРАД: [б. и.], 2010. С. 33-40*[*]**

М.И. Жих
Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар»
(Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: max-mors@mail.ru
Scopus Author ID: 55358941500
ORCID ID: 0000-0003-2212-6416
ResearcherID: F-3154-2014
SPIN-код автора РИНЦ: 6149-3974

Авторское резюме

В рецензии рассматривается статья В. Новаковского, посвящённая проблеме присутствия славян в бассейнах Вислы и Одера в римское время и в эпоху Великого переселения народов. Рецензент критически относится к выводам автора о том, что славяне появились в Висло-Одерском регионе только в середине I тыс. н.э.

Ключевые слова: славяне, германцы, археология, этногенез

EARLY SLAVS ON THE VISTULA AND THE ODER A REVIEW OF THE ARTICLE BY

V. NOVAKOVSKY PRESENCE OF SLAVS IN THE BASINS OF THE ODER AND THE VISTULA DURING THE ROMAN EMPIRE AND THE MIGRATION PERIOD (BASED ON WRITTEN SOURCES AND ARCHEOLOGICAL FINDINGS) // GERMANIA-SARMATIA II: A COLLECTION OF PAPERS DEDICATED TO THE MEMORY OF M.B. SCHUKIN. KALININGRAD, 2010. P. 33-40.

M.I. Zhikh
Public and scientific project «Russian-German Historical Seminar»
(St. Petersburg, Russia)
e-mail: max-mors@mail.ru

[*] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-12014.

Abstract

The author critically reviews the V. Novakovsky's conclusions that Slavs appeared in the Vistula-Oder region only in the middle of the first millennium CE.

Keywords: Slavs, Germans, archeology, ethnogenesis

Концепция висло-одерской прародины славян является одной из наиболее распространённых. Она широко представлена в польской науке, где её называют «автохтонистской» (см. например: Lehr-Spławiński 1946; Kostrzewski J. 1935; 1961; 1965; Hensel 1980), в российской историографии её разработка связана с именами В.В. Седова (Седов 1979; 1994; 2002) и И.П. Русановой (Русанова 1976: 201-215; 1990; 2002: 70-98), в белорусской – В.В. Мартынова (Мартынов 1961; 1963; 1998) и Э.М. Загорульского (Загорульский 2012: 97-194), разделяется она и рядом украинских учёных (см. например: Баран, Козак, Терпиловский 1991: 25-27; Козак 2008: 12).

Вместе с тем, развиваются и исследования оппонентов висло-одерской теории: одни учёные развивают «зарубинецкую» концепцию славянского этногенеза, ставящую во главу угла зарубинецкую культуру и генетически связанные с ней памятники (П.Н. Третьяков, Е.А. Горюнов, А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский и т.д.), другие – «лесную», согласно которой предки славян проживали в лесной зоне в ареале «городищенских» культур железного века (М.Б. Щукин, Д.А. Мачинский, Г.С. Лебедев, С.Е. Рассадин и т.д.), О.Н. Трубачев возродил «дунайскую» концепцию прародины славян (Трубачев 2002).

В польской историографии позиции «автохтонистской» концепции серьёзно пошатнулись после выхода работ К. Годловского и его учеников, занявших скептическую позицию: по мнению этих учёных славяне в Висло-Одерском регионе появились только с распространением здесь пражской культуры в середине I тыс. н.э. и не раньше, пришли они откуда-то с востока. Пшеворская же культура была германской (Godłwski 1970; 1981; 1985; Parczewski 1988; 1988a).

Автор рассматриваемой статьи, известный польский археолог В. Новаковский, принадлежит именно к этому «скептическому» направлению, и выход его работы на русском языке (Новаковский 2010) позволяет вернуться к вопросу верификации аргументов противников присутствия славян в Висло-Одерском регионе в первой половине I тыс. н.э., т.е. в тот период, когда он впервые попадает на страницы письменных источников.

В начале своей статьи В. Новаковский совершенно справедливо пишет о том, что археология имеет дело с «немыми» свидетельствами прошлого и решающее слово в этнической атрибуции носителей археологических культур принадлежит письменным источникам (Новаковский 2010: 33).

Рассматриваемые им этнонимы «Германии» Тацита В. Новаковский распределяет в их отношении к археологическому материалу следующим образом: пшеворскую культуру он «отдаёт» лугиям, вельбаркскую – готам (готонам), густовскую группу – ругам, западнобалтский культурный круг – эстиям, пуховскую

культуру – котинам (Новаковский 2010: 34-36). Аналогичное распределение сделано и с этнонимами, упоминаемыми Птолемеем (Новаковский 2010: 36-37).

Сразу заметно, что в этой классификации археологическое соответствие этнонимам не всегда тождественно: одни этнонимы связаны лишь с культурными группами, другие – с культурами, третьи и вовсе с целыми кругами культур. Очевидно, что один этноним античного автора может относиться лишь к какой-то группе в рамках археологической культуре, а другой может покрывать сразу несколько культур, но вот определение этого может быть со стороны исследователей довольно субъективным, что мы и видим у В. Новаковского.

Почему, например, этноним лугии охватывает всю пшеворскую культуру, а не, скажем, её часть? Этот вопрос имеет самое прямое отношение к проблеме присутствия славян в Висло-Одерском регионе в начале н.э.

По мере накопления археологического материала всё более сложной и дробной становится классификация, выделяется всё больше локальных культурных групп, и всё очевиднее становится полиэтничность многих «больших» археологических культур, в составе носителей которых могли быть представители разных этноязыковых групп.

В формировании пшеворской культуры приняли участие три этнокультурных компонента: поморско-подклёшевый (вероятно западноболтско-праславянский), кельтский, продвигавшийся с юго-запада и германский, продвигавшийся с северо-запада. Соответственно, логично полагать, что этнический состав носителей пшеворской культуры был довольно сложным. Германцы лугии (или вандалы), безусловно, были в составе носителей пшеворской культуры. Но были ли они единственными её носителями? Для такого заключения нет достаточных оснований.

Сложный полиэтничный характер пшеворской общности привёл к длительной дискуссии относительно её этнической атрибуции. Одни учёные считали «пшеворцев» полностью или в основном славянами (Ю. Костшевский, К. Ябджевский, В. Шиманский и т.д.), другие – германцами (К. Годловский, М. Парчевский, М.Б. Щукин и т.д.).

Наиболее обоснованным представляется вывод, согласно которому ни чисто германская, ни чисто славянская атрибуция этой культуры не может объяснить всего комплекса фактов (Седов 1979: 60-63; 1994: 178-180; 2002: 112-114). Пшеворская культура – это сложная полиэтническая общность, единственно правильный путь в этническом определении которой состоит в разграничении в её рамках славянских, германских и иных элементов.

По мнению известного российского специалиста по славянскому этногенезу В.В. Седова, перспективным является то направление поисков, которое ещё в 30-е гг. задал польский археолог Р. Ямка (Jamka 1933), который обратил внимание на существенную разницу урновых и безурновых пшеворских погребений: первые обычно характеризуются значительным инвентарём, содержащим нередко и предметы вооружения, вторые обычно малоинвентарны или безынвентарны, не

содержат предметов вооружения. Эти различия, очевидно, являются этнографическими, что позволяет связать их с двумя разными этносами: германским (урновые) и славянским (безурновые). Позднее о полиэтничной структуре населения Висло-Одерского региона начала н.э., в котором жили как славяне, так и германцы, писали и другие учёные (Г. Ловмянский, Г. Янкун, Й. Колендо т.д.).

В.В. Седов продолжил работу, начатую Р. Ямкой, и показал, что урновые и безурновые захоронения характеризуются, преимущественно, разными типами лепной посуды и разным инвентарём (в урновых погребениях встречены предметы, не характерные для ямных захоронений: ножницы, ключи, замки, кресала и т.д.), а выявленные этнографические особенности концентрируются в пшеворском ареале неравномерно: германские преобладают на западе, а славянские – на востоке, в Повисленье, там где пшеворская культура формировалась на подклёшевой основе (Седов 1979: 63-74; 1994: 180-198; 2002: 115-122). Соответственно, можно говорить, что там преобладало именно славянское население.

Несколько иначе подошла к проблеме этнической дифференциации пшеворских памятников И.П. Русанова, попытавшаяся провести их этническую дифференциацию не по целым могильникам или поселениям, а по отдельным закрытым комплексам – погребениям и жилищам (Русанова 1990). При некоторых отличиях, которые дал такой подход, в главном выводы исследовательницы совпали с выводами В.В. Седова: «постоянный славянский компонент в пшеворской культуре был довольно многочисленным и мало смешивался с другими этническими группами» (Русанова 1990: 135). Именно славянский компонент пшеворской культуры стал, по мнению этих учёных, основой для сложения пражской культуры.

Если отрицать наличие значительного славянского компонента в составе «пшеворцев», то формирование пражской культуры остаётся совершенно необъяснимым.

Ясно, что она не связана своим происхождением с киевской культурой. Предположение, высказанное Р.В. Терпиловским ещё в 1984 г., согласно которому начало пражской культуре дала некая миграция населения с Левобережья Днепра, из киевского ареала (Терпиловский 1984: 79) хотя и встречается периодически в современной литературе (см. например: Фурасьев 2009: 31-34), так и не получило за 30 лет никаких подтверждений: в киевской культуре нет прототипов для характерного пражского сосуда – высокого, расширяющегося в верхней части, со слабо выраженными округлыми плечиками и чуть намеченным прямым венчиком (Русанова 1976: 213). Очевидно, что пражская культура имеет иные истоки, чем развившиеся на основе киевской пеньковская и колочинская культуры.

Гипотеза Д.А. Мачинского о формировании пражской культуры на основе культуры штрихованной керамики (Мачинский 2009: 472-480) вовсе лишена каких-либо оснований, по всем основным признакам культура штрихованной керамики и пражская резко отличаются друг от друга (убедительную критику построений Д.А. Мачинского см.: Егорейченко 2006: 116).

Гипотеза И.О. Гавритухина о формировании пражской культуры в Припятском Полесье на основе каких-то позднезарубинецких групп (Гавритухин 2000; 2009) вызвала серьёзную критику (Рассадин 2008: 210-222; Загорульский 2012: 186-187 и сл.; Жих 2013: 125). Совершенно непонятно, как из в общем-то «пустого» Полесья, где археологические памятники постзарубинецкого времени крайне малочисленны (Егорейченко 2005), могла выйти огромная масса славянского населения, стремительно распространившаяся на огромные территории и «переварившая» их население. Скорее здесь была периферия пражской культуры, в генезис которой, протекавший на обширных территориях включились какие-то группы местного позднезарубинецкого населения.

Памятники типа Черепин-Теремцы, которым отводят основную роль в сложении пражской культуры В.Д. Баран и его ученики (Баран 1983; 1988; Баран, Козак, Терпиловский 1991: 62-75), сами развились на основе зубрецкой группы пшеворской культуры (о ней см.: Козак 2008), соответственно, построения В.Д. Барана являются составной часть общей пшеворской гипотезы сложения пражской культуры.

Дату, не позднее которой значительные массы славянского населения проживали в Центральной Европе, дают нам славянские глоссы Приска Паннийского: *medos* – «мед» и (у Иордана в той части его труда, где он цитирует Приска) *strava* – «страва» (Гиндин 1981: 70-86; 1990; Трубачев 2002: 89, 316). В позднеантичных источниках сохранились формы названий гидронимов и топонимов (в частности, Тиса у Приска), в которых отразились их славянские имена (Гиндин 1981: 64-69; Трубачев 2002: 41-45, 92-93).

Уже в середине V в. «скифы», составлявшие, видимо, немалую часть населения гуннской державы, говорили по-славянски. В рамках гипотезы о приходе славян в Висло-Одерский регион с востока уже после исчезновения пшеворской культуры, данные факты необъяснимы, так как в этом случае славяне не смогли бы столь плотно заселить все эти земли с такой быстротой, чтобы даже в таких отдалённых регионах как Потисье уже в середине V в. составлять большинство населения.

Сюда же примыкают и наблюдения В.В. Мартынова о праславянских заимствованиях в древнеанглийском языке (учёный насчитывает 18 таких лексем), в число которых входит и Winedas/венеды, и которые относятся ко времени до переселения англов в Британию, то есть до V в. (Мартынаў 1998). Этнонимом «венеды» германцы традиционно именовали своих восточных соседей славян, и наличие его в древнеанглийском языке указывает, что такое соседство существовало ещё до миграции англов и саксов на Британские острова.

Для вывода, сделанного В. Новаковским, согласно которому «на вопрос о присутствии славян на землях в бассейнах Одера и Вислы в период римского влияния при сегодняшнем состоянии исследований можно ответить только отрицательно» (Новаковский 2010: 39) нет, по нашему мнению, оснований. Вопрос остаётся открытым и требует новых серьёзных исследований. Данные, указывающие

на присутствие славян в первой половине первого тысячелетия н.э. и, вероятно, ранее, в Висло-Одерском регионе имеются и нуждаются в дальнейшем изучении.

ЛИТЕРАТУРА

Баран В.Д. Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983.

Баран В.Д. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселения у с. Рашков). Киев, 1988.

Баран В.Д., Козак Д.Н., Терпиловский Р.В. Похождення слов'ян. Київ, 1991.

Гавритухин И.О. Начало великого славянского расселения на юг и запад // Археологічні студії. Київ; Чернівці, 2000. Т. 1.

Гавритухин И.О. Понятие пражской культуры // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб., 2009.

Гиндин Л.А. К вопросу о характере славянизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.

Гиндин Л.А. Обряд погребения Аттилы и «тризна» Ольги по Игорю // Советское славяноведение. 1990. № 2.

Жих М.И. Проблема славянского этногенеза в работах В.В. Седова // Русин. Международный исторический журнал. 2013. № 1 (31).

Загорульский Э.М. Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси. Минск, 2012.

Егорейченко А.А. Историческая ситуация в Белорусском Полесье и прилегающих регионах в первой половине I тыс. н.э. // Archeologia o początkach Słowian. Kraków, 2005.

Егорейченко А.А. Культуры штрихованной керамики. Минск, 2006.

Козак Д.Н. Венеди. Київ, 2008.

Мартынов В.В. К лингвистическому обоснованию гипотезы о Висло-Одерской прародине славян // Вопросы языкознания. 1961. № 3.

Мартынов В.В. Лингвистические методы обоснования гипотезы о Висло-Одерской прародине славян. Минск, 1963.

Мартынаў В.В. Прарадзіма славян. Лінгвістычная верыфікацыя. Мэнск, 1998.

Мачинский Д.А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII – середине XI в. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб., 2009.

Новаковский В. Проблема присутствия славян на землях в бассейнах Одера и Вислы в римский период и в эпоху великого переселения народов (на основании письменных источников и археологических находок) // Germania-Sarmatia II: Сборник, посвящённый памяти М.Б. Щукина. Калининград, 2010.

Рассадин С.Е. Первые славяне. Славяногенез. Минск, 2008.

Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. М., 1976.

Русанова И.П. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир: материалы и исследования. М., 1990.

Русанова И.П. Истоки славянского язычества. Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Черновцы, 2002.

Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.

Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев, 1984.

Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002.

Фурасьев А.Г. О роли миграций в этногенезе ранних славян // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб., 2009.

Godłwski K. The chronology of the Late Roman and Early Migration periods in Central Europe // Prace archeologiczne. T. 11. Kraków, 1970.

Godłwski K. Kultura przeworska // Prahistoria ziem Polskich. T. V. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981.

Godłwski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w mlodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódž, 1985.

Jamka R. Cmentarzysko w Kopkach (pow. Nizki) na tłe okresu rzymskiego w Malopolsce Zachodniej // Przegląd archeologiczny. Poznan, 1933. T. V. Z. 1.

Hensel W. Polska starožytna. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980.

Kostrzewski J. Prasłowianszczyzna // Biblioteka słowianska. Seria I. № 2. Warszawa, 1935.

Kostrzewski J. Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich w pradziejach (Od połowy II tysiaclecia p.n.e. do wczesnego średniowiecza). Poznań, 1961.

Kostrzewski J. Zur Frage der Siedlungsstetigkeit in der Urgeschichte Polens von der Mitte des II. Jahrtausends v. u. Z. bis friihen Mittelalter. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965.

Lehr-Spławiński T. O pochodzeniu i praojczyžnie Słowian. Poznń, 1946.

Parczewski M. Początki kultury wczesnosłłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych. Wrocłław; Warszawa; Kraków; Gdansk, 1988.

Parczewski M. Najstarsza fasa kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Kraków, 1988a.

References

Baran V.D. Slozhenie slavjanskoj rannesrednevekovoj kul'tury i problema rasselenija slavjan [Addition of Slavic early medieval culture and problem of moving of Slavs], Slavjane na Dnestre i Dunae, Kiev, 1983 [in Russian].

Baran V.D. Prazhskaja kul'tura Podnestrov'ja (po materialam poselenija u s. Rashkov) [The Prague culture of Podnestrovya (on settlement materials at the village of Rashkov)], Kiev, 1988 [in Russian].

Baran V.D., Kozak D.N., Terpilovskij R.V. Pohozhdennja slov'jan [Origin of Slavs], Kiïv, 1991 [in Ukrainian].

Gavrituhin I.O. Nachalo velikogo slavjanskogo rasselenija na jug i zapad [The beginning of great Slavic moving on the South and the West], Arheologichni studiï, Kiïv; Chernivci, 2000, T. 1 [in Russian].

Gavrituhin I.O. Ponjatie prazhskoj kul'tury [Concept of the Prague culture], Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha, T. 49, SPb., 2009 [in Russian].

Gindin L.A. K voprosu o haraktere slavjanizacii Karpato-Balkanskogo prostranstva (po lingvisticheskim i filologicheskim dannym) [To a question of character of a slavyanization of Karpato-Balkansky space (according to linguistic and philological data)], Formirovanie rannefeodal'nyh slavjanskih narodnostej, M., 1981 [in Russian].

Gindin L.A. Obrjad pogrebenija Attily i «trizna» Ol'gi po Igorju [Ceremony of burial of Attila and Olga's «funeral feast» according to Igor], Sovetskoe slavjanovedenie, 1990, № 2 [in Russian].

Zhih M.I. Problema slavjanskogo jetnogeneza v rabotah V.V. Sedova [Problem of Slavic ethnogenesis in V.V. Sedov's works], Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal, 2013, № 1 (31) [in Russian].

Zagorul'skij Je.M. Slavjane: proishozhdenie i rasselenie na territorii Belarusi [Slavs: an origin and moving in the territory of Belarus], Minsk, 2012 [in Russian].

Egorejchenko A.A. Istoricheskaja situacija v Belorusskom Poles'e i prilegajushhih regionah v pervoj polovine I tys. n.je. [Historical situation in Belarusian Polesia and adjacent regions in the first half of I thousand AD], Archeologia o początkach Słowian, Kraków, 2005 [in Russian].

Egorejchenko A.A. Kul'tury shtrihovannoj keramiki [Cultures of the shaded ceramics], Minsk, 2006 [in Russian].

Kozak D.N. Venedi [Venedi], Kiïv, 2008 [in Ukrainian].

Martynov V.V. K lingvisticheskomu obosnovaniju gipotezy o Vislo-Oderskoj prarodine slavjan [To linguistic justification of a hypothesis of the Vistula and Oder ancestral home of Slavs], Voprosy jazykoznanija, 1961, № 3 [in Russian].

Martynov V.V. Lingvisticheskie metody obosnovanija gipotezy o Vislo-Oderskoj prarodine slavjan [Linguistic methods of justification of a hypothesis of the Vistula and Oder ancestral home of Slavs], Minsk, 1963 [in Russian].

Martynaÿ V.V. Praradizma slavjan. Lingvictychnaja veryfikacyja [Ancestral home of Slavs. Linguistic verification], Mjensk, 1998 [in Belarusian].

Machinskij D.A. Nekotorye predposylki, dvizhushhie sily i istoricheskij kontekst slozhenija russkogo gosudarstva v seredine VIII – seredine XI v. [Some prerequisites, driving forces and historical context of addition of the Russian state in the middle of VIII –

the middle of the XI century], Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha, T. 49, SPb., 2009 [in Russian].

Novakovskij V. Problema prisutstvija slavjan na zemljah v bassejnah Odera i Visly v rimskij period i v jepohu velikogo pereselenija narodov (na osnovanii pis'mennyh istochnikov i arheologicheskih nahodok) [Problem of presence of Slavs on lands in the basins of Oder and Vistula during the Roman period and during an era of great resettlement of the people (on the basis of written sources and archeological finds)], Germania-Sarmatia II: Sbornik, posvjashhjonnyj pamjati M.B. Shhukina, Kaliningrad, 2010 [in Russian].

Rassadin S.E. Pervye slavjane. Slavjanogenez [First Slavs. Slavyanogenez], Minsk, 2008 [in Russian].

Rusanova I.P. Slavjanskie drevnosti VI-VII vv. [Slavic antiquities of the VI-VII centuries], M., 1976 [in Russian].

Rusanova I.P. Jetnicheskij sostav nositelej pshevorskoj kul'tury [Ethnic structure of carriers of Przeworsk culture], Ranneslavjanskij mir: materialy i issledovanija, M., 1990 [in Russian].

Rusanova I.P. Istoki slavjanskogo jazychestva. Kul'tovye sooruzhenija Central'noj i Vostochnoj Evropy v I tys. do n.je. – I tys. n.je. [Sources of Slavic paganism. Cult constructions of the Central and Eastern Europe in I thousand BC – I am one thousand AD], Chernovcy, 2002 [in Russian].

Sedov V.V. Proishozhdenie i rannjaja istorija slavjan [Origin and early history of Slavs], M., 1979 [in Russian].

Sedov V.V. Slavjane v drevnosti [Slavs in the ancient time], M., 1994 [in Russian].

Sedov V.V. Slavjane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], M., 2002 [in Russian].

Terpilovskij R.V. Rannie slavjane Podesen'ja III-V vv. [Early Slavs of Podesenya of the III-V centuries], Kiev, 1984 [in Russian].

Trubachev O.N. Jetnogenez i kul'tura drevnejshih slavjan. Lingvisticheskie issledovanija [Ethnogenesis and culture of the most ancient Slavs. Linguistic researches], M., 2002 [in Russian].

Furas'ev A.G. O roli migracij v jetnogeneze rannih slavjan [About a role of migrations in ethnogenesis of early Slavs], Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha, T. 49, SPb., 2009 [in Russian].

Godłwski K. The chronology of the Late Roman and Early Migration periods in Central Europe, Prace archeologiczne, T. 11, Kraków, 1970 [in Polish].

Godłwski K. Kultura przeworska, Prahistoria ziem Polskich, T. V, Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981 [in Polish].

Godłwski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w mlodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim, Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódž, 1985 [in Polish].

Jamka R. Cmentarzysko w Kopkach (pow. Nizki) na tłe okresu rzymskiego w Malopolsce Zachodniej, Przegląd archeologiczny, Poznań, 1933, T. V, Z. 1 [in Polish].

Hensel W. Polska starožytna, Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980 [in Polish].

Kostrzewski J. Prasłowianszczyzna, Biblioteka słowianska, Seria I, № 2, Warszawa, 1935 [in Polish].

Kostrzewski J. Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich w pradziejach (Od połowy II tysiaclecia p.n.e. do wczesnego średniowiecza), Poznań, 1961 [in Polish].

Kostrzewski J. Zur Frage der Siedlungsstetigkeit in der Urgeschichte Polens von der Mitte des II. Jahrtausends v. u. Z. bis friihen Mittelalter, Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965 [in Polish].

Lehr-Spławiński T. O pochodzeniu i praojczyžnie Słowian, Poznań, 1946 [in Polish].

Parczewski M. Początki kultury wczesnosłłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych, Wrocłław; Warszawa; Kraków; Gdansk, 1988 [in Polish].

Parczewski M. Najstarsza fasa kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce, Kraków, 1988a [in Polish].

* * *

Правила публикации в журнале

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятий. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в наукометрических базах данных РИНЦ, Scopus и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают в адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют

государственную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

Порядок сдачи материала:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения – 0,5 п.л., рецензии – 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию (за исключением статей докторов наук, членов редколлегии журнала, а также оригинальных статей). Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

Требования к оформлению материалов:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc .docx .rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК)

2. Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.

3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п.2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и

интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.

4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, примечания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название «References»).

Параметры оформления статьи: выравнивание – по левому краю; первая строка – отступ 1,25 см; межстрочный интервал – одинарный; шрифт – Times New Roman; размер – 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» – оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу http://translit.ru (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания - переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в журнале. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

* * *

Сведения об авторах

Грот Лидия Павловна – кандидат исторических наук, Общество «Русский салон» (Швеция). Email: mail@histformat.com

Жих Максим Иванович – историк, координатор общественно-научного проекта «Российско-немецкий исторический семинар» (Санкт-Петербург, Россия). Email: max-mors@mail.ru

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования. Email: ivonins@rambler.ru

Клёсов Анатолий Алексеевич – доктор химических наук, профессор, президент Академии ДНК-генеалогии, академик Национальной академии наук Грузии, член Всемирной академии наук и искусств, главный редактор журнала «Advances in Anthropology». Email: aklyosov@comcast.net

Меркулов Всеволод Игоревич – кандидат исторических наук, советник государственной гражданской службы, член редколлегии международного исторического журнала «Русин», координатор общественно-научного проекта «Российско-немецкий исторический семинар» (Москва, Россия). Email: mail@histformat.com

Пауль Андрей – историк, координатор общественно-научного проекта «Российско-немецкий исторический семинар» (Любек, Германия). Email: mail@histformat.com

Пузанов Владимир Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета. Email: oid@kgsu.ru

* * *

международный научный журнал

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2015, № 1

* * *

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 20.02.2015
Формат 210x297
Электронный файл PDF
Гарнитура «Palatino Linotype»

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/